

**Николай Михайлович Карамзин
История государства Российского. Том XII**

История государства Российского – 12

Аннотация

«История Карамзина» — один из величайших памятников русской национальной культуры.

В двенадцатом томе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзиным описано время царствования Василия Иоанновича Шуйского (1606—1610), период «междоцарствия» (1611—1612).

**Николай Михайлович Карамзин
«История государства Российского»
Том XII**

Глава I

Царствование Василия Иоанновича Шуйского. 1606—1608 г.

Род Василиев. Свойства нового Царя. Клятва Василиева. Обнародованные грамоты. Венчание. Опалы. Неудовольствия. Пренесение Димитриево тела. Новый Патриарх. Гордость Марины. Речь Послов Литовских. Посольство к Сигизмунду. Сношение с Европою и с Азиею. Мятежи в Москве. Бунт Шаховского. Второй Лжедимитрий. Болотников. Успехи мятежников. Прокопий Ляпунов. Пренесение тела Борисова. Мятежники под Москвою. Победа Скопина-Шуйского. Лжепетр. Осада Калуги. Годуновы в Сибири. Распоряжения Василиевы. Призвание Иова. Храбрость Болотникова. Победа Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василия в несчастиях. Доблесть Воевод Царских. Осада Тулы. Явление нового Лжедимитрия. Взятие Тулы. Брак Василиев. Законы. Устав воинский.

Василий Иоаннович Шуйский, происходя в осьмом колене от Димитрия Суздальского, спорившего с Донским о Великом Княжестве, был внуком ненавистного Олигарха Андрея Шуйского, казненного во время Иоанновой юности, и сыном Боярина-воеводы, убитого Шведами

в 1573 году под стенами Лоды.

Если всякого Венценосца *избранного* судят с большею строгостию, нежели Венценосца наследственного; если от первого требуют обыкновенно качеств редких, чтобы повиноваться ему охотно, с усердием и без зависти, то какие достоинства, для царствования мирного и непрекословного, надлежало иметь новому Самодержцу России, возведенному на трон более сонмом клеветов, нежели отечеством единомудушным, вследствие измен, злодейств, буйности и разврата? Василий, льстивый Царедворец Иоаннов, сперва явный неприятель, а после бессовестный угодник и все еще тайный зложелатель Борисов, достигнув венца успехом кова, мог быть только вторым Годуновым: лицемером, а не Героем Добродетели, которая бывает главною силою и властителей и народов в опасностях чрезвычайных. Борис, воцаряясь, имел выгоду: Россия уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примеров в крамольстве; Но Василий имел другую выгоду: не был святоубийцею; обогранный единственно кровию ненавистною и заслужив удивление Россиян делом белестящим, оказав в низложении Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда пленительную для народа. Чья судьба в Истории равняется с судьбою Шуйского? Кто с места казни восходил на трон и знаки жестокой пытки прикрывал на себе хламидою Царскою? Сие воспоминание не вредило, но способствовало общему благорасположению к Василию: он страдал за отечество и Веру! Без сомнения уступая Борису в великих дарованиях государственных, Шуйский славился однако ж разумом мужа думного и сведениями книжными, столь удивительными для тогдашних суеверов, что его считали волхвом; с наружностью невыгодною (будучи роста малого, толст, несановит и лицом смугл; имея взор суровый, глаза красноватые и подслепые, рот широкий), даже с качествами вообще нелюбезными, с холодным сердцем и чрезмерною скупостию, умел, как Вельможа, снискать любовь граждан честною жизнью, ревностным наблюдением старых обычаев, доступностию, ласковым обхождением. Престол явил для современников слабость в Шуйском: зависимость от внушений, склонность и к легковерию, коего желает зломыслие, и к недоверчивости, которая охлаждает усердие. Но престол же явил для потомства и чрезвычайную твердость души Василиевой в борении с неодолимым Роком: вкусив всю горечь державства несчастного, уловленного властолюбием, и сведав, что венец бывает иногда не наградою, а казнию, Шуйский пал с величием в развалинах Государства!

Он хотел добра отечеству, и без сомнения искренно: еще более хотел угодить Россиянам. Видев столько злоупотреблений неограниченной Державной власти, Шуйский думал устранить их и пленить Россию новостью важною. В час своего воцарения, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему в верности, сам нареченный Венценосец, к общему изумлению, дал присягу, дотоле не слыханную: 1) не казнить смертию никого без суда Боярского, истинного, законного; 2) преступников не лишать имущества, но оставлять его в наследие женам и детям невинным; 3) в изветах требовать прямых явных улик с очей на очи и наказывать клеветников тем же, чему они подвергали винимых ими несправедливо. “Мы желаем (говорил Василий), чтобы Православное Христианство наслаждалось миром и тишиною под нашею Царскою хранительною властью” — и, велел читать грамоту, которая содержала в себе означенный устав, целовал крест в удостоверение, что исполнит его добросовестно. Сим священным обетом мыслил новый Царь избавить Россиян от двух ужасных зол своего века: от ложных доносов и беззаконных опал, соединенных с разорением целых семейств в пользу алчной казны; мыслил, в годину смятений и бедствий, дать гражданам то благо, коего не знали ни деды, ни отцы наши до человеколюбивого Царствования Екатерины Второй. Но вместо признательности многие люди, знатные и незнатные, изъявили негодование и напомнили Василию правило, уставленное Иоанном III, что не Государь народу, а только народ Государю дает клятву. Сии Россияне были искренние друзья отечества, не рабы и не льстецы низкие: имея в свежей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Иоаннова младенчества, когда власть царская в пеленах дремала: боялись ее стеснения, вредного для Государства, как они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внял их убеждениям, действуя или по собственному изволению или в угодность некоторым Боярам, склонным к Аристократии и, чтобы блеснуть великодушием, торжественно обещал забыть всякую личную вражду, все досады, претерпенные им в Борисово время: ему верили, но недолго.

Отменив новости, введенные Лжедимитрием, и восстановив древнюю Государственную Думу, как она была до его времени, Василий спешил известить всю Россию о своем воцарении и не оставить в умах ни малейшего сомнения о Самозванце: послали всюду чиновников знатных приводить народ к крестному целованию с обетом, не делать, не говорить и не мыслить ничего злого против Царя, будущей супруги и детей его; велели, как обыкновенно, три дни

звонить в колокола, от Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Колы, — молиться о здравии Государя и мире отечества. Читали в церквах грамоты от Бояр, Царицы-Инокини Марфы и Василия (именованного в сих бумагах *потомком Кесаря Римского*). Описав дерзость, злодейства, собственное в том признание и гибель Самозванца, Бояре величали род и заслугу Шуйского, спасителя Церкви и Государства. Марфа свидетельствовалась Богом, что ее сердце успокоено казнию обманщика: а Василий уверял Россиян в своей любви и милости беспримерной. Обнародовали найденную во внутренних комнатах дворца переписку Лжедмитрия с Римским Двором и Духовенством о введении у нас Латинской Веры, запись данную Воеводе Сендомирскому на Смоленск и Северскую землю, также допросы Мнишка и Бучинских, Яна и Станислава: Мнишек винился в заблуждении, сказывая, что он и сам же не мог считать мнимого Дмитрия истинным, приметив в нем ненависть к России, и для того часто впадал в болезнь от горести. Бучинские объявляли, что расстрига действительно хотел с помощью Ляхов умертвить 18 Мая, на лугу Сретенском, двадцать главных Бояр и всех лучших Москвитян; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславского, Тарлу и Стадницким Шуйских; что Ляхи должны были занять все места в Думе, править войском и Государством: свидетельство едва ли достойное уважения, и если не вымышленное, то вынужденное страхом из двух малодушных слуг, которые, желая спасти себя от мести Россиян, не боялись клеветать на пепел своего милостивца, развеянный ветром! Современники верили; но трудно убедить потомство, чтобы Лжедмитрий, хотя и нерассудительный, мог дерзнуть на дело ужасное и безумное: ибо легко было предвидеть, что Бояре и Москвитяне не дали бы резать себя как агнцев, и что кровопролитие заключилось бы гибелию Ляхов вместе с их Главою.

Июня 1 совершилось Царское венчание в храме Успения, с наблюдением всех торжественных обрядов, но без всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложил на Василия Митрополит Новгородский. Синклит и народ славили Венценовца с усердием; гости и купцы отличались щедростию в дарах, ему поднесенных. Являлось однако ж какое-то уныние в столице. Не было ни милостей, ни пиров; были опалы. Сменили Дворецкого, Князя Рубца-Мосальского, одного из первых клятвopеступников Борисова времени, и велели ему ехать Воеводою в Корелу или Кексгольм; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшим, желая ли навеки уничтожить сей знаменитый сан, чрезмерно возвышенный Годуновым,

или единственно в знак неблаговоления к злопамятному страдальцу Василиева криводушия в деле о Дмитриевом убиении, *Великого Секретаря* и *Подскарбия*, Афанасия Власьева, сослали на Воеводство во Уфу как ненавистного приверженника расстригина; двух важных Бояр, Михайла Салтыкова и Бельского, удалили, дав первому начальство в Иванегороде, второму в Казани; многих иных сановников и Дворян, не угодных Царю, тоже выслали на службу в дальние города; у многих взяли поместья. Василий, говорит Летописец, нарушил обет свой не мстить никому лично, без вины и суда. Оказалось неудовольствие; слышали ропот. Василий, как опытный наблюдатель тридцатилетнего гнусного тиранства, не хотел ужасом произвести безмолвия, которое бывает знаком тайной, всегда опасной ненависти к жестоким Властителям; хотел равняться в государственной мудрости с Борисом и превзойти Лжедмитрия в свободолюбии, отличать слово от умысла, искать в нескромной искренности только указаний для Правительства и грозить мечем закона единственно крамольникам. Следствием была удивительная вольность в суждениях о Царе, особенная величавость в Боярах, особенная смелость во всех людях чиновных; казалось, что они имели уже не Государя самовластного, а полу-Царя. Никто не дерзнул спорить о короне с Шуйским, но многие дерзали ему завидовать и порочить его избрание как незаконное. Самые усердные клеветы Василия изъясляли негодование: ибо он, доказывая свою умеренность, беспристрастие и желание царствовать не для клеветов, а для блага России, не дал им никаких наград блестящих в удовлетворение их суетности и корыстолюбия. Заметили еще необыкновенное своеволие в народе и шатость в умах: ибо частые перемены государственной власти рождают недоверие к ее твердости и любовь к переменам: Россия же в течение года имела четвертого Самодержца, праздновала два цареубийства и не видала нужного общего согласия на последнее избрание. Старость Василия, уже почти шестидесятилетнего, его одиночество, неизвестность наследия, также производили уныние и беспокойство. Одним словом, самые первые дни нового Царствования, всегда благоприятнейшие для ревности народной, более омрачили, нежели утешили сердца истинных друзей отечества.

Между тем, как бы еще не полагаясь на удостоверение Россиян в самозванстве расстриги, Василий дерзнул явлением торжественным напомнить им о своих лжесвидетельствах, коими он, в угодность Борису, затмил обстоятельства Дмитриевой гибели: Царь велел Святителям, Филарету Ростовскому и Феодосию Астраханскому, с

Боярами Князем Воротынским, Петром Шереметевым, Андреем и Григорием Нагими, перевезти в Москву тело Димитрия из Углича, где оно, в господствование Самозванца, лежало уединенно в опальной могиле, никем не посещаемой: Иереи не смели служить панихид над нею; граждане боялись приблизиться к сему месту, которое безмолвно уличало мнимого Димитрия в обмане. Но падение обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились к нему толпами; *пели молебны, лили* слезы умиления и покаяния, лучше других Россиян знав истину и молчав против совести. Когда Святители и Бояре Московские, прибыв в Углич, объявили волю Государеву, народ долго не соглашался выдать им драгоценные остатки юного мученика, взывая: “Мы его любили и за него страдали! Лишенные живого, лишимся ли и мертвого?” Когда же, вынув из земли гроб и сняв его крышку, увидели тело, в пятнадцать лет едва поврежденное сыростию земли: плоть на лице и волосы на голове целые, равно как и жемчужное ожерелье, шитый платок в левой руке, одежду также шитую серебром и золотом, сапожки, горсть орехов, найденных у закланного младенца в правой руке и с ним положенных в могилу: тогда, в единодушном восторге, жители и пришельцы начали славить сие знамение святости — и за чудом следовали новые чудеса, по свидетельству современников: недужные, с верою и любовью касаясь мощей, исцелялись. Из Углича несли раку [3 Июня], переменяясь, люди знатнейшие, воины, граждане и земледельцы: Василий, Царица-Инокня Марфа, Духовенство, Синклит, народ встретили ее за городом; открыли мощи, явили их нетление, чтобы *утешить верующих и сомкнуть уста неверным*. Василий взял святое бремя на рамена свои и нес до церкви Михаила Архангела, как бы желая сим усердием и смирением очистить себя перед тем, кого он столь бесстыдно оклеветал в самоубийстве! Там, среди храма, Инокня Марфа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всех Россиян, простить ей грех согласия с Лжедимитрием для их обмана — и Святители, исполняя волю Царя, разрешили ее торжественно, *из уважения к ее супругу и сыну*. Народ исполнился умиления, и еще более, когда церковь огласилась радостными кликами многих людей, вдруг излеченных от болезней действием Веры к мощам Димитриевым, как пишут очевидцы. Хотели предать земле сии святые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить в ней гроб его жертвы, в пределе, где лежат Царь Иоанн и два сына его; но благодарность исцеленных и надежда болящих убедили Василия не скрывать *источника благодати*: вложили тело в деревянную раку, обитую золотым атласом, оставили ее на

помосте и велели петь молебны новому Угоднику Божию, вечно праздновать его память и вечно клясть Лжедмитриеву.

Еще Церковь не имела Патриарха: в самый первый день Василиева Царствования свели Игнатия с престола, без суда духовного, единственно по указу Государеву, — одели в черную рясу и заперли в келиях Чудова монастыря; Иов же, в печали, в слезах лишаась зрения, не хотел возвратиться в Москву, где находились тогда все Святители Российские, кроме Митрополита Ермогена, удаленного Лжедмитрием, и тем возвышенного во мнении народа. Среди жалостных примеров слабости, оказанное несчастным Иовом и всем Духовенством, Ермоген, не обольщенный милостию Самозванца, не уstraшенный опалюю за ревность к Православию, казался Героем Церкви, и был единодушно, единогласно наречен Патриархом, — нетерпеливо ожидаем и немедленно посвящен, как скоро прибыл из Казани в столицу, собором наших Епископов. Царь, с любовью вручая Ермогену жезл Св. Петра Митрополита, и Ермоген, с любовью благословляя Царя, заключили искренний, верный союз Церкви с Государством, но не для их мира и счастья!

Утвердив себя на престоле великодушным обетом блюсти закон, всенародным оправданием казни расстригиной, своим Царским венчанием, торжеством Дмитриевой святости, избранием Патриарха ревностного и мужественного духом, — поставив войско на берегах Оки и в Украине, велел надежным чиновникам осмотреть его и Воеводам ждать царского указа, чтобы идти для усмирения врагов, где они явятся, — Василий немедленно занялся делами внешними. Важнейшим делом было решить мир или войну с Литвою, не уронить достоинства России, но без крайности не начинать кровопролития в смутных обстоятельствах Государства, коего внутреннее устройство, после измен и бунтов, требовало времени и тишины. Еще тело Самозванца лежало на лобном месте, когда Духовенство наше отправило гонца в Киев, к тамошнему Воеводе, Князю Острожскому, с известительною грамотою о всем, что случилось в Москве, и с уверением в миролюбии Российского Правительства, не взирая на все козни Литовского. В сем смысле действовал и новый Венценосец: хранил Поляков от злобы народа, велел давать им все нужное в изобилии, и с честью отвезти Марину к отцу, который, обманывая себя и других, еще именовал ее Царицею, и в виде слуги усердного благоговел пред дочерью. Марина изъясляла более высокомерия, нежели скорби, и говорила своим ближним: “Избавьте меня от ваших безвременных утешений и слез малодушных!” У нее взяли сокровища,

одежды богатые, данные ей мужем: она же не жаловалась от гордости. Взяли и все имение Воеводы Сендомирского: 10000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конские, вина, всего на 250000 нынешних рублей серебряных, сказав ему: “возвратим тебе, что найдется твоим собственным: удержим достояние казны Царской”. В свидании с Боярами Мнишек не скрывал глубокой своей печали, ни раскаяния, вероятно искреннего, быв знаменитейшим Вельможею в отечестве и видя себя невольником в стране чуждой, где народная месть, им заслуженная, угрожала ему гибели или узами, после его сновидения о Державном величии. Бояре обещали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если Король удостоверит Василия в истинном расположении к миру.

Они имели несколько свиданий и с Послами Литовскими. Первое было 27 Маия, во дворце, где сии Паны заметили разительную перемену: исчезла пышность Лжедимитриева времени; скрылись блестящие золотом телохранители и стрельцы; самые знатные чиновники, угождая вкусу Василиеву к бережливости, не отличались богатством платья. Вместо роскоши и веселия, являлись везде простота, угрюмая важность, безмолвная печаль. “Нам казалось, — пишут Ляхи-очевидцы, — что Двор Московский готовился к погребению”. Князя Мстиславский, Дмитрий Шуйский, Трубецкой, Голицыны, Татищев приняли Олесницкого и Госевского в той же палате, в коей они беседовали с ними именем Лжедимитрия, называя его тогда *непобедимым Цесарем*, а в сие время гнусным исчадием ада! Мстиславский произнес сильную речь о злодейском убиении истинного сына Иоаннова по воле Годунова, о нелепом самозванстве расстриги, о кознях Сигизмундовых, желая доказать, что бродяга без вспоможения Ляхов никогда не овладел бы Московским престолом; что сей бродяга достойно казнен Россиею, а немногие Ляхи в час мятежа убиты чернию за их наглость, без ведома Бояр и Дворянства. “Одним словом, — заключил Мстиславский, — кто виною зла и всех бедствий? Король и вы, Паны, нарушив святость мирного договора и крестного целования”.

Олесницкий и Госевский тихо советовались друг с другом и дали ответ не менее сильный, изъясняясь смело, и если не во всем искренно, то по крайней мере умно и благородно. “Мы слышали о бедственной кончине Димитрия, — говорили Паны, — и жалели об ней как Христиане, гнушаясь убийцею. Но явился человек под именем сего Царевича, свидетельствуясь разными приметам в истине своего уверения, и сказывая, как он спасен Небом от убийцы — как Борис тайно умертвил Царя Феодора, истребил знатнейшие роды Дворянские,

теснил, гнал всех людей именитых. Не то ли самое говорили нам о Борисе и некоторые из вас, мужей Думных? И читая историю, не находим ли в ней примеров, что мнимоусопшие являются иногда живы в казнь злодейству? Но мы еще не верили бродяге: поверил ему только добросердечный Воевода Сендомирский, и не ему одному, но многим Россиянам, признавшим в нем Дмитрия: они клялися, что Россия ждет его; что города и войско сдадутся Иоаннову наследнику. Действуя самовольно, Мнишек хотел быть свидетелем торжества Дмитриева — и был; но, повинувшись указу Королевскому, возвратился, чтобы не нарушить мира, заключенного нами с Годуновым. Дмитрий, как он называл себя, остался в земле Северной единственно с Россиянами, Донскими и Запорожскими Козаками: что ж сделали Россияне? Пали к ногам его: Воеводы и войско. Что сделали и вы, Бояре? Выходили к нему навстречу с царскою утварию; вопили, что принимаете Государя любимого от Бога, и кипели гневом, когда Ляхи смели утверждать, что они дали Царство Дмитрию. Мы, Послы, собственными глазами видели, как вы пред ним благоговели. Здесь, в сей самой палате, рассуждая с нами о делах государственных, вы не изъявляли ни малейшего сомнения о роде его и сани. Одним словом, не мы Поляки, но вы Русские, признали своего же Русского бродягу Дмитрием, встретили с хлебом и солью на границе, привели в столицу, короновали и... убили; вы начали, вы и кончили. Для чего же вините других? Не лучше ли молчать и каяться в грехах, за которые Бог наказал вас таким ослеплением? Не говорим о клятвопреступлении и цареубийстве; не осуждаем вашего дела, и не имеем причины жалеть о сем человеке, который в ваших глазах оскорблял нас, величался, безумно требовал неслыханных титулов и едва ли мог быть надежным другом нашего отечества; но дивимся, что вы, Бояре, как люди известно умные, позволяете себе суесловить, желая оправдать душегубство: бесчеловечное избиение наших братьев... Они не воевали с вами, не помогали вашему Лжедмитрию, не хранили его: ибо он вверил жизнь свою не им, а вам единственно! Слагаете вину на чернь: поверим тому, если можно; поверим, если вы невредимо отпустите с нами Воеводу Сендомирского, дочь его и всех Ляхов к Королю, дабы мы своим миролюбивым ходатайством обезоружили месть готовую. Но доколе, вопреки народному праву, уважаемому и варварами, будете держать нас, как бы пленников, дотоле в глазах Короля, Республики и всей Европы не чернь Московская, а вы с вашим новым Царем останетесь виновниками сего кровопролития, и не в безопасности. Рассудите!”

Бояре слушали с великим вниманием и долго сидели в молчании,

смотря друг на друга; наконец ответствовали Панам: “Вы были Послами у Самозванца, а теперь уже не Послы: следственно не должно говорить вам так вольно и смело”; но расстались с ними ласково; виделись снова и сказали им, что Василий милостиво приказал освободить всех нечиновных Ляхов и вывезти за границу: но что Послы, Воевода Сендомирский и другие знатные Паны должны ждать в России решения судьбы своей от Сигизмунда, к коему едет Царский чиновник для важных объяснений и переговоров. Дворянин Князь Григорий Волконский немедленно был послан в Краков. Олесницкий и Госевский остались в Москве под стражею; Мнишка с дочерью вывезли в Ярославль, Вишневецкого в Кострому, товарищей их в Ростов и Тверь. Они имели дозволение писать к Королю и писали миролюбиво, желая как можно скорее избавиться от неволи, чтобы говорить и действовать иначе.

Уже слух о гибели Самозванца и многих Ляхов в Москве встревожил всю Польшу: в городах и в местечках Литовских останавливали Князя Волконского и Дьяка его, бесчестили, ругали, называли убийцами, злодеями; метали в их людей камнями и грязью; а Королевские чиновники отвечали им на жалобы, что никакая власть не может унять народного негодования. Быв четыре месяца в дороге, Волконский приехал в Краков, где Сигизмунд встретил его с лицом угрюмым, не звал к обеду, не удостоил ни одного ласкового слова, и, скрыв печаль свою о судьбе Лжедмитрия, от коего Польша ждала столько выгод, слушал холодно извещение о новом Самодержце в России. В переговорах с Коронными Панами Волконский доказывал то же, что наши Бояре доказывали в Москве Послам Сигизмундовым; а Паны ответствовали ему то же, что Послы Боярам. Мы говорили Ляхам: “Вы дали нам Лжедмитрия!” Ляхи возражали: “Вы взяли его с благодарностию!” Но с обеих сторон умеряли колкость выражений, оставляя слово на мир. Волконский требовал удовлетворения за бедствие, претерпенное Россиею от Самозванца: за гибель многих людей и расхищение нашей казны; Король же требовал освобождения своих Послов и платежа за товары, взятые Лжедмитрием у купцов Литовских и Галицких, или разграбленные чернию Московскою в день мятежа. Не могли согласиться, однако ж не грозили войною друг другу. “Швеция, — сказал Волконский, — уступает Царю знатную часть Ливонии, желая его вспоможения; но он не хочет нарушить прежнего мирного договора”. Паны уверяли, что они также не нарушат сего договора, если мы будем соблюдать его. Ничего не решили и ни в чем не условились. Сигизмунд не взял даров от Волконского и хотел писать

с ним к Василию; но Волконский отвечал: “Я не гонец”. Король велел ему ехать к Царю с поклоном, сказав, что пришлет в Москву собственного чиновника; но медлил, уже зная о новых мятежах России и готовясь воспользоваться ими, как сосед деятельный в ненависти к ее величию.

Еще Василий имел время возобновить дружественные сношения с Императором, с Королями Английским и Датским. Гонец Рудольфов и Посланник Шведский находились в Москве. Непримирымый враг врага нашего, Сигизмунда, Карл IX ревностно искал союза России, и Василий действительно не спешил заключить его, в надежде обойтись без войны с Сигизмундом. Хан Казы-Гирей уверял Царя в братстве, Ногайский Князь Иштерек в повиновении. Воевода Князь Ромодановский отправился к Шаху Аббасу для важных переговоров о Турции и Христианских землях Востока. Еще Двор Московский занимался делами Европы и Азии, политикою Австрии и Персии; но скоро опасности ближайшие, внутренние, многочисленные и грозные скрыли от нас внешность, и Россия, терзая свои недра, забыла Европу и Азию!.. Сии новые бедствия начались таким образом:

В первые дни Июня, ночью, тайные злодеи, всегда готовые подвижники в бурные времена гражданских обществ, — желая ли только беззаконной корысти или чего важнейшего, бунта, убийств, испровержения верховной власти, — написали мелом на воротах у богатейших иноземцев и у некоторых Бояр и Дворян, что Царь предаст их дома расхищению за измену. Утром скопилось там множество людей, и грабители приступили к делу; но воинские дружины успели разогнать их без кровопролития.

Через несколько дней новое смятение. Уверили народ, что Царь желает говорить с ним на лобном месте. Вся Москва пришла в движение, и Красная площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лукавыми внушениями подстрекали чернь к мятежу. Царь шел в церковь; услышал необыкновенный шум вне Кремля, сведал о созвании народа и велел немедленно узнать виновников такого беззакония; остановился и ждал донесения, не трогаясь с места.

Бояре, царедворцы, сановники окружали его: Василий без робости и гнева начал укорять их в непостоянстве и в легкомыслии, говоря: “Вижу ваш умысел; но для чего лукавствовать, ежели я вам не угоден? Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не буду”. Слезы текли из глаз сего несчастного властолюбца. Он кинул жезл Царский, снял венец с головы и

примолвил: “Ищите же другого Царя!” — Все молчали от изумления. Шуйский надел снова венец, поднял жезл и сказал: “Если я Царь, то мятежники да трепещут! Чего хотят они? Смерти всех невинных иноземцев, всех лучших, знаменитейших Россиян, и моей; по крайней мере насилия и грабежа. Но вы знали меня, избирая в Цари; имею власть и волю казнить злодеев”. Все единогласно ответствовали: “Ты наш Государь законный! Мы тебе присягали и не изменим! Гибель крамольникам!” — Объявили указ гражданам мирно разойтись, и никто не ослушался; схватили пять человек в толпах как возмутителей народа и высекли кнутом, Доискивались и тайных, знатнейших крамольников; подозревали Нагих: думали, что они волнуют Москву, желая свести Шуйского с престола, собрать Великую Думу земскую и вручить Державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Исследовали дело, честно и добросовестно; выслушали ответы, свидетельства, оправдания и торжественно признали невинность скромного Мстиславского, не тронули и Нагих; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковского, также их родственника, действительно уличенного в кознях. Шуйский в сем случае оказал твердость и не нарушил данной им клятвы судить законно. Ему готовились искушения важнейшие!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже пылала бунтом!.. Там, где явился первый Лжедмитрий, явился и второй, как бы в посмеяние России, снова требуя легковерия или бесстыдства и находя его в ослеплении или в разврате людей, от черни до Вельможного сана.

Казалось, что Самозванец, всеми оставленный в час бедствия, не имел ни друзей, ни приверженников, кроме Басманова. Те, коих он любил с доверенностию, осыпал милостями и наградами, громогласнее других кляли память его, желая неблагодарностию спасти себя — и спаслися: сохранили всю добычу измены, сан и богатство. Некоторые из них умели даже снискать доверенность Василиеву: так Князь Григорий Петрович Шаховской, известный любимец расстригин, был послан Воеводою в Путивль, на смену Князю Бахтеярову, честному, но, может быть, не весьма расторопному и смелому. Правительство знало важность сего назначения: нигде граждане и чернь не оказывали столько усердия к Самозванцу и не могли столько бояться нового Царя, как в земле Северской, где оставалось еще немало бродяг, беглых разбойников, злодеев, сподвижников Отрепьева, и куда многие из них, после его гибели, спешили возвратиться. Шаховской без сомнения говорил Василию то же, что Басманов несчастному Феодору, — и сделал то же. Рожденный в свое время, в век мятежей и беззаконий, со

всеми качествами, нужными для первенства в оных, Шаховской пылал ненавистию к виновникам Лжедмитриевой гибели; знал расположение народа Северского и неудовольствие многих Россиян, которые имели право участвовать и не участвовали в избрании Венценовца; знал волнение умов и в Москве и в целом Государстве, смятенном бунтами и еще не совсем успокоенном властью закона; считал державство Василия нетвердым, обстоятельства благоприятными и, прельщаясь блеском великой отваги, решился на злодейство, удивительное и для сего времени: созвал граждан в Путивле и сказал им торжественно, что Московские изменники вместо Дмитрия, умертвили какого-то Немца; что Дмитрий, истинный сын Иоаннов, жив, но скрывается до времени, ожидая помощи своих друзей Северских; что злобный Василий готовит жителям Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердие к Дмитрию, жребий Новгородцев, истерзанных Иоанном Грозным; что не только за истинного Царя, но и для собственного спасения они должны восстать на Шуйского. Народ не усомнился и восстал. Казалось, что все города южной России ждали только примера: Моравск, Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский немедленно, а скоро и Белгород, Борисов, Оскол, Трубчевск, Кромы, Ливны, Елец отложились от Москвы. Граждане, стрельцы, Козаки, люди Боярские, крестьяне толпами стекались под знамя бунта, выставленное Шаховским и другим, еще знатнейшим сановником, Черниговским Воеводою, мужем Думным, некогда верным закону: Князем Андреем Телятевским. Сей человек удивительный, не хотел вместе с целым войском предаться живому, торжествующему Самозванцу, с шайками крамольников предался его тени, имени без существа, ослепленный заблуждением или неприязнию к Шуйским: так люди, кроме истинно великодушных, изменяются в государственных смятениях! Еще не видали никакого Дмитрия, ни лица, ни меча его, и все пылало к нему усердием, как в Борисово и Феодорово время! Сие роковое имя с чудною легкостию побеждало власть законную, уже не обольщая милосердием, как прежде, но устрашая муками и смертью. Кто не верил грубому, бесстыдному обману, — кто не хотел изменить Василию и дерзал противиться мятежу: тех убивали, вешали, кидали с башен, распинали! Так, еще ко славе отечества, погибли Воеводы, Боярин Князь Буйносов в Белегороде, Бутурлин в Осколе, Плещеев в Ливнах, двое Воейковых, Пушкин, Князь Щербатый, Бартенев, Мальцов; других ввергали в темницы. Злодейством доказывалась любовь к Царю; верность называли изменою, богатство преступлением: холопы грабили имение господ своих, бесчестили их жен, женились на дочерях

Боярских. Плавая в крови, утопая в мерзостях насилия, терпеливо ждали Дмитрия и едва спрашивали: где он? Уверяя в необходимости молчания до некоторого времени, Шаховской давал однако ж разуметь, что солнце взойдет для России — из Сендомира!

Мог ли один человек предпринять и совершить такое дело, равно ужасное и нелепое, без условия с другими, без приготовления и заговора? Шаховской имел клеветов в Москве, где скоро по убиении Лжедмитрия распустили слух, что он жив, за несколько часов до мятежа, ночью, ускакав верхом с двумя царедворцами, неизвестно куда. В то же время видели на берегу Оки, близ Серпухова, трех необыкновенных, таинственных путешественников: один из них дал перевозчику семь золотых и сказал: “Знаешь ли нас? Ты перевез Государя Дмитрия Иоанновича, который спасается от Московских изменников, чтобы возвратиться с сильным ополчением, казнить их, а тебя сделать великим человеком. Вот он!” — примолвил незнакомец, указав на младшего из спутников, и немедленно удалился вместе с ними. Многие другие видели их и далее, за Тулою, около Путивля, и слышали то же. Сии путешественники, или беглецы, выехали из пределов России в Литву, — и вдруг вся Польша заговорила о Дмитрии, который будто бы ушел из Москвы в одежде Инока, скрывается в Сендомире и ждет счастливой для него перемены обстоятельств в России. Посол Василиев, Князь Волконский, будучи в Кракове, сведал, что жена Мнишкова действительно объявила какого-то человека своим зятем Дмитрием; что он живет то в Сендомире, то в Самборе, в ее доме и в монастыре, удаляясь от людей; что с ним только один Москвитянин, Дворянин Заболоцкий, но что многие знатные Россияне, и в числе их Князь Василий Мосальский, ему тайно благоприятствуют. Новый Самозванец нимало не сходил наружностью с первым: имел волосы кудрявые, черные (вместо рыжеватых); глаза большие, брови густые, навислые, нос покляпый, бородавку среди щеки, ус и бороду стриженую; но так же, как Отрепьев, говорил твердо языком Польским и разумел Латинский. Волконский удостоверился, что сей обманщик был Дворянин Михайло Молчанов, гнусный убийца юного Царя Феодора, и мнимый чернокнижник, сеченный за то кнутом в Борисово время: он скрылся в начале Василиева царствования. Действуя по условию с Шаховским, Молчанов успел в главном деле: ослабил воскресение расстриги, чтобы питать мятеж в земле Северской; но не спешил явиться там, где его знали, и готовился передать имя Дмитрия иному, менее известному или дерзновеннейшему злодею.

Уже самый первый слух о бегстве расстриги встревожил Московскую чернь, которая, три дня терзав мертвого лжецаря, не знала, верить ли или не верить его спасению: ибо думала, что он, как известный чародей, мог ожить силою адскою или в час опасности сделаться невидимым и подставить другого на свое место; некоторые даже говорили, что человек, убитый вместо Лжедмитрия, походил на одного молодого Дворянина, его любимца, который с сего времени пропал без вести. Действовала и любовь к чудесному и любовь к мятежам: “чернь Московская (пишут свидетели очевидные) была готова менять Царей еженедельно, в надежде доискаться лучшего или своевольствовать в безначалии” — и люди, обогранные, может быть, кровию Самозванца, вдруг начали жалеть о его днях веселых, сравнивая их с унылым царствованием Василия! Но легковерие многих и зломыслие некоторых не могли еще произвести общего движения в пользу расстриги там, где он воскрес бы к ужасу своих изменников и душегубцев, — где все, от Вельмож до мещан, хвалились его убиением. Клевреты Шаховского в столице желали единственно волнения, беспокойства народного и вместе с слухами распространяли письма от имени Лжедмитрия, кидали их на улицах, прибывали к стенам: в сих грамотах упрекали Россиян неблагодарностию к милостям великодушнейшего из Царей, и сказывали, что Димитрий будет в Москве к Новому году. Государь велел искать виновников такого возмущения; призывали всех Дьяков, сличали их руки с подметными письмами и не открыли сочинителей.

Еще Правительство не уважало сих козней, изъясняя оные бессильною злобою тайных, малочисленных друзей расстригиных; но сведав в одно время о бунте южной России и Сендомирском Самозванце, увидело опасность и спешило действовать — сперва убеждением. Василий послал Крутицкого Митрополита Пафнутия в Северскую землю, образумить ее жителей словом истины и милосердия, закона и совести: Митрополита не приняли и не слушали. Царица-Инокня Марфа, исполненная ревности загладить вину свою, писала к жителям всех городов украинских, свидетельствуя пред Богом и Россиею, что она собственными глазами видела убиение Димитрия в Угличе и Самозванца в Москве; что одни Ляхи и злодеи утверждают противное; что Царь великодушный дал ей слово *покрыть милосердием* вину заблуждения; что не только возмущенные, но даже и возмутители могут жить безопасно и мирно в домах своих, если изъясвят раскаяние; что она шлет к ним брата, Боярина Григория Нагого, и святой образ Димитриев, да услышат истину, да зрят Ангельское

лице ее сына, который был рожден любить, а не терзать отечество смутами и злодействами. Ни грамоты, ни посольства не имели успеха. Бунт кипел; остервенение возрастало. Действуя неусыпно, Шаховской звал всю Россию соединиться с Украиною; писал указы именем Димитрия и прикладывал к ним печать государственную, которую он похитил в день Московского мятежа. Рать изменников усиливалась и выступала в поле, с Воеводою достойным такого начальства, холопом Князя Телятевского, Иваном Болотниковым. Сей человек, взятый в плен Татарами, проданный в неволю Туркам и выкупленный Немцами в Константинополе, жил несколько времени в Венеции, захотел возвратиться в отечество, услышал в Польше о мнимом Димитрии, предложил ему свои услуги и явился с письмом от него к Князю Шаховскому в Путивле. Внутренно веря или не веря Самозванцу, Болотников воспламенил других любопытными о нем рассказами; имея ум сметливый, некоторые знания воинские и дерзость, сделался главным орудием мятежа, к коему пристали еще двое Князей Мосальских и Михайло Долгорукий.

Видя необходимость кровопролития, Василий велел полкам идти к Ельцу и Кромам. Предводительствовали Боярин Воротынский, сын отца столь знаменитого, и Князь Юрий Трубецкой, Стольник, удостоенный необыкновенной чести иметь мужей думных под своими знаменами. Воротынский близ Ельца рассеял шайки мятежников; но чиновник Царский, везя к нему золотые медали в награду его мужества, вместо победителей встретил беглецов на пути. Где некогда сам Шуйский с сильным войском не умел одолеть горсти изменников и где измена Басманова решила судьбу отечества, там, в виду несчастных Кром, Болотников напал на 5000 царских всадников: они, с Князем Трубецким, дали тыл; за ними и Воротынский ушел от Ельца; винули, обгоняли друг друга в срамном бегстве и, как бы еще имея стыд, не хотели явиться в столице: разъехались по домам, сложив с себя обязанность чести и защитников Царства.

Победитель Болотников ругался над пленными: называл их кровопийцами, злодеями, бунтовщиками, а Царя Василия *Шубником*, велел одних утопить, других вести в Путивль для казни; некоторых сечь плетью и едва живых отпустить в Москву; шел вперед и восстанавливал державу Самозванца. Орел, Мценск, Тула, Калуга, Венев, Кашира, вся земля Рязанская пристали к бунту, вооружились, избрали начальников: сына Боярского Истома Пашкова, Веневского Сотника; Григория Сунбулова, бывшего Воеводою в Рязани, и тамошнего Дворянина Прокопия Ляпунова, дотоле неизвестного, отселе

знаменитого, созданного быть Вождем и повелителем людей в безначалии, в мятежах и бурях, — одаренного красотой и крепостию телесною, силою ума и духа, смелостию и мужеством. Сие новое войско отличалось ревностию чистейшею, составленное из граждан, владельцев, людей домовитых. Быв первыми, усерднейшими клеветами Басманова в измене Феодору, они хотя и присягнули Василию, но осуждали дело Москвитян, убиение расстриги, и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда жив Димитрий, старейший и следственно один Венценосец законный. Но ревность их также вела к злодействам: лилась кровь воинов и граждан, верных чести и Василию. Рязанский Наместник Боярин Князь Черкасский, Воеводы Князь Тростенский, Вердеревский, Князь Каркадинов, Измайлов, были скованные отправлены Ляпуновым в Путивль на суд или смерть. Разбойники Северские жгли, опустошали селения; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человечество гнуснейшими делами. Ужас распространял измену, как буря пламень, с неимоверною быстротою, от пределов Тулы и Калуги к Смоленску и Твери: Дорогобуж, Вязьма, Ржев, Зубцов, Старица предались тени Лжедимитрия, чтобы спастись от ярости мятежников; но Тверь, издревле славная в наших летописях верностию, не изменила: достойный ее Святитель Феокист, великодушно негодуя на слабость Воевод, явился бодрым Стратигом: ополчил Духовенство, людей приказных, собственных детей Боярских, граждан, разбил многочисленную шайку злодеев и послал к Государю несколько сот пленных.

Встревоженный бегством Воевод от Ельца и Кром, бегством чиновников и рядовых от Воевод и знамен, — наконец силою, успехами бунта, Василий еще не смутился духом, имея данное ему от природы мужество, если не для одоления бедствий, то по крайней мере для великодушной гибели. Летописец говорит, что Царь без искусных Стратигов и без казны есть орел бескрылый, и что таков был жребий Шуйского. Борис оставил преемнику казну и только одного славного храбростию Воеводу, Басманова-изменника: Лжедимитрий-расточитель не оставил ничего, кроме изменников; но Василий делал, что мог. Объявив всенародно о происхождении мятежа — о нелепой басне расстригина спасения, о сонмище воров и негодяев, коим имя Димитрия служит единственно предлогом для злодейства, в самых тех местах, где жители, ими обманутые, встречают их как друзей, — Царь выслал в поле новое сильнейшее войско и, как бы спокойным сердцем, как бы в мирное, безмятежное время, удумал загладить

несправедливость современников в глазах потомства: снять опалу с памяти Венценосца, хотя и ненавистного за многие дела злые, но достойного хвалы за многие государственные благодеяния: велел, пышно и великолепно, перенести тело Бориса, Марии, юного Феодора, из бедной обители Св. Варсонофия в знаменитую Лавру Сергиеву. Торжественно огласив убиение и святость Димитрия, Шуйский не смел приблизить к его мощам гроб убийцы и снова поставить между царскими памятниками; но хотел сим действием уважить законного Монарха в Годунове, будучи также Монархом избранным; хотел возбудить жалость, если не к Борису виновному, то к Марии и к Феодору невинным, чтобы произвести живейшее омерзение к их гнусным умертвителям, сообщникам Шаховского, жадным к новому Цареубийству. В присутствии бесчисленного множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноков взяли раку Борису на плечи свои (ибо сей Царь скончался Иноком); Феодорову и Мариину несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ехала, в закрытых *санях* несчастная Ксения и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и России на изверга Самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ее семейства, счастливые и для России в первые два года Борисова Царствования. Многие об нем тужили, встревоженные настоящим и страшась будущего. В Лавре, вне церкви Успения, с благоговением погребли отца, мать и сына; оставили место и для дочери, которая жила еще 16 горестных лет в Девичьем монастыре Владимирском, не имея никаких утешений, кроме небесных. Новым погребением возвращая сан Царю, лишенному оно в могиле, думал ли Василий, что некогда и собственные его кости будут лежать в неизвестности, в презрении, и что великодушная жалость, справедливость и политика также возвратят им честь Царскую?

Уже не только политика мирила Василия с Годуновым, но и злополучие, разительное сходство их жребия. Обоим власть изменяла; опоры того и другого, видом крепкие, падали, рушились, как тлен и брение. Рати Василиевы, подобно Борисовым, цепенели, казалось, пред тению Димитрия. Юноша, ближний Государев, Князь Михаил Скопин-Шуйский, имел успех в битве с неприятельскими толпами на берегах Пахры; но Воеводы главные, Князь Мстиславский, Дмитрий Шуйский, Воротынский, Голицыны, Нагие, имея с собою всех Дворян Московских, Стольников, Стряпчих, Жильцов, встретились с неприятелем уже в пятидесяти верстах от Москвы, в селе Троицком, сразились и бежали, оставив в его руках множество знатных пленников.

Уже Болотников, Пашков, Ляпунов, взяв, опустошив Коломну, стояли (в Октябре месяце) под Москвою, в селе Коломенском; торжественно объявили Василия Царем сверженным; писали к Москвитянам, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрий снова на престоле и требует их новой присяги; что война кончилась и Царство милосердия начинается. Между тем мятежники злодействовали в окрестностях, звали к себе бродяг, холопей; приказывали им резать Дворян и людей торговых, брать их жен и достояние, обещая им *богатство* и *Воеводство*, рассыпались по дорогам, не пускали запасов в столицу, ими осажденную... Войско и самое Государство как бы исчезли для Москвы, преданной с ее святынею и славою в добычу неистовому бунту. Но в сей ужасной крайности еще блеснул луч великодушия: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василий, велел написать к мятежникам, что ждет их раскаяния и еще медлит истребить жалкий сонм безумцев, спокойно устроил защиту города, предместий и слобод. Духовенство молилось; народ постился три дни и, видя неустрашимость в Государе, сам казался неустрашимым. Воины, граждане по собственному движению обязали друг друга клятвою в верности, и никто из них не бежал к злодеям. Полководцы, Князя Скопин-Шуйский, Андрей Голицын и Татев расположились станом у Серпуховских ворот, для наблюдения и для битвы в случае приступа. Высланные из Москвы отряды восстановили ее сообщение с городами, ближними и дальними. Патриарх, Святители писали всюду грамоты увещательные: верные одушевились ревностию, изменники устыдились. Тверь, Смоленск служили примером: их Дворяне, Дети Боярские, люди торговые кинули семейства и спешили спасти Москву. К добрым Тверитянам присоединились жители Зубцова, Тарицы, Ржева; к добрым Смоленянам граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники от малодушия, но снова достойные Россияне; везде били злодеев; выгнали их из Можайска, Волока, Обители Св. Иосифа; не давали им пощады: казнили пленных.

Тогда же в Коломенском стане открылась важная измена. Болотников, называя себя Воеводою Царским, хотел быть главным; но Воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрия от него, от Шаховского: не видали и начинали хладеть в усердии. Ляпунов первый удостоверился в обмане и, стыдясь быть союзником бродяг, холопей, разбойников без всякой государственной, благородной цели, первый явился в столице с повинною (вероятно, вследствие тайных, предварительных сношений с Царем); а за Ляпуновым и все Рязанцы, Сунбулов и другие. Василий простил их и

дал Ляпунову сан Думного Дворянина. Скоро и многие иные сподвижники бунта, удостоверенные в милосердии Государя, перебежали из Коломенского в Москву, где уже не было ни страха, ни печали; все ожило и пылало ревностью ударить на остальных мятежников. Василий медлил; изъявляя человеколюбие и жалость к несчастным жертвам заблуждения, говорил: “Они также Русские и Христиане: молюся о спасении их душ, да раскаются, и кровь отечества да не лиется в междоусобии!” Василий или действительно надеялся утишить бунт без дальнейшего кровопролития, торжественно предлагая милость самым главным виновникам оно́го, или для вернейшей победы ждал Смолен и Тверитян: они соединились в Можайске с Воеводою Царским Колычевым и приближались к столице. Еще мятежники упорствовали в намерении овладеть Москвою; укрепили Коломенский стан валом и тыном, терпеливо сносили ненастье и холод глубокой осени; приступали к Симонову монастырю и к Гонной, или Рогожской, слободе; были отражены, лишились многих людей, и все еще не унывали — по крайней мере Болотников: он не слушал обещаний Василия забыть его вину и дать ему знатный чин, отвечая: “Я клялся Димитрию умереть за него, и сдержу слово: буду в Москве не изменником, а победителем”; уже видел знамена Тверитян и Смолен на Девичьем поле; видел движение в войске Московском и смело ждал битвы неравной. Василий, сам опытный в деле бранном, еще не хотел и пред стенами Кремлевскими ратоборствовать лично, как бы стыдясь врага подлого; хотел быть только невидимым зрителем сей битвы: вверил главное начальство усерднейшему или счастливейшему витязю: двадцатилетнему Князю Скопину-Шуйскому, который свел полки в монастыре Даниловском, и мыслил окружить неприятеля в стане. Болотников и Пашков [2 Декабря] встретили Воевод Царских: первый сразился как лев; второй, не обнажив меча, передался к ним со всеми Дворянами и с знатною частию войска. У Болотникова остались Козаки, холопы, Северские бродяги; но он бился до совершенного изнурения сил и бежал с немногими к Серпухову: остальные рассеялись. Козаки еще держались в укрепленном селении Заборье, и наконец с Атаманом Беззубцевым сдались, присягнув Василию в верности. Кроме их, взяли на бою столь великое число пленных, что они не уместились в темницах Московских, и были все утоплены в реке, как злодеи ожесточенные; но Козаков не тронули и приняли в Царскую службу. Юноше-победителю, Князю Скопину, рожденному к чести, утешению и горести отечества, дали сан Боярина, а Воеводе Колычеву — Боярина и Дворецкого. Радовались и торжествовали; пели

молебны с колокольным звоном и благодарили Небо за истребление мятежников, но прежде времени.

Болотников думал остановиться в Серпухове. Жители не впустили его. Он засел в Калуге; в несколько дней укрепил его глубокими рвами и валом; собрал тысяч десять беглецов, изготовился к осаде, и писал к Северной Думе изменников, что ему нужно вспоможение и еще нужнее Дмитрий, истинный или мнимый; что имя без человека уже не действует, и что все их клеветы готовы следовать примеру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явление вождя Царя-изгнанника, столь долго славимого и невидимого, не даст им нового усердия и новых сподвижников. Но кого было представить? Сендомирского ли самозванца, Молчанова, известного в России и нисколько не сходного с Лжедмитрием, еще известнейшим? Сей беглец мог действовать на легковверных только издали, слухом, а не присутствием, которое изобличило бы его в обмане. Пишут, что злодеи Российские хотели назвать Дмитрием иного человека, какого-то благородного Ляха, но что он — взяв, вероятно, деньги за такую отвагу — раздумал искать гибельного величия в бурях мятежа, мирно остался в Польше жить нескучным Дворянином и прервал наконец связь с Шаховским, коему случай дал между тем другое орудие.

Мы упоминали о бродяге Илейке, Лжепетре, мнимом сыне Царя Феодора. На пути к Москве узнав о гибели расстриги, он с Терскими Козаками бежал назад, мимо Казани, где Бояре Морозов и Бельский хотели схватить его: Козаки обманули их; прислали сказать, что выдадут им Самозванца, и ночью уплыли вниз по Волге; грабили людей торговых и служивых; злодействовали, жгли селения на берегах, до Царицына, где убили Князя Ромодановского, ехавшего Послом в Персию, и Воеводу Акинфеева; остановились зимовать на Дону и расславили в Украине о своем лжецаревиче. Обман способствовал обману: Шаховский признал Илейку сыном Феодоровым, звал к себе вместе с шайкою Терских мятежников, встретил в Путивле с честью, как племянника и наместника Дмитриева в его отсутствие, и даже не усомнился обещать ему Царство, если Дмитрий, ими ожидаемый, не явится: Сей союз злодейства праздновали новым душегубством, в доказательство Державной власти разбойника Илейки. Он велел умертвить всех знатных пленников, которые еще сидели в темницах: верных Воевод Рязанских, Думного мужа Сабурова, Князя Приимкова-Ростовского, начальников города Борисова, и Воеводу Путивльского, Князя Бахтеярова, взяв его дочь в наложницы. Искали и союзников внешних, там, где вред России всегда считался выгодною, и

где старая ненависть к нам усилилась желанием мести за стыд неудачного дружества с бродягою: новый самозванец Петр также обратился к Сигизмунду, и Вельможные Паны не устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда в Кракове, что они “ждут Послов от Государя Северского, сына Феодорова, который вместе с Димитрием, укрывающимся в Галиции, намерен свергнуть Василия с престола; что если Царь возвратит свободу Мнишку и всем знатым Ляхам, Московским пленникам, то не будет ни Лжедмитрия, ни Лжепетра; а в противном случае оба сделаются истинными и найдут сподвижников в Республике!” Но Ляхи только грозили Василию; манили, вероятно, мятежников обещаниями и не спешили действовать; Шаховский, Телятевский, Долгорукий, Мосальские, с новым Атаманом Илейкою не имели времени ждать их; призвали к себе Запорожцев; ополчили всех, кого могли, в земле Северной и выступили в поле, чтобы спасти Болотникова.

Умел ли Василий воспользоваться своею победою, дав мятежникам соединиться и вновь усилиться в Калуге? Он послал к ней войско, но уже чрез несколько дней, и малочисленное, смятое первою смелою вылазкою; послал и другое, сильнейшее с Боярином Иваном Шуйским, который, одержав верх в кровопролитном деле с Болотниковым при устье реки Угры, осадил Калугу (30 Декабря), но без надежды взять ее скоро. Худые вести, одна за другою, встревожили Москву. В Калужской и Тульской области новые шайки злодеев скопились и заняли Тулу. Бунт вспыхнул в уезде Арзамасском и в Алатырском: Мордва, холопы, крестьяне грабили, резали царских чиновников и Дворян, утопили Алатырского Воеводу Сабурова, осадили Нижний Новгород именем Димитрия. Астрахань также изменила: ее знатный Воевода, Окольничий Князь Иван Хворостинин, взял сторону Шаховского: верных умертвили: доброго, мужественного Дьяка Карпова и многих иных. Самых границ Сибири коснулось возмущение, но не проникло в оную: там начальствовали усердные Годуновы, хотя и в честной ссылке. Из Вятки, из Перми силою гнали воинов в Москву, а чернь славил Димитрия. К сему смятению присоединилось ужасное естественное бедствие: язва в Новгороде, где умерло множество людей, и в числе их Боярин Катырев. Между тем целое войско злодеев разными путями шло от Путивля к Туле, Калуге и Рязани.

Василий бодрствовал неусыпно, распорядился хладнокровно: послал рати и Воевод: знатнейшего саном Князя Мстиславского и знаменитейшего мужеством Скопина-Шуйского к Калуге;

Воротынского к Туле, Хилкова к Веневу, Измайлова к Козельску, Хованского к Михайлову, Боярина Федора Шереметева к Астрахани, Пушкина к Арзамасу; а сам еще остался в Москве с дружиною Царскою, чтобы хранить святыню отечества и Церкви или явиться на поле битвы в час решительный. Василий думал предупредить соединение мятежников, истребить их отдельно, нападениями разными, единомысленными, чтобы вдруг и везде утушить бунт. Действуя в воинских распоряжениях как Стратиг искусный, он хотел действовать и на сердца людей, оживить в них силу нравственную, успокоить совесть, возмущенную беззакониями государственными, и снова скрепить союз Царя с Царством, нарушенный злодейством.

[1607 г.] Имев торжественное совещание с Ермогеном, Духовенством, Синклитом, людьми чиновными и торговыми, Василий определил звать в Москву бывшего Патриарха Иова для *великого земского дела*. Ермоген писал к Иову: “Преклоняем колена: удостой нас видеть благолепное лицо твое и слышать глас твой сладкий: молим тебя именем отечества смятенного”. Иов приехал, и (20 Февраля) явился в церкви Успения, извне окруженной и внутри наполненной несметным множеством людей. Он стоял у Патриаршего места в виде простого Инока, в бедной ризе, но возвышаемый в глазах зрителей памятью его знаменитости и страданий за истину, смирением и святостию: отшельник, вызванный почти из гроба примирить Россию с законом и Небом. Все было изготовлено Царем для действия торжественного, в коем Патриарх Ермоген с любовию уступал первенство старцу, уже бесчиновному. В глубокой тишине общего безмолвия и внимания поднесли Иову бумагу и велели Патриаршему Диякону читать ее на амвоне. В сей бумаге народ — и только один народ — молил Иова отпустить ему, именем Божиим, все его грехи пред законом, строптивость, ослепление, вероломство и клялся впредь не нарушать присяги, быть верным Государю; требовал прощения для живых и мертвых, дабы успокоить души клятвopеступников и в другом мире; винил себя во всех бедствиях, ниспосланных Богом на Россию, но не винился в цареубийствах, приписывая убиение Феодора и Марии одному расстриге; наконец молил Иова, как святого мужа, благословить Василия, Князей, Бояр, христолюбивое воинство и всех Христиан, да восторжествует Царь над мятежниками и да насладится Россия счастьем тишины. Иов отвечал грамотою, заблаговременно, но действительно им сочиненною, писанною известным его слогом, умилительно и не без искусства. Тот же Диякон читал ее народу. Изобразив в ней величие России, произведенное умом

и счастьем ее Монархов — хваля особенно государственный ум Иоанна Грозного, Иов соболезнавал о гибельных следствиях его преждевременной кончины и Димитриева заклания, но умолчал о виновнике оногo, некогда любив и славив Бориса; напомнил единодушное избрание Годунова в Цари и народное к нему усердие; дивился ослеплению Россиян, прельщенных бродягою; говорил: “Я давал вам страшную на себя клятву в удостоверение, что он самозванец: вы не хотели мне верить — и сделалось, чему нет примера ни в священной, ни в светской Истории”. Описав все измены, бедствие отечества и церкви, свое изгнание, гнусное Цареубийство, если не совершенное, то по крайней мере допущенное народом — воздав хвалу Василию, *Царю святому и праведному*, за великодушное избавление России от стыда и гибели — Иов продолжал: “Вы знаете, убит ли самозванец; знаете, что не осталось на земле и *скаредного* тела его — а злодеи дерзают уверять Россию, что он жив и есть истинный Димитрий! Велики грехи наши пред Богом, *в сии времена последние*, когда вымыслы нелепые, когда сволочь мерзостная, тати, разбойники, беглые холопы могут столь ужасно возмущать отечество!” Наконец, исчислив все клятвopреступления Россиян, не исключая и данной Лжедимитрию присяги, Иов именем Небесного милосердия, своим и всего Духовенства объявлял им разрешение и прощение, в надежде, что они уже не изменят снова Царю законному, и добродетелию верности, плодом чистого раскаяния, умилоствят Всевышнего, да победят врагов и возвратят Государству мир с тишиною.

Действие было неописанное. Народу казалось, что тяжкие узы клятвы спали с него, и что сам Всевышний устами праведника изрек помилование России. Плакали, радовались — и тем сильнее тронуты были вестью, что Иов, едва успев доехать из Москвы до Старицы, представился [8 Марта]. Мысль, что он, уже стоя на Праге вечности, беседовал с Москвою, умиляла сердца. Забыли в нем слугу Борисова: видели единственно мужа святого, который в последние минуты жизни и в последних молениях души своей ревностно занимался судьбою горестного отечества, умер, благословляя его и возвестив ему умилоствление Неба!

Но происшествия не соответствовали благоприятным ожиданиям. Воеводы, посланные Царем истребить скопища мятежников, большею частию не имели успеха. Мстиславский, с главным войском обступив Калугу, стрелял из тяжелых пушек, делал примет к укреплениям, издали вел к ним *деревянную гору* и хотел зажечь ее вместе с тыном острога: но Болотников подкопом взорвал сию гору; не знал и не давал

успокоения осаждающим; сражался день и ночь; не жалел людей, ни себя; обливался кровию в битвах непрерывных и выходил из оных победителем, доказывая, что ожесточение злодейства может иногда уподобляться геройству добродетели. Он боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться от голода: ибо не успел запастися хлебом. Разбойники Калужские ели лошадей, не жаловались и не слабели в сечах. Царь велел снова обещать милость их Атаману, если покорится: ответом его был: “жду милости единственно от Димитрия!” Тщетно прибегали и к средствам, менее законным: Московский лекарь Фидлер вызвался отравить главного злодея, дал на себя страшную клятву и, взяв 100 флоринов, обманул Василия: уехал в Калугу служить за деньги Болотникову, из любви к расстриге. Неудачная осада продолжалась четыре месяца.

Другие Воеводы, встретив неприятеля в поле, бежали: Хованский от Михайлова в Переславль Рязанский, Хилков от Венева в Коширу, Воротынский от Тулы в Алексин, наголову разбитый предводителем изменников, Князем Андреем Телятевским, который успел прежде его занять и Тулу и Дедилов. Только Измайлов и Пушкин честно сделали свое дело: первый, рассеяв многочисленную шайку изменника Князя Михаила Долгорукого, осадил мятежников в Козельске; второй спас Нижний Новгород, усмирил бунт в Арзамасе, в Ардатове, и еще приспел к Хилкову в Коширу, чтобы идти с ним к Серебряным Прудам, где они истребили скопище злодеев и взяли их двух начальников, Князя Ивана Мосальского и Литвина Сторовского; но близ Дедилова были разбиты сильными дружинами Телятевского и в беспорядке отступили к Кошире: Воевода Ададуров положил голову на месте сей несчастной битвы, и множество беглецов утонуло в реке Шате. — Боярин Шереметев, коему надлежало усмирить Астрахань, не мог взять города; укрепился на острове Болдинском, и не взирая на зимний холод, нужду, смертоносную цыngu в своем войске, отражал все приступы тамошних бунтовщиков, которые в исступлении ярости мучили, убивали пленных. Глава их, Князь Хворостинин, объявив самого Шереметева изменником, грозил ему лютейшею казнию и звал Ногайских Владетелей под знамена Димитрия. Но Царь уже не думал о том, что происходило в отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства решилась за 160 верст от столицы.

Ежедневно надеясь победить Болотникова если не мечем, то голодом — надеясь, что Воротынский в Алексине и Хилков в Кошире заслоняют осаду Калуги и блюдут безопасность Москвы — главный Воевода Князь Мстиславский отрядил Бояр, Ивана Никитича Романова,

Михайла Нагого и Князя Мезецкого против злодея, Василия Мосальского, который шел с своими толпами Белевскою дорогою к Калуге. Они сразились с неприятелем на берегах Вырки, смело и мужественно. Целые сутки продолжалась битва. Мосальский пал, оказав храбрость, достойную лучшей цели. Так пали и многие клеветы его: уже не имея Вождя, теснимые, расстроенные, не хотели бежать, ни сдаться: умирали в сече; другие зажгли свои пороховые бочки и взлетели на воздух, как жертвы остервенения, свойственного только войнам междоусобным. Романов, дотоле известный единственно великодушным терпением в несчастии, удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную им доблесть. Но изменники в другом месте были счастливее. Они, подобно Царю, соображали свои действия наступательные, следуя общей мысли и стремясь с разных сторон к одной цели: освободить Болотникова. Гибель Мосальского не утратила Телятевского, который также шел к Калуге и также встретил Московских Воевод, Князей Татова, Черкасского и Борятинского, высланных Мстиславским из Калужского стана. В жестокой битве на Пчелне легли Татов и Черкасский со многими из добрых воинов; остальные спаслись бегством в стан Калужский и привели его в ужас, коим воспользовался Болотников: сделал вылазку и разогнал войско, еще многочисленное; все обратили тыл, кроме юного Князя Скопина-Шуйского и витязя Истома Пашкова, уже верного слуги Царского: они упорным боем дали время малодушным бежать, спасая если не честь, то жизнь их; отступили, сражаясь, к Боровску, где несчастный Мстиславский и другие Воеводы соединили рассеянные остатки войска, бросив пушки, обоз, запасы в добычу неприятелю. Еще хуже робости была измена: 15000 воинов Царских, и в числе их около ста Немцев, пристали к мятежникам. Узнав, что сделалось под Калугою, Измайлов снял осаду Козельска; по крайней мере не кинул снаряда огнестрельного и засел в Мещовске.

Сии вести поразили Москву. Шуйский снова колебался на престоле, но не в душе: созвал Духовенство, Бояр, людей чиновных; предложил им меры спасения, дал строгие указы, требовал немедленного исполнения и грозил казнию ослушникам: все Россияне, годные для службы, должны были спешить к нему с оружием, монастыри запасти столицу хлебом на случай осады, и самые Иноки готовиться к ратным подвигам за Веру. Употребили и нравственное средство: Святители предали анафеме Болотникова и других известных, главных злодеев: чего Царь не хотел дотоле, в надежде на их раскаяние. Время было дорого: к счастью, мятежники не двигались

вперед, ожидая Илейки, который с последними силами и с Шаховским еще шел к Туле. 21 Μαия Василий сел на ратного коня и сам вывел войско, приказав Москву брату Димитрию Шуйскому, Князьям Одоевскому и Трубецкому, а всех иных Бояр, Окольных, Думных Дьяков и Дворян взяв с собою под Царское знамя, коего уже давно не видали в поле с таким блеском и множеством сановников: уже не стыдились идти всем Царством на скопище злодеев храбрых! Близ Серпухова соединились с Василием Мстиславский и Воротынский, оба как беглецы в унынии стыда. Довольный числом, но боясь робости сподвижников, Царь умел одушевить их своим великодушием: в присутствии ста тысяч воинов целуя крест, громогласно произнес обет возвратиться в Москву победителем или умереть; он не требовал клятвы от других, как бы опасаясь ввести слабых в новый грех вероломства, и дал ее в твердой решимости исполнить. Казалось, что Россия нашла Царя, а Царь нашел подданных: все с ревностью повторили обет Василиев — и на сей раз не изменили.

Сведав, что Илейка с Шаховским уже в Туле, и что Болотников к ним присоединился, Василий послал Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопия Ляпунова к Кошире. Самозванец Петр, как главный предводитель злодеев, велел также занять сей город Телятевскому. Рати сошлись на берегах Восми [5 Июня]: началось дело кровопролитное, и мятежники одолевали: но Голицын и Лыков кинулись в пыл битвы с восклицанием: “Нет для нас бегства; одна смерть или победа!” и сильным, отчаянным ударом смяли неприятеля. Телятевский ушел в Тулу, оставив Москвитянам все свои знамена, пушки, обоз; гнали бегущих на пространстве тридцати верст и взяли 5000 пленных. Храбрейшие из злодеев, Козаки Терские, Яицкие, Донские, украинские, числом 1700, засели в оврагах и стреляли; уже не имели пороха, и все еще не сдавались: их взяли силою на третий день и казнили, кроме семи человек, помилованных за то, что они спасли некогда жизнь верным Дворянам, которые были в руках у злодея Илейки: черта достохвальная в самой неумолимой мести!

Обрадованный столь важным успехом и геройством Воевод своих еще более, нежели числом врагов истребленных, Василий изъявил Голицыну и Лыкову живейшую благодарность; двинулся к Алексину, выгнал оттуда мятежников, шел к Туле. Еще злодеи хотели отвесть счастья и в семи верстах от города, на речке Воронее, сразились с полком Князя Скопина-Шуйского: стояли в месте крепком, в лесу, между топями, и долго противились; наконец Москвитяне зашли им в тыл, смешали их и вогнали в город; некоторые вломились за ними даже

в улицы, но там пали: ибо Воеводы без Царского указа не дерзнули на общий приступ; а Царь жалел людей или опасался неудачи, зная, что в Туле было еще не менее двадцати тысяч злодеев отчаянных: Россияне умели оборонять крепости, не умея брать их. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицын занял дорогу Коширскую: Мстиславский, Скопин и другие Воеводы Кропивинскую; тяжелый снаряд огнестрельный расставили за турами близ реки Упы; далее, в трех верстах от города, шатры Царские. Началась осада [30 Июня], медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тот же Болотников и с тою же смелостию бился в вылазках; презирая смерть, казался и невредимым и неутомимым: три, четыре раза в день нападал на осаждающих, которые одерживали верх единственно превосходством силы и не могли хвалиться действием своих тяжелых стенобитных орудий, стреляя только издали и не метко. Воеводы Московские взяли Декилов, Кропивну, Епифань и не пускали никого ни в Тулу, ни из Тулы: Василий хотел одолеть ее жестокое сопротивление голодом, чтобы в одном гнезде захватить всех главных злодеев и тем прекратить бедственную войну междоусобную. “Но Россия, — говорит Летописец, — утопала в пучине крамол, и волны стремились за волнами: рушились одне, поднимались другие”.

Замышляя измену, Шаховской надеялся, вероятно, одною сказкою о Царе изгнаннике низвергнуть Василия и дать России иного Венценосца, нового ли бродягу, или кого-нибудь из Вельмож, знаменитых родом, если, невзирая на свою дерзость, не смел мечтать о короне для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоял на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стесненных в Туле мятежников, которые спрашивали: “где же тот, за кого умираем? Где Димитрий?” Шаховской и Болотников клялись им: первый, что Царь в Литве; второй, что он видел его там собственными глазами. Оба писали в Галицию, к ближним и друзьям Мнишковым, требуя от них какого-нибудь Димитрия или войска, предлагая даже Россию Ляхам, такими словами: “От границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте нас от Шуйского”. С письмами и наказом послали в Литву Атамана Козаков Днепровских, Ивана Мартынова Заруцкого, смелого и лукавого: умев ночью пройти сквозь стан Московский, он не хотел ехать далее Стародуба, жил в сем городе безопасно и питал в гражданах ненависть к Василию. Послали другого вестника, который достиг Сендомира, не нашел там никакого Димитрия, но заставил ближних Мнишковых искать его: искали и нашли бродягу, жителя Украины, сына Поповского, Матвея Веревкина,

как уверяют Летописцы, или Жида, как сказано в современных бумагах государственных. Сей самозванец и видом и свойствами отличался от расстриги: был груб, свиреп, корыстолюбив до низости: только, подобно Отрепьеву, имел дерзость в сердце и некоторую хитрость в уме; владел искусно двумя языками, Русским и Польским; знал твердо Св. Писание и Круг Церковный; разумел, если верить одному чужеземному Историку, и язык Еврейский, читал Тальмуд, книги Раввинов, среди самых опасностей воинских; хвалился мудростию и предвидением будущего. Пан Меховецкий, друг первого обманщика, сделался руководителем и наставником второго; впечатлел ему в память все обстоятельства и случаи Лжедмитриевой истории, — открыл много и тайного, чтобы изумлять тем любопытных; взял на себя чин его Гетмана; пригласил сподвижников, как некогда Воевода Сендомирский, чтобы возвратить Державному изгнаннику Царство; находил менее легковверных, но столько же, или еще более, ревнителей славы или корысти. “Не спрашивали, — говорит Историк Польский, — истинный ли Димитрий или обманщик зовет воителей? Довольно было того, что Шуйский сидел на престоле, обогрени кровию Ляхов. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая праздностию, кипело любовью к ратной деятельности; не ждало указа Королевского и решения чинов государственных: хотело и могло действовать самовольно”, но, конечно, с тайного одобрения Сигизмундова и панов думных. Богатые давали деньги бедным на предприятие, коего целью было расхищение целой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и весть за вестью приходила к жителям Северским, что скоро будет у них Димитрий.

Наконец, 1 Августа, явились в Стародубе два человека: один именовал себя Дворянином Андреем Нагим, другой Алексеем Рукиным, Московским Подьячим; они сказали народу, что Димитрий недалеко с войском и велел им ехать вперед, узнать расположение граждан: любят ли они своего Царя законного? Хотят ли служить ему усердно? Народ единодушно воскликнул: “где он? где отец наш? идем к нему все головами”. Он *здесь*, отвечивал Рукин, и замолчал, как бы устрасаясь своей нескромности. Тщетно граждане убеждали его изъясниться; вышли из терпения, схватили и хотели пытаться безмолвного упряма: тогда Рукин объявил им, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрий. Никто не усомнился: все кинулись Лобызать ноги прищельца; вопили: “Хвала Богу! нашлось сокровище наших душ!” Ударили в колокола, пели молебны, честили Самозванца, коего прислал Меховецкий, готовясь идти вслед за ним с войском: прислал с

одним клеветом безоружного, беззащитного, по тайному уговору, как вероятно, с главными Стародубскими изменниками, желая доказать Ляхам, что они могут надеяться на Россиян в войне за Дмитрия. Путивль, Чернигов, Новгород Северский, едва услышав о прибытии Лжедмитрия, и еще не видя знамен Польских, спешили изъявить ему свое усердие, и дать воинов. Зablуждение уже не извиняло злодейства: многие из северян знали первого Самозванца и следственно знали обман, видя второго, человека им неизвестного; но славили его как Царя истинного, от ненависти к Шуйскому, от буйности и любви к мятежу. Так Атаман Заруцкий, быв наперсником расстригиным, упал к ногам Стародубского обманщика, уверяя, что будет служить ему с прежнею ревностию, и бесстыдно исчисляя опасности и битвы, в коих они будто бы вместе храбровали. Но были и легковерные, с горячим сердцем и воображением, слабые умом, твердые душою. Таким оказал себя один Стародубец, сын Боярский: взял и вручил Царю, в стане под Тулою, письмо от городов Северских, в котором мятежники советовали Шуйскому уступить престол Дмитрию и грозили казнию в случае упорства: сей Посол дерзнул сказать в глаза Василию то же, называя его не Царем, а злым изменником; терпел пытку, хваляся верностию к Дмитрию, и был сожжен в пепел, не изъявив ни чувствительности к мукам, ни сожаления о жизни, в иступлении ревности удивительной.

Василий, узнав о сем явлении Самозванца, о сем новом движении и скопище мятежников в южной России, отрядил Воевод, Князей Литвинова-Мосальского и Третьяка Сеитова, к ее пределам: первый стал у Козельска; второй занял Лихвин, Белев и Болхов. Скоро слышали, что Меховецкий уже в Стародубе с сильными Литовскими дружинами; что Заруцкий призвал несколько тысяч Козаков и соединил их с толпами Северскими; что Лжедмитрий, выступив в поле, идет к Туле. Воеводы Царские не могли спасти Брянска и велели зажечь его, когда жители вышли с хлебом и солью навстречу к мнимому Дмитрию... В сие время один из Польских друзей его, Николай Харлеский, исполненный к нему усердия и надежды завоевать Россию, писал к своим ближним в Литву следующее письмо любопытное: “Царь Дмитрий и все наши благородные витязи здравствуют. Мы взяли Брянск, сожженный людьми Шуйского, которые вывезли оттуда все сокровища, и бежали так скоро, что их нельзя было настигнуть. Дмитрий теперь в Карачеве, ожидая знатнейшего вспоможения из Литвы. С ним наших 5000, но многие вооружены худо... Зовите к нам всех храбрых; прельщайте их и славою и жалованьем Царским. У вас носится слух, что сей Дмитрий есть обманщик: не верьте. Я сам

сомневался и хотел видеть его; увидел, и не сомневаюсь. Он набожен, трезв, умен, чувствителен; любит военное искусство; любит наших; милостив и к изменникам: дает пленным волю служить ему или снова Шуйскому. Но есть злодеи: опасаясь их, Димитрий никогда не спит на своем Царском ложе, где только для вида велит быть страже: положив там кого-нибудь из Русских, сам уходит ночью к Гетману или ко мне и возвращается домой на рассвете. Часто бывает тайно между воинами, желая слышать их речи, и все знает. Зная даже и будущее, говорит, что ему властвовать не долее трех лет; что лишится престола изменою, но опять воцарится и распространит Государство. Без прибытия новых, сильнейших дружин Польских, он не думает спешить к Москве, если возьмет и самого Шуйского, которые в ужасе, в смятении снял осаду Тулы; все бегут от него к Димитрию”... Но Самозванец, оставив за собою Болхов, Белев, Козельск, и разбив Князя Литвинова-Мосальского близ Мещовска, на пути к Туле сведал, что в ней славится уже не Димитриево, а Василиево имя.

Еще мятежники оборонялись там усиленно до конца лета, хотя и терпели недостаток в съестных припасах, в хлебе и соли. Счастливая мысль одного воина дала Царю способ взять сей город без кровопролития. Муромец, сын Боярский, именем Сумин Кровков, предложил Василию затопить Тулу, изъяснил возможность успеха и ручался в том жизнью. Приступили к делу; собрали мельников; велели ратникам носить землю в мешках на берег Упы, ниже города, и запрудили реку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла из берегов, влилась в острог, в улицы и дворы, так что осажденные ездили из дому в дом на лодках; только высокие места остались сухи и казались грядами островов. Битвы, вылазки пресеклись. Ужас потопа и голода смирил мятежников: они ежедневно целыми толпами приходили в стан к Царю, винулись, требовали милосердия и находили его, все без исключения. Главные злодеи еще несколько времени упорствовали: наконец и Телятевский, Шаховской, сам непреклонный Болотников, известили Василия, что готовы предать ему Тулу и самозванца Петра, если Царским словом удостоверены будут в помиловании, или, в противном случае, умрут с оружием в руках, и скорее *съедят друга друга* от голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрий недалеко, Василий обещал милость, — и 10 Октября Боярин Колычев, вступив в Тулу с воинами Московскими, взял подлейшего из злодеев, Илейку. Болотников явился с головы до ног вооруженный, пред шатрами Царскими, сошел с коня, обнажил саблю, положил ее себе на шею, пал ниц и сказал Василию: “Я исполнил обет свой: служил верно

тому, кто называл себя Дмитрием в Сендомире: обманщик или Царь истинный, не знаю; но он выдал меня. Теперь я в твоей власти: вот сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мне жизнь, то умру в твоей службе, усерднейшим из рабов верных”. Он угадывал, кажется, свою долю. Миловать таких злодеев есть преступление; но Василий обещал, и не хотел явно нарушить слова: Болотникова, Шаховского и других начальников мятежа отправили, вслед за скованным Илейкою, в Москву с приставами; а Князя Телятевского, знатнейшего и тем виновнейшего изменника, из уважения к его именитым родственникам, не лишили ни свободы, ни Боярства, к посрамлению сего Вельможного достоинства и к соблазну государственному: слабость бесстыдная, вреднейшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятие Тулы праздновали как завоевание Казанского Царства или Смоленского Княжества; и желая, чтобы сия радость была еще искреннее для войска утомленного, Царь дал ему отдых: уволили Дворян и Детей Боярских в их поместья, сведав, что Лжедмитрий, испуганный судьбою Лжепетра, ушел назад к Трубчевску. Вопреки опыту презирая нового злодея России, Василий не спешил истребить его; послал только легкие дружины к Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую в Северскую землю для грабежа и казни виновных ее жителей; не хотел ждать, чтобы сдалася Калуга, где еще держались клеветы Болотникова с Атаманом Скотницким: велел осадить ее малочисленной рати и возвратился в столицу. Москва встретила его как победителя. Он въезжал с необыкновенною пышностью, с двумя тысячами нарядных всадников, в богатой колеснице, на прекрасных белых конях; умиленно слушал речь Патриарха, видел знаки народного усердия и казался счастливым! Три дни славил в храмах милость Божию к России; пять дней молился Василий в Лавре Св. Сергия, и заключил церковное торжество действием государственного правосудия: злодея Илейку повесили на Серпуховской дороге, близ Данилова монастыря. Болотникова, Атамана Федора Нагибу и строптивейших мятежников отвезли в Каргополь и тайно утопили. Шаховского сослали в каменную пустыню Кубенского озера, а вероломных Немцев, взятых в Туле, числом 52, и с ними медика Фидлера, в Сибирь. Всех других пленников оставили без наказания и свободными. Калуга, Козельск еще противились; вся южная Россия, от Десы до устья Волги, за исключением немногих городов, признавали Царем своим мнимого Дмитрия: сей злодей, отступив, ждал времени и новых сил, чтобы идти вперед, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, после ужасной грозы и

пред ужаснейшею! Испытав ум, твердость Царя и собственное мужество, верные Россияне думали, что главное сделано; хотели временного успокоения и надеялись легко довершить остальное.

Так думал и сам Василий. Быв дотоле в непрестанных заботах и в беспокойстве, мыслив единственно о спасении Царства и себя от гибели, он вспомнил наконец о своем счастье и невесте: жестокою Политикою лишенный удовольствия быть супругом и отцом в летах цветущих, спешил вкусить его хотя в летах преклонных, и женился на Марии, дочери Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского. Верить ли сказанию одного Летописца, что сей брак имел следствия бедственные: что Василий, алчный к наслаждениям любви, столь долго ему неизвестным, предался неге, роскоши, лености: начал слабеть в государственной и в ратной деятельности, среди опасностей засыпать духом, и своим небрежением охладил ревность лучших советников Думы, Воевод и воинов, в Царстве Самодержавном, где все живет и движется Царем, с ним бодрствует или дремлет?

Но согласно ли такое очарование любви с природными свойствами человека, который в недосугах заговора и властвования смутного целые два года забывал милую ему невесту? И какое очарование могло устоять противу таких бедствий?

По крайней мере до сего времени Василий бодрствовал не только в усилиях истребить мятежников, но с удивительным хладнокровием, едва избавив от них Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народного образования, как бы среди глубокого мира. В Марте 1607 года, имев торжественное рассуждение с Патриархом, Духовенством и Синклитом, он издал соборную грамоту о беглых крестьянах, велел их возвратить тем владельцам, за коими они были записаны в книгах с 1593 года: то есть подтвердил уложение Феодора Иоанновича, но сказав, что оно есть дело Годунова, не одобренное Боярами старейшими, и произвело в начале много зла, неизвестного в Иоанново время, когда земледельцы могли свободно переходить из селения в селение. Далее уставлено в сей грамоте, что принимающий чужих крестьян должен платить в казну 10 рублей пени с человека, а господам их три рубля за каждое лето; что подговорщик, сверх денежной пени, наказывается кнутом, что муж беглой девки или вдовы делается рабом ее господина; что если господин не женит раба до двадцати лет, а рабы не выдаст замуж до осьмнадцати, то обязан дать им волю и не имеет права жаловаться в суде на их бегство, даже и в случае кражи или сноса: закон

благонамеренный, полезный не только для размножения людей, но и для чистоты нравственной!

Тогда же Василий велел перевести с Немецкого и Латинского языка *Устав дел ратных*, желая, как сказано в начале оно, чтобы “Россияне знали все новые хитрости воинские, коими хвалятся Италия, Франция, Испания, Австрия, Голландия, Англия, Литва, и могли не только силе силою, но и смыслу смыслом противиться с успехом, в такое время, когда ум человеческий всего более вперен в науку необходимую для благосостояния и славы Государств: в науку побеждать врагов и хранить целостность земли своей”. Ничто не забыто в сей любопытной книге: даны правила для образования и разделения войска, для строя, похода, станов, обоза, движений пехоты и конницы, стрельбы пушечной и ружейной, осады и приступов, с ясностию и точностию. Не забыты и нравственные средства. Пред всякою битвою надлежало Воеводе ободрять воинов *лицом веселым*, напоминать им отечество и присягу; говорить: “я буду впереди... лучше умереть с честью, нежели жить бесчестно”, и с сим вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовью к старым обычаям Русским, Василий не хотел однако ж, в угодность ему, гнать иноземцев: не оказывал к ним пристрастия, коим упрекали расстригу и даже Годунова, но не давал их в обиду мятежной черни; выслал ревностных телохранителей Лжедмитриевых и четырех Медиков Германских за тесную связь с Поляками, — оставив лучшего из них, лекаря Вазмера, при себе: но старался милостию удержать всех честных Немцев в Москве и в Царской службе, как воинов, так и людей ученых, художников, ремесленников, любя гражданское образование и зная, что они нужны для успехов его в России; одним словом, имел желание, не имел только времени сделаться просветителем отечества... и в какой век! в каких обстоятельствах ужасных!

Глава II

Продолжение Василиева царствования. 1607—1609 г.

Бегство Воевод от Калуги. Самозванец усиливается. Дело знаменитое. Грамота Лжедмитриева. Предложение Шведов. Победа Лисовского. Победа Самозванца. Ужас в Москве. Измена Воевод. Самозванец в Тушине. Перемирие с Литвою. Коварство Ляхов. Победа Сапеги. Марина и Мнишек у Самозванца. Скотин послан к Шведам. Бегство к Самозванцу. Разврат в Москве. Знаменитая осада Лавры. Измена городов. Ужасное состояние России. Тушино. Договор

Самозванца с Мнишком. Польша объявляет войну России. Крайность России и перемена к лучшему.

В то время, когда Москва праздновала Василиево бракосочетание, война междоусобная уже снова пылала. Калуга упорствовала в бунте. От имени Царя ездил к ее жителям и людям воинским прощенный изменник Атаман Беззубцев с убеждением смириться. Они сказали: “Не знаем Царя, кроме Дмитрия: ждем и скоро его увидим!” Вероятно, что явление второго Лжедмитрия было им уже известно. Василий, жалея утомлять войско трудами зимней осады, предложил, весьма неосторожно, четырем тысячам Донских мятежников, которые в битве под Москвою ему сдались, загладить вину свою взятием Калуги: Донцы изъявили не только согласие, но и живейшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли в Калужский стан к Государевым Воеводам и чрез несколько дней взбунтовались так, что уstraшенные Воеводы бежали от них в Москву. Часть мятежников вступила в Калугу; другие ушли к Самозванцу.

Сей наглый обманщик недолго был в бездействии. Дружины за дружинами приходили к нему из Литвы, конные и пехотные, с Вождями знатными: в числе их находились Мозырский Хорунжий Иосиф Будзило, Паны Тишкевичи и Лисовский, беглец, за какое-то преступление осужденный на казнь в своем отечестве: смелостью и мужеством витязь, ремеслом грабитель. Узнав, что Василий распустил главное войско, Лжедмитрий, по совету Лисовского, немедленно выступил из Трубчевска с семью тысячами Ляхов, осмью тысячами Козаков и немалым числом Россиян. Воеводы Царские, Князь Михайло Кашин и Ржевский, укрепились в Брянске; Самозванец осадил его, но не мог взять, от храбрости защитников, которые терпели голод, ели лошадей и, не имея воды, доставали ее своею кровью, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедмитриева усилилась шайками новых Донских выходцев: они представили ему какого-то неизвестного бродягу, мнимого Царевича Феодора, будто бы второго сына Ирины; но Лжедмитрий не хотел признать его племянником и велел умертвить. Осада длилась, и Василий успел принять меры: Боярин Князь Иван Семенович Куракин из столицы, а Князь Литвинов из Мещовска шли спасти Брянск. Литвинов первый с дружинами Московскими достиг берегов Десны, видел сей город и стан Лжедмитриев на другой стороне ее, но не мог перейти туда, ибо река покрывалась льдом: осажденные также видели его; кричали своим Московским братьям:

“спасите нас! не имеем куска хлеба!” и со слезами простирали к ним руки. Сей день (15 Декабря 1607) остался памятным в нашей истории: Литвинов кинулся в реку на коне; за Литвиновым все, восклицая: “лучше умереть, нежели выдать своих: с нами Бог!” плыли, разгребая лед, под выстрелами неприятеля, изумленного такою смелостию, вышли на берег и сразились. Кашин и Ржевский сделали вылазку. Неприятель между двумя огнями не устоял, смешался, отступил. Уже победа совершилась, когда приспел Куракин, дивиться мужеству добрых Россиян и славить Бога Русского; но сам, как Главный Воевода, не отличился: только запас город всем нужным для осады; укрепился на левом берегу Десны и дал время неприятелю образумиться. Река стала. Лжедмитрий соединил полки свои и напал на Куракина. Бились мужественно, несколько раз, без решительного следствия, и войско Царское, оставив Брянск, заняло Карачев. Не имея надежды взять ни того, ни другого города, Самозванец двинулся вперед, мирно вступил в Орел и написал оттуда следующую грамоту к своему мнимому тестю, Воеводе Сендомирскому: “Мы, Димитрий Иоаннович, Божию милостию Царь всея России, Великий Князь Московский, Дмитровский, Углицкий, Городецкий... и других многих земель и Татарских Орд, Московскому Царству подвластных, Государь и наследник... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непостижимы для ума человеческого. Все, что бывает в мире, искони предопределено Небом, коего Страшный Суд совершился и надо мною: за грехи ли наших предков или за мои собственные, изгнанный из отечества и, скитаясь в землях чуждых, сколько терпел я бедствий и печали! Но Бог же милосердый, не помянув моих беззаконий, и спас меня от изменников, возвращает мне Царство, карает наших злодеев, преклоняет к нам сердца людей, Россиян и чужеземцев, так что надеемся скоро освободить вас и всех друзей наших, к неописанной радости вашего сына. Богу единому слава! Да будет также вам известно, что Его Величество, Король Сигизмунд, наш приятель, и вся Речь Посполитая усердно содействуют мне в отыскании наследственной Державы”. Сия грамота, вероятно, не дошла до Мнишка, заключенного в Ярославле, но была конечно и писана не для него, а единственно для тех, которые еще могли верить обману.

[1608 г.] Самозванец зимовал в Орле спокойно, умножая число подданных обольщением и силою; следуя правилу Шаховского и Болотникова, возмущал крестьян: объявлял независимость и свободу тем, коих господа служили Царю; жаловал холопей в чины, давал поместья своим усердным слугам, иноземцам и Русским. Там прибыли

к нему знатные Князя Рожинский и Адам Вишневецкий с двумя или тремя тысячами всадников. Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, в жаркой распре собственною рукою умертвил Меховецкого, друга, наставника Лжедмитриева, и заступил место убитого: сделался Гетманом бродяги, презираемого им и всеми умными Ляхами.

Но Василий уже не мог презирать сего злодея: еще не думая оставить юной супруги и столицы, он вверил рать любимому своему брату, Дмитрию Шуйскому, Князьям Василию Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому; велел присоединиться к ним Куракину, коннице Татарской и Мордовской, посланной еще из Тулы на Северную землю, и если не был, то по крайней мере казался удостоверенным, что власть законная, не взирая на смятение умов в России, одолеет крамолу. В сие время чиновник Шведский, Петрей, находясь в Москве, остерегал Василия, доказывая, что явление Лжедмитриев есть дело Сигизмунда и Папы, желающих овладеть Россиею, предлагал нам, от имени Карла IX, союз и значительное вспоможение; но Василий — так же, как и Годунов — сказал, что ему нужен только один помощник, Бог, а других не надобно. К несчастью, он должен был скоро переменить мысли.

Главный Воевода, Дмитрий Шуйский, отличался единственно величавостию и спесию; не был ни любим, ни уважаем войском; не имел ни духа ратного, ни прозорливости в советах и в выборе людей; имел зависть к достоинствам блестящим и слабость к ласкателям коварным: для того, вероятно, не взял юного, счастливого витязя Скопина-Шуйского и для того взял Князя Василия Голицына, знаменитого изменами. Рать Московская остановилась в Болхове; не действовала, за тогдашними глубокими снегами, до самой весны и дала неприятелю усилиться. Шуйский и сподвижники его, утружденные зимним походом, с семидесятью тысячами воинов отдыхали; а толпы Лжедмитриевы, не боясь ни морозов, ни снегов, везде рассыпались, брали города, жгли села и приближались к Москве. Начальники Рязани, Князь Хованский и Думный Дворянин Ляпунов, хотели выгнать мятежников из Пронска, овладели его внешними укреплениями и вломились в город; но Ляпунова тяжело ранили: Хованский отступил — и чрез несколько дней, под стенами Зарайска, был наголову разбит Паном Лисовским, который оставил там памятник своей победы, видимый и донныне: высокий курган, насыпанный над могилою убитых в сем деле Россиян. Царю надлежало защитить Москву новым войском. Писали к Дмитрию Шуйскому, чтобы он не медлил, шел и действовал: Шуйский наконец выступил [13 Апреля] и верстах в десяти от Болхова

уже встретил Самозванца.

Первый вступил в дело Князь Василий Голицын и первый бежал; главное войско также дрогнуло: но запасное, под начальством Куракина, смелым ударом остановило стремление неприятеля. Бились долго и разошлись без победы. С честью пали многие воины, Московские и Немецкие, коих главный сановник Ламсдорф, тайно обещал Лжедмитрию передаться к нему со всею дружиною, но пьяный забыл о сем уговоре и не мешал ей отличиться мужеством в битве. В следующий день возобновилось кровопролитие, и Шуйский, излишно осторожный или робкий, велел преждевременно спасать тяжелые пушки и везти назад к Болхову, дал мысль войску о худом конце сражения: чем воспользовался Лжедмитрий, извещенный переметчиком (Боярским сыном Лихаревым), и сильным нападением смял ряды Москвитян; все бежали, еще кроме Немцев: капитан Ламсдорф, уже не пьяный, предложил им братски соединиться с Ляхами; но многие, сказав: “наши жены и дети в Москве”, ускакали вслед за Россиянами. Остались 200 человек при знаменах с Ламсдорфом, ждали чести от Лжедмитрия — и были изрублены Козаками: Гетман Рожинский велел умертвить их как обманщиков, за кровь Ляхов, убитых ими накануне. Сия измена Немцев утаилась от Василия: он наградил их вдов и сирот, думая, что Ламсдорф с добрыми сподвижниками лег за него в жаркой сече.

Царские Воеводы и воины бежали к Москве; некоторые с Князем Третьяком Сеитовым засели в Болхове; другие ушли в дома. Болхов, где находилось 5000 людей ратных, сдался Лжедмитрию: все они присягнули ему в верности, выступили с ним к Калуге, но шли особенно, под начальством Князя Сеитова. Москва была в ужасе. Беглецы, оправдывая себя, в рассказах своих умножали силы Самозванца, число Ляхов, Козаков и Российских изменников; даже уверяли, что сей второй Лжедмитрий есть один человек с первым; что они узнали его в битве по храбрости еще более, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояр в несчастной измене Самозванцу ожившему и думала, в случае крайности, выдать их ему головами; некоторые только страшились, чтобы он, как волшебник, не увидел на них крови истерзанных ими Ляхов или своей собственной! Но в то же время достойные Россияне, многие Дворяне и Дети Боярские, оставив семейства, из ближних городов спешили в столицу защитить Царя в опасности. Явились и мнимые изменники Болховские, Князь Третьяк Сеитов с пятью тысячами воинов: удостоверенные, что Самозванец есть подлый злодей, они ушли от него с берегов Оки в Москву,

извиняясь минутным страхом и неволею. Василий составил новое войско, и дал начальство — к несчастью, поздно — знаменитому Ивану Романову. Сие войско стало на берегах Незнани, между Москвою и Калугою, ждало неприятеля и готовилось к битве, — но едва не было жертвою гнусного заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистых сердцем пред людьми и Богом, не имели их души благородной: Воеводы, Князя Иван Катырев, Юрий Трубецкой, Троекуров, думая, что пришла гибель Шуйских, как некогда Годуновых, и что лучше ускорением ее снискать милость бродяги, как сделал Басманов, нежели гибнуть вместе с Царем злосчастным, начали тайно склонять Дворян и Детей Боярских к измене. Умысел открылся: Василий приказал их схватить, везти в Москву, пытаться — и, несомненно уличенных, осудил единственно на ссылку, из уважения к древним родам Княжеским: Катырева удалили в Сибирь, Трубецкого в Тотьму, Троекурова в Нижний; но менее знатных и менее виновных преступников, участников злодейского кова, казнили: Желябовского и Невтева. Встревоженный сим происшествием и вестию, что Самозванец обходит стан Воевод Царских и приближается к Москве другим путем, государь велел им также идти к столице, для ее защиты.

1 Июня Лжедмитрий с своими Ляхами и Россиянами стал в двенадцати верстах оттуда, на дороге Волоколамской, в селе Тушине, думая одним своим явлением взволновать Москву и свергнуть Василия; писал грамоты к ее жителям и тщетно ждал ответа. Войско, верное Царю, заслоняло с сей стороны город. Были кровопролитные сшибки, но ничего не решили. Уверяют, что Князь Рожинский хотел взять Москву немедленным приступом, но что Лжедмитрий сказал ему: *Если разорите мою столицу, то где же мне царствовать? если сожжете мою казну, то чем же будет мне наградить вас?* “Сия жалость к Москве погубила его, — пишет Историк чужеземный, который доброхотствовал злодею более, нежели России: — Самозванец щадил столицу, но не щадил Государства, преданного им в жертву Ляхам и разбойникам. На пепле Москвы скоро явилась бы новая; она уцелела, а вся Россия сделалась пепелищем”. Но Самозванец, имея тысяч пятнадцать Ляхов и Козаков, пятьдесят или шестьдесят тысяч Российских изменников, большею частию худо вооруженных, действительно ли имел способ взять Москву, обширную твердыню, где, кроме жителей, находилось не менее осьмидесяти тысяч исправных воинов под защиту крепких стен и бесчисленного множества пушек? Лжедмитрий надеялся более на измену, нежели на силу; хотел отрезать Москву от городов Северных и перенес стан в село

Тайнинское, но был сам отрезан: войско Московское заняло Калужскую дорогу и пресекло его сообщение с Украйною, откуда шли к нему новые дружины Литовские и везли запасы: дружины были рассеяны, запасы взяты, и Лжедимитрий стеснен на малом пространстве. Усильным боем очистив себе путь, он возвратился в Тушино, избрал место выгодное, между реками Москвою и Восточною, подле Волоколамской дороги, и спешил там укрепиться валом с глубокими рвами (коих следы видим и ныне). Воеводы Царские, Князь Скопин-Шуйский, Романов и другие, стали между Тушиным и Москвою, на Ходынке; за ними и сам Государь, на Пресне или Ваганкове, со всем Двором и полками отборными: выезжая из столицы, он видел усердие и любовь народа, слышал его искренние обеты верности и требовал от него тишины, великодушного спокойствия. Столица действительно казалась спокойною, извне оберегаемая Царем, внутри особенным *засадным* войском, коим предводительствовали Бояре, и которое, храня все укрепления от Кремля до слобод, в случае нападения могло одно спасти город. Воспоминали нашествие, угрозы и гибель Болотникова; надеялись, что будет то же и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думал наступать и дал время неприятелю укрепиться в тушинском стане: Василий занимался переговорами.

Уже несколько месяцев находились в Москве чиновники Сигизмундовы, Витовский и Князь Друцкий-Соколинский, присланные Королем поздравить Василия с воцарением и требовать свободы всех знатных Ляхов. Бояре предложили им возобновить мирный договор Годунова времени, нарушенный Сигизмундом столь бессовестно; но чиновники Королевские объявили, что им должно видеться для того с Литовскими Послами, заключенными в Москве, и что без них они не могут ничего сделать. Бояре согласились. Жив 18 месяцев в страхе и в скуке, тщетно хотел бежать и даже силою вырваться из неволи, Олесницкий и Гусевский снова явились в Кремлевском дворце, как Послы, с верующею грамотою Королевскою; говорили, спорили, расходились с неудовольствием, чтобы опять сойтись. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцев своих из рук наших. Исполняя их требование, Царь велел привезти в Москву Воеводу Сендомирского и дозволил ему беседовать с ними тайно, наедине, без сомнения не в миролюбивом к нам расположении... Но Самозванец был уже под Москвою! Имея одну цель: отнять у него союзников-Ляхов, Василий дозволил Князю Рожинскому наведываться, словесно или письменно, о здоровье Послов Сигизмундовых: для чего

сановники Литовские ездили из Тушинского стана в Москву свободно и безопасно. Наконец, 25 Июля, Послы заключили с Боярами следующий договор: “1) В течение трех лет и одиннадцати месяцев не быть войне между Россиею и Литвою. 2) В сие время условиться о вечном мире или двадцатилетнем перемирии. 3) Обоим Государствам владеть, чем владеют. 4) Царю не помогать врагам Королевским, Королю врагам Царя ни людьми, ни деньгами. 5) Воеводу Сендомирского с дочерью и всех Ляхов освободить и дать им нужное для путешествия до границы. 6) Князьям Рожинскому, Вишневецкому и другим Ляхам, без ведома Королевского вступившим в службу к злодею, второму Лжедимитрию, немедленно оставить его и впредь не приставать к бродягам, которые вздумают именовать себя Царевичами Российскими. 7) Воеводе Сендомирскому не называть сего нового обманщика своим зятем и не выдавать за него дочери. 8) Марине не именоваться и не писаться Московскою Царицею”. Договор утвелили с обеих сторон клятвою; но не Василий, а Сигизмунд достиг цели. Коварство Ляхов открылось еще во время переговоров.

Чиновники, посланные от Князя Рожинского из Тушина в Москву, действовали как лазутчики, высматривая укрепления города и стана Ходынского. Царь был неосторожен: Воеводы еще неосторожнее. Сперва они бодрствовали неумолимо, днем и ночью, в доспехах и на конях: вдали легкие отряды, вокруг неусыпная стража. Но тишина, бездействие и слух о мире с Ляхами уменьшили опасение: Россияне уже не береглися; а Гетман Лжедимитриев, ночью, с Ляхами и Козаками внезапно ударил на стан Ходынский: захватил обоз и пушки, резал сонных или безоружных и гнал изумленных ужасом беглецов почти до самой Пресни, где их встретило войско, высланное Царем с людьми ближними, Стольниками, Стряпчими и Жильцами. Тут началась кровопролитная битва, и неприятель должен был отступить; его теснили и гнали до Ходынки.

Василий мог справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая мир, воюют и нападают врасплох: он скоро увидел их совершенное вероломство. Исполняя договор, Василий вместе с Послами немедленно отпустил в Литву Воеводу Сендомирского, Марину и всех их знатных единоплеменников из Москвы и других мест, где они содержались; дал им для хранения воинскую дружину под начальством Князя Владимира Долгорукого и надеялся, что Рожинский, Вишневецкий и другие Паны, извещенные об условиях мира, оставят Лжедимитрия: но никто из них не думал оставить его! Они дали время Послам и Мнишку удалиться и снова начали воевать, не внимая

убеждениям наших Бояр, которые писали к ним, что обман столь гнусный достоин не витязей Державы Христианской, а подлых слуг злодея подлого; что если Рожинский имеет хотя искру чести в душе, то обязан выдать Самозванца для казни и немедленно выйти из России. Число Ляхов грабителей еще умножилось семью тысячами всадников, приведенных в Тушино Усвятским Старостою Яном Петром Сапегою. Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всех иных сподвижников бродяги, превосходил их и в бесстыдстве: знал, кто он; смеялся над ним и над Россиянами; говорил: “мы жалуем в Цари Московские, кого хотим”; жег, грабил и хвалился *Римским* геройством! Сапега хотел битвою решить судьбу Москвы и тревожил нападениями стан Ходынский: Рожинский, управляя Самозванцем, медлил, ожидая скорой измены в столице: ибо там уже действовали злодеи, ненавистники Василиевы; сносились еще с Послами Литовскими, сносились и с Гетманом Лжедмитриевым, давали им советы, готовили предательство. Нетерпеливый и гордый Сапега отделился от Гетмана; желал начальствовать независимо, завоевать внутренние области России и с пятнадцатью тысячами двинулся к Лавре Сергиевой, чтобы разграбить ее богатство. С другой стороны, Пан Лисовский, именем Дмитрия присоединив к своим шайкам 30000 изменников Тульских и Рязанских, взял Коломну, пленил тамошнего Воеводу Долгорукого, Епископа Иосифа, Детей Боярских и шел к Москве. Царь выслал против него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегах Москвы-реки, на Медвежьем броду, сражались целый день, разбили неприятеля, освободили Коломенских пленников — и Лисовский, хотел явиться в Тушине победителем, явился там бегльцом с немногими всадниками. Царские Воеводы Иван Бутурлин и Глебов снова заняли Коломну.

Сей успех был предтечею бедствия. Князя Иван Шуйский и Григорий Ромодановский, посланные с войском вслед за Сапегою, настигли его между селом Здвиженским и Рахманцовым: отразили два нападения и взяли пушки. Казалось, что они победили; но Сапега, раненный пулею в лицо, не выпускал меча из рук и, сказав своим: “отечество далеко; спасение и честь впереди, а за спиною стыд и гибель”, третьим отчаянным ударом смешал Москвитян. Винили Воеводу Федора Головина, который первый дрогнул и бежал; хвалили Ромодановского, который не думал о сыне, подле него убитом, и сражался мужественно: другие следовали примеру Головина, а не Ромодановского, и, быв числом вдвое сильнее неприятеля, рассыпались, как стадо овец. Сапега гнал их 15 верст, взял 20 знамен и

множество пленников. Воеводы с главными чиновниками бежали по крайней мере к Царю, но воины в дома свои, крича: “идем защитить наших жен и детей от неприятеля!”

Другое важное происшествие имело для Москвы и России еще вреднейшее следствие. Послы Литовские и Мнишек, выезжая из столицы, уже знали, чему надлежало случиться, быв в тайном сношении с Лжедимитриевыми советниками, как мы сказали. Василий дал на себя оружие злодеям, дав свободу Марине. Он верил договору и клятве; но мог ли благоразумно верить им в таких обстоятельствах, в таком общем забвении всех уставов чести и справедливости? Князь Долгорукий ехал с Послами и с Воеводою Сендомирским через Углич, Тверь, Белую к Смоленской границе и был встречен сильным отрядом конницы, высланной из Тушинского стана с двумя чиновными Ляхами Зборовским и Стадницким, чтобы освободить Марину. Долгорукий не мог или не хотел противиться; воины его разбежались: он сам ускакал назад в Москву; а чиновники Лжедимитриевы, объявив Марине, что супруг ждет ее с нетерпением, вручили грамоту отцу ее. “Мы сердечно обрадовались, — писал к нему Самозванец, — услышав о вашем отъезде из Москвы: ибо лучше знать, что вы далее, но свободны, нежели думать, что вы близко, но в плену. Спешите к нежному сыну. Не в унижении, как теперь, а в чести и в славе, как будет скоро, должна видеть вас Польша. Мать моя, ваша супруга, здорова и благополучна в Сендомире: ей все известно”. Мнишек и Марина не колебались. Отечество, безопасность, Вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имели для них прелести трона и мщенья; ни опасности, ни стыд не могли удержать их от нового, вероломного и еще гнуснейшего союза с злодейством. Лжедимитрий звал к себе и Послов Сигизмундовых: один Николай Олесницкий возвратился; другие спешили в Литву, не хотев быть свидетелями срамного торжества Марины, которая ехала к мнимому Царю своему пышно и безопасно, местами уже ему подвластными. Узнав, что она приближается, Самозванец велел палить из всех пушек; но Марина остановилась в шатрах за версту от Тушина: там было первое свидание, и не радостное, как пишут. Марина знала истину; знала верно, что убитый муж ее не воскрес из мертвых, и заблаговременно приготовилась к обману: с печалию однако ж увидела сего второго самозванца, гадкого наружностью, грубого, низкого душою — и, еще не мертвая для чувств женского сердца, содрогнулась от мысли разделять ложе с таким человеком. Но поздно! Мнишек и честолюбие убедили Марину преодолеть слабость. Условились, чтобы Духовник Воеводы

Сендомирского, Иезуит, тайно обвенчал ее с Лжедмитрием, который дал слово жить с нею как брат с сестрою, до завоевания Москвы. Наконец, 1 Сентября Марина торжественно въехала в тушинский стан и лицедействовала столь искусно, что зрители умилялись ее нежностью к супругу: радостные слезы, объятия, слова, внушенные, казалось, истинным чувством, — все было употреблено для обмана и не бесполезно: многие верили ему, или по крайней мере говорили, что верят, и Российские изменники писали к своим друзьям: “Димитрий есть без сомнения истинный, когда Марина признала в нем мужа”. Сии письма имели действие: из разных городов, из самого войска Царского приехали к злодею Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князь Дмитрий Трубецкой, Черкасский, Алексей Сицкий, Засекины, Михайло Бутурлин, Дьяк Грамотин, Третьяков и другие, которые знали первого Лжедмитрия и следственно знали обман второго. В числе сих немаловажных изменников находился и знатнейший Вельможа Дворецкий Отрепьева, Князь Василий Рубец-Мосальский: сосланный Воеводствовать в Кексгольм, он был вызван или привезен в Москву как человек подозрительный, видел себя в опале и с дерзостью явился на новом феатре злодейства. Другие, менее бессовестные, но малодушные, не ожидая ничего, кроме бедствий для Царя, разъехались от него по домам; не тронулись и были ему *до конца* верны одни украинские Дворяне и Дети Боярские, вопреки бунтам их отчизны клятой.

Видя страшное начало измен и ежедневное уменьшение войска, Василий решился устранить гордость народную: доселе не хотел слышать о вспоможении иноземном, велел своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ехать к неприятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить с ним союз и привести Шведов для спасения России! Уже Царь мог без вины не верить отечеству, зараженному духом предательства — и лучший из Воевод, хотя и юнейший, в годину величайшей опасности с печалию удалился от рати, думая, что он возвратится, может быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть последним из достойных Россиян!.. Тогда же Царь писал к Государям Западной Европы, к Королю Датскому, Английскому и к Императору, о вероломстве Сигизмундовом, требуя их вспоможения или, по крайней мере, суда беспристрастного. Но не в таких обстоятельствах Державы находят союзников ревностных: касаясь гибели, Россия могла быть только предметом любопытства или бесплодной жалости для отдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василий искал если не геройства, то стыда в Россиянах; собрал воинов и спрашивал, кто

хочет стоять с ним за Москву и за Царство? Говорил: “Для чего срамить себя бегством? Даю вам волю: идите, куда хотите! Пусть только верные останутся со мною!” Казалось, что воины ждали сего великодушного слова: требовали Евангелия и креста; наперерыв целовали его и клялись умереть за Царя... а на другой и в следующие дни толпами бежали в Тушино... те, которые еще недавно служили верно Иоанну ужасному, изменяли Царю снисходительному, передавались к бродяге и Ляхам, древним неприятелям России, исполненным злобной мести и справедливого к ним презрения! Чудесное исступление страстей, изъясняемое единственно гневом Божиим! Сей народ, безмолвный в грозах самодержавия наследственного, уже играл Царями, узнав, что они могут быть избираемы и низвергаемы его властью или дерзким своевољством!

С таким ли войском мог Василий отважиться на решительную битву в поле? Быв дотолѣ защитником Москвы, он уже искал в ней защиты для себя: вступил со всеми полками в столицу, орошенную кровию Самозванца и Ляхов, туда, где страх лютой мести должен был воспламенить и малодушных для отчаянного сопротивления. Все улицы, стены, башни, земляные укрепления пополнились воинами под начальством мужей Думных, которые еще с видом усердия ободряли их и народ. Но не было уже ни взаимной доверенности между государственною властью и подданными, ни ревности в душах, как бы утомленных напряжением сил в непрерывном борении с опасностями грозными. Все ослабело: благоговение к сану Царскому, уважение к Синклиту и Духовенству. Блеск Василиевой великодушной твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастьем, которое ставили ему в вину и в обман: ибо сей властолюбец, принимая скипетр, обещал благоденствие Государству. Видели ревностную мольбу Василиеву в храмах; но Бог не внимал ей — и Царь злосчастный казался народу Царем неблагословенным, отверженным. Духовенство славало высокую добродетель Венценосца, и Бояре еще изъясляли к нему усердие; но Москвитяне помнили, что Духовенство славало и кляло Годунова, славало и кляло Отрепьева; что Бояре изъясляли усердие и к расстриге накануне его убиения. В смятении мыслей и чувств, добрые скорбели, слабые недоумевали, злые действовали... и гнусные измены продолжались.

Столица уже не имела войска в поле: конные дружины неприятельские, разъезжая в виду стен ее, прикрывали бегство Московских изменников, воинов и чиновников, к Самозванцу; многие из них возвращались с уверением, что он не Димитрий, и снова

уходили к нему. Злодейство уже казалось только легкомыслием; уже не мерзили сими обыкновенными беглецами, а шутили над ними, называя их *перелетами*. Разврат был столь ужасен, что родственники и ближние уговаривались между собою, кому оставаться в Москве, кому ехать в Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а в случае несчастья, здесь или там, иметь заступников. Вместе обедав и пиروвав (тогда еще пиروвали в Москве!) одни спешили к Царю в Кремлевские палаты, другие к *Царику*, так именовали второго Лжедмитрия. Взяв жалованье из казны Московской, требовали иного из Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдевали стан неприятельский яствами, солью, платьем, оружием, и не тайно: знали, видели и молчали; а кто доносил Царю, именовался *наушником*. Василий колебался: то не смел в крайности быть жестоким подобно Годунову, и спускал преступникам; то хотел строгостью унять их, и веря иногда клеветникам, наказывал невинных, к умножению зла. “Вельможи его, — говорит Летописец, — были в смущении и в *двоемыслии*: служили ему языком, а не душою и телом; некоторые дерзали и словами язвить Царя заочно, вопреки присяге и совести”. Невзирая на то, Москва, наученная примером Отрепьева, еще не думала предать Царя; еще верность хотя и сомнительная, одолевала измену в войске и в народе: все колебалось, но еще не падало к ногам Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапега, в сие время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, где горсть защитников среди ужасов беззакония и стыда еще помнила Бога и честь Русского имени.

Троицкая Лавра Св. Сергия (в шестидесяти четырех верстах от столицы), прельщая Ляхов своим богатством, множеством золотых и серебряных сосудов, драгоценных камней, образов, крестов, была важна и в воинском смысле, способствуя удобному сообщению Москвы с Севером и Востоком России: с Новымгородом, Вологдою, Пермью, Сибирскою землею, с областью Владимирскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь к Царю дружины ратные, везли казну и запасы. Основанная в лесной пустыне, среди оврагов и гор, Лавра еще в царствование Иоанна IV была ограждена (на пространстве шестисот сорока двух сажень) каменными стенами (вышиною в четыре, толщиною в три сажени) с башнями, острогом и глубоким ровом: предусмотрительный Василий успел занять ее дружинами Детей Боярских, Козаков верных, стрельцов, и с помощью усердных Иноков снабдить всем нужным для сопротивления долговременного. Сии

Иноки — из коих многие, быв мирянами, служили Царям в чинах воинских и Думных — взяли на себя не только значительные издержки и молитву, но и труды кровавые в бедствиях отечества; не только, сверхраяс надев доспехи, ждали неприятеля под своими стенами, но и выходили вместе с воинами на дороги, чтобы истреблять его разъезды, ловить вестников и лазутчиков, прикрывать обозы Царские; действовали и невидимо в стенах вражеских, письменными увещаниями отнимая клеветов у Самозванца, трогая совесть легкомысленных, еще незакоснелых изменников и представляя им в спасительное убежище Лавру, где число добрых подвижников, одушевленных чистою ревностью или раскаянием, умножалось. “Доколе, — говорили Лжедмитрию Ляхи, — доколе свирепствовать против нас сим кровожадным *врагам, гнездящимся в их каменном гробе?* Города многолюдные и целые области уже твои, Шуйский бежал от тебя с войском, а Чернцы ведут дерзкую войну с тобою! Рассыплем их прах и жилище!” Еще Лисовский, злодействуя в Переславской и Владимирской области, мыслил взять Лавру: увидев трудность, прошел мимо, и сжег только посад Клементьевский, но Сапега, разбив Князей Ивана Шуйского и Ромодановского, хотел чего бы то ни стоило овладеть ею.

Сия осада знаменита в наших летописях не менее Псковской, и еще удивительнее: первая утешила народ во время его страдания от жестокости Иоанновой; другая утешает потомство в страдании за предков, униженных развратом. В общем падении духа увидим доблесть некоторых, и в ней причину государственного спасения: казня Россию, Всевышний не хотел ее гибели и для того еще оставил ей *таких* граждан. Не устраним подробностей в описании дел славных, совершенных хотя и в пределах смиренной обители монашеской, людьми простыми, низкими званием, высокими единственно душою!

23 Сентября Сапега, а с ним и Лисовский; Князь Константин Вишневецкий, Тишкевичи и многие другие знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляхов, Козаков и Российских изменников, стали в виду монастыря на Клементьевском поле. Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов, желая узнать неприятеля и показать ему свое мужество, сделали вылазку и возвратились с малым уроном, дав время жителям монастырских слобод обратить их в пепел: каждый зажег дом свой, спасая только семейство, и спешил в Лавру. Неприятель в следующий день, осмотрев места, занял все высоты и все пути, расположился станом и начал укрепляться. Между тем Лавра наполнилась

множеством людей, которые искали в ней убежища, не могли разместиться в келиях и не имели крова: больные, дети, родильницы лежали на дожде в холодную осень. Легко было предвидеть дальнейшие, гибельные следствия тесноты, но добрые Иноки говорили: “Св. Сергей не отвергает злосчастных” — и всех принимали. Воеводы, Архимандрит Иосаф и Соборные старцы урядили защиту: везде расставили пушки; назначили, кому биться на стенах или в вылазках, и Князь Долгорукий с Голохвастовым первые, над гробом Св. Сергия, поцеловали крест в том, чтобы *сидеть в осаде без измены*. Все люди ратные и монастырские следовали их примеру в духе любви и братства, ободряли друг друга и с ревностью готовились к *трапезе кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество. С сего времени пение не умолкало в церквах Лавры, ни днем, ни ночью.

29 Сентября Сапега и Лисовский писали к Воеводам: “Покоритесь Димитрию, истинному Царю вашему и нашему, который не только сильнее, но и милостивее лжецаря Шуйского, имея, чем жаловать верных, ибо владеет уже едва не всем государством, стеснив своего злодея в Москве осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете Наместниками *Троицкого града* и Владетелями многих сел богатых; в случае бесполезного упорства, падут ваши головы”. Они писали и к Архимандриту и к Инокам, напоминая им милость Иоанна к Лавре, и требуя благодарности, ожидаемой от них его сыном и невесткою. Архимандрит и Воеводы читали сии грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: “Упование наше есть Святая Троица, стена и щит — Богоматерь, Святые Сергей и Никон — сподвижники: не страшимся!” В бранном ответе Ляхам не оставили слова на мир; но не тронули изменника, сына Боярского, Бессона Руготина, который привозил к ним Сапегины грамоты.

30 Сентября неприятель утвердил туры на горе Волкуше, Терентьевской, Круглой и Красной; выкопал ров от Келарева пруда до Глиняного врага, насыпал широкий вал и с 3 Октября, в течение шести недель, палил из шестидесяти трех пушек, стараясь разрушить каменную ограду; стены, башни тряслися, но не падали, от худого ли искусства пушкарей или от малости их орудий: сыпались кирпичи, делались отверстия и немедленно заделывались; ядра каленые летели мимо зданий монастырских в пруды, или гасли на пустырях и в ямах, к удивлению осажденных, которые, видя в том чудесную к ним милость Божию, укреплялись духом и в ожидании приступа все исповедались, чтобы с чистою совестью не робеть смерти; многие постриглись, желая умереть в сане монашеском. Иноки, деля с воинами опасности и труды,

ежедневно обходили стены с святыми иконами.

Сапега готовился к первому решительному делу не молитвою, не покаянием, а пиром для всего войска. 12 Октября с утра до вечера Ляхи и Российские изменники шумели в стане, пили, стреляли, скакали на лошадях с знаменами вокруг Лавры, в сумерки вышли полками к турам, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились к монастырю с лестницами, щитами и тарасами, с криком и музыкою. Их встретили залпом из пушек и пищалей; не допустили до стен; многих убили, ранили, все другие бежали, кинув лестницы, щиты и тарасы. В следующее утро осажденные взяли сии трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолев силою, Сапега еще думал взять Лавру угрозами и лестию: Ляхи мирно подъезжали к стенам, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодные условия; но чем более требовали сдачи, тем менее казались страшными для осажденных, которые уже действовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число неприятелей в огородах монастырских, стрельцы и Козаки без повеления Воевод спустились на веревках со стены, напали и перерезали там всех Ляхов. Пользуясь сею ревностию, Князь Долгорукий и Голохвастов тогда же сделали смелую вылазку с конными и пехотными дружинами к турам Красной горы, чтобы разрушить неприятельские бойницы; но в жестокой сече лишились многих добрых воинов. Никто не отдался в плен; раненых и мертвых принесли в Лавру, всего более жалея о храбром чиновнике Брехове: он еще дышал, и был вместе с другими умирающими пострижен в Монахи... В возмездие за верную службу Царю земному, отечество передавало их в Образе Ангельском Царю Небесному.

Гордясь сим делом как победою, неприятель хотел довершить ее: в темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва светились и все затихло в Лавре, дремлющие воины встрепнулись от незапного шума: Ляхи и Российские изменники под громом всех своих бойниц, с криком и воплем, стремились к монастырю, достигли рва и соломою с берестом зажгли острог: яркое пламя озарило их толпы как бы днем, в цель пушкам и пищалям. Сильною стрельбою и гранатами осажденные побили множество смелейших Ляхов и не дали им сжечь острога; неприятель ушел в свои законы, но и в них не остался: при свете восходящего солнца видя на стенах церковные хоругви, воинов, Священников, которые пели там благодарственный молебен за победу, он устранился нападения и бежал в стан укрепленный. Несколько дней минуло в бездействии.

Но Сапега и Лисовский в тишине готовили гибель Лавре: вели

подкопы к стенам ее. Угадывая сие тайное дело, Князь Долгорукий и Голохвастов хотели добыть языков: сделали вылазку на Княжеское поле, к Мишутинскому врагу, где, разбив неприятельскую стражу, захватили Литовского Ротмистра Брушевского и без урона возвратились, не дав Сапеге преградить им пути. Расспрашивали чиновного пленника и пытали: он сказал, что Ляхи действительно ведут подкоп, но не знал места. Воеводы избрали человека искусного в ремесле горном, монастырского слугу Корсакова и велели ему *делать* под башнями так называемые *слухи* или ямы в глубину земли, чтобы слушать там голоса или стука людей копающих в ее недрах; велели еще углубить ров вне Лавры, от Востока к Северу. Сия работа произвела две битвы кровопролитные: неприятель напал на копателей, но был отражен действием монастырских пушек. В другой сече за рвом, Ноября 1 Ляхи убили 190 человек и взяли несколько пленников; стеснили осажденных, не пускали их черпать воды в прудах вне крепости и приблизили свои окопы к стенам. Сердца уныли и в великодушных: видели уменьшение сил ратных; опасались болезней от тесноты и недостатка в хорошей воде; знали верно, что есть подкоп, но не знали где, и могли ежечасно взлететь на воздух. Тогда же несколько ядер упало в Лавру: одно ударило в большой колокол, в церковь, и, к общему ужасу, раздробило святые иконы, пред коими народ молился с усердием; другим убило Инокиню; третьим, в день Архангела Михаила, оторвало ногу у старца Корнилия: сей Инок благочестивый, исходя кровию, сказал: “Бог Архистратигом своим Михаилом отмстит кровь Христианскую” — и тихо скончался. Тогда же между верными Россиянами нашлись и неверные: слуга монастырский Селевин бежал к Ляхам. Боялись его изветов, козней и тайных единомышленников: один пример измены был уже опасен. В сих обстоятельствах не изменилась ревность добрых старцев: первые на молитве, на страже и в битвах, они словом и делом воспламеняли защитников, представляя им малодушие грехом, неробкую смерть долгом Христианским и гибель временную Вечным спасением.

Битвы продолжались. Осажденные сделали в земле ход, из-под стены в ров, с тремя железными воротами для скорейших вылазок; в темные ночи нападали на окопы неприятельские, хватали языков, допрашивали и сведали наконец важную тайну: тяжело раненный пленник Козак Дедиловский, умирая Христианином, указал Воеводам место подкопа: Ляхи вели его от мельницы к круглой угольной башне нижнего монастыря. Укрепив сие место частоколом и турами, Воеводы решились уничтожить опасный замысел Сапеги. Два случая ободрили

их: меткою стрельбою им удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *трещерою*, и более иных вредила монастырю. Другое счастливое происшествие уменьшало силу неприятеля: 500 Козаков Донских с Атаманом Епифанцем устыдились воевать Святую Обитель и бежали от Сапеги в свою отчизну. 9 Ноября, за три часа до света, взяв благословение Архимандрита над гробом Св. Сергия, Воеводы тихо вышли из крепости с людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала их от неприятеля; но как скоро они стали в ряды, сильный порыв ветра рассеял облака: мгла исчезла; ударили в осадный колокол, и все кинулись вперед, восклицая имя Св. Сергия. Нападение было с трех сторон, но стремились к одной цели: выгнали Козаков и Ляхов из ближайших укреплений, овладели мельницею, нашли и взорвали подкоп, к сожалению, с двумя смельчаками (Шиловым и Слотом, Клементьевскими земледельцами), которые наполнили его веществом горючим, зажгли и не успели спастись. Победители были еще не довольны: резались с неприятелем между его бойницами, падали от ядер и меча. Не слушаясь начальников, все остальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибежали из монастыря в пыл сечи, долго упорной. Несколько раз Ляхи сбивали их с высот в лощины, гнали и трубили победу; но Россияне снова выходили из оврагов, лезли на горы и наконец взяли Красную со всеми ее турами, немало пленников, знамена, 8 пушек, множество самопалов, ручниц, копий, палашей, воинских снарядов, труб и литавр; сожгли, чего не могли взять, и в торжестве, облитые кровию, возвратились при колокольном звоне всех церквей монастырских, неся своих мертвых, 174 человека и 66 тяжело аненных, а неприятельские укрепления оставив в пламени. Битва не пресекалась с раннего утра до темного вечера. 1500 Российских изменников и Ляхов, с Панами Угорским и Мазовецким, легли около мельницы, прудов Клементьевского, Келарева, Конюшенного и Круглого, церквей нижнего монастыря и против Красных ворот (ибо Ляхи, в середине дела имел выгоду, гнали наших до самой ограды). Иноки и воины хоронили тела с умилением и благодарностию; раненых покоили с любовью в лучших келиях, на иждивении Лавры. Славили мужество Дворян, Внукова и Есипова убитых, Ходырева и Зубова живых. Брат изменника и переметчика, Сотник Данило Селевин сказал: “хочу смертью загладить бесчестие нашего рода”, и сдержал слово: пеший напал на дружину Атамана Чики, саблею изрубил трех всадников и, смертельно раненый в грудь четвертым, еще имел силу убить его на месте. Другой воин Селевин также удивил храбростию и самых храбрых. Слуга монастырский,

Меркурий Айгустов, первый достиг неприятельских бойниц и был застрелен из ружья Литовским пушкарем, коему сподвижники Меркуриевы в то же мгновение отсекали голову. Иноки сражались везде впереди. — О сем счастливом деле Архимандрит и Воеводы известили Москву, которая праздновала оное вместе с Лаврою.

Стыдясь своих неудач, Сапега и Лисовский хотели испытать хитрость: ночью скрыли конницу в оврагах и послали несколько дружин к стенам, чтобы выманить осажденных, которые действительно устремились на них и гнали бегущих к засаде; но стражи, увидев ее с высокой башни, звуком осадного колокола известили своих о хитрости неприятельской: они возвратились безвредно, и с пленниками.

Настала зима. Неприятель, большею частью укрываясь в стане, держался и в законах: Воеводы Троицкие хотели выгнать его из ближних укреплений и на рассвете туманного дня вступили в дело жаркое; заняв овраг Мишутин, Благовещенский лес и Красную гору до Клементьевского пруда, не могли одолеть соединенных сил Лисовского и Сапеги: были притиснуты к стенам; но подкрепленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнейшую и для себя отчаянную, ибо уже не имели ничего в запасе. Монастырские бойницы и личное геройство многих дали им победу. “Св. Сергий, — говорит Летописец, — *охрабрил* и невежд; без лат и шлемов, без навыка и знания ратного, они шли на воинов опытных, доспешных, и побеждали”. Так житель села Молокова, именем Суета, ростом великан, силою и душою богатырь, всех затмил чудесною доблестью; сделался истинным Воеводою, увлекал других за собою в жестокую свалку; на обе стороны сек головы бердышем и двигался вперед по трупам. Слуга Пимен Тененев пустил стрелу в левый висок Лисовского и свалил его с коня. Другого знатного Ляха, Князя Юрия Горского, убил воин Павлов и примчал мертвого в Лавру. Бились врукопашь, резались ножами, и толпы неприятельские редели от сильного действия стенных пушек. Сапега, не готовый к приступу, увидев наконец вред своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую победу.

Но предстояло искушение для твердости. В холодную зиму монастырь не имел дров: надлежало кровию доставать их: ибо неприятель стерег дровосеков в рощах, убивал и пленил многих людей. Осажденные едва не лишились и воды: два злодея, из Детей Боярских, передались к Ляхам и сказали Сапеге, что если он велит спустить главный внешний пруд, из коего были проведены трубы в ограду, то все монастырские пруды иссохнут. Неприятель начал работу, и тайно: к

счастью, Воеводы узнали от пленника и могли уничтожить сей замысел: сделав ночью вылазку, они умертвили работников и, вдруг отворив все подземельные трубы, водою внешнего пруда наполнили свои, внутри обители, на долгое время. — Нашлись и другие, гораздо важнейшие изменники: казначей монастырский, Иосиф Девочкин, и сам Воевода Голохвастов, если верить сказанию Летописца: ибо в великих опасностях или бедствиях, располагающих умы и сердца к подозрению, нередко вражда личная язвит и невинность клеветою смертоносною. Пишут, что сии два чиновника, сомневаясь в возможности спасти Лавру доблестию, хотели спасти себя злодейством и через беглеца Селевина тайно условились с Сапегою предать ему монастырь; что Голохвастов думал, в час вылазки, впустить неприятеля в крепость; что старец Гурий Шишкин хитро выведал от них адскую тайну и донес Архимандриту. Иосифу дали время на покаяние: он умер скоропостижно. Голохвастов же остался Воеводою: следственно не был уличен ясно; но сия измена, действительная или мнимая, произвела зло: взаимное недоверие между защитниками Лавры.

Тогда же открылось зло еще ужаснейшее. “Когда, — говорит Летописец Лавры, — бедствие и гибель ежедневно нам угрожали, мы думали только о душе; когда гроза начинала слабеть, мы обратились к телесному”. Неприятель, изнуренный тщетными усилиями и холодом, кинул окопы, удалился от стен и заключился в земляных укреплениях стана, к великой радости осажденных, которые могли наконец безопасно выходить из тесной для них ограды, чтобы дышать свободнее за стенами, рубить лес, мыть белье в прудах внешних; уже не боялись приступов и только добровольно сражались, от времени до времени тревожа неприятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотели. Сей отдых, сия свобода пробудили склонность к удовольствиям чувственным: крепкие меды и молодые женщины кружили головы воинам; увещания и пример трезвых Иноков не имели действия. Уже не берегли, как дотоле, запасов монастырских; роскошествовали, пировали, тешились музыкою, пляскою... и скоро оцепенели от ужаса.

Долговременная теснота, зима сырая, употребление худой воды, недостаток в уксусе, в пряных зельях и в хлебном вине произвели цингу: ею заразились беднейшие и заразили Других. Больные пухли и гнили; живые смердели как трупы; задыхались от зловония и в келиях и в церквах. Умирало в день от двадцати до пятидесяти человек; не успевали копать могил; за одну платили два, три и пять рублей; клали в нее тридцать и сорок тел. С утра до вечера отпевали усопших и

хоронили; ночью стон и вой не умолкали: кто издыхал, кто плакал над издыхающим. И здоровые шатались как тени от изнеможения, особенно Священники, коих водили и держали под руки для исправления треб церковных. Томные и слабые, предвидя смерть от страшного недуга, искали ее на стенах, от пули неприятельской. Вылазки пресеклись, к злой радости изменников и Ляхов, которые, слыша всегдашний плач в обители, всходили на высоты, взлезали на деревья и видели гибель ее защитников, кучи тел и ряды могил свежих, исполнились дерзости, подъезжали к воротам, звали Иноков и воинов на битву, ругались над их бессилием, но не думали приступом увериться в оном, надеясь, что они скоро сдадутся или все изгибнут.

В крайности бедствия Архимандрит Иоасаф писал к знаменитому Келарю Лавры, Аврамию Палицыну, бывшему тогда в Москве, чтобы он убедил Царя спасти сию священную твердыню немедленным вспоможением: Авраамий убеждал Василия, братьев его, Синклит, Патриарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинских злодеев. Авраамий доказывал, что Лавра может еще держаться только месяц и падением откроет неприятелю весь Север России до моря. Наконец Василий послал несколько воинских снарядов и 60 Козаков с Атаманом Останковым, а Келар 20 слуг монастырских. Сия дружина, хотя и слабая числом, утешила осажденных: они видели готовность Москвы помогать им, и новою дерзостью — к сожалению, делом жестоким — явили неприятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустив царского Атамана в Лавру и захватив только четырех Козаков, варвар Лисовский с досады велел умертвить их пред монастырскою стеною. Такое злодейство требовало мести: осажденные вывели целую толпу Литовских пленников и казнили из них 42 человека, к ужасу Поляков, которые, гнушаясь виновником сего душегубства, хотели убить Лисовского, едва спасенного менее бесчеловечным Сапегою.

Бедствия Лавры не уменьшились: болезнь еще свирепствовала; новые сподвижники, Атаман Останков с Козаками, сделались также ее жертвою, и неприятель удвоил заставы, чтобы лишить осажденных всякой надежды на помощь. Но великодушные не слабели: все готовились к смерти; никто не смел упомянуть о сдаче. Кто выздоравливал, тот отведывал сил своих в битве, и вылазки возобновились. Действуя мечем, употребляли и коварство. Часто Ляхи, подъезжая к стенам, дружелюбно разговаривали с осажденными, вызывали их, давали им вино за мед, вместе пили и... хватали друг друга в плен или убивали. В числе таких пленников был один Лях,

называемый в летописи Мартиасом, умный и столь искусный в льстивом притворстве, что Воеводы вверились в него как в изменника Литвы и в друга России: ибо он извещал их о тайных намерениях Сапеги; предсказывал с точностью все движения неприятеля, учил пушкарей меткой стрельбе, выходил даже биться с своими единоплеменниками за стеною и бился мужественно. Князь Долгорукий столь любил его, что жил с ним в одной комнате, советовался в важных делах и поручал ему иногда ночную стражу. К счастью, перебежал тогда в Лавру от Сапеги другой Пан Литовский, *Немко*, от природы глухий и бессловесный, но в боях витязь неустрашимый, ревнитель нашей Веры и Св. Сергия. Увидев Мартиаса, Немко заскрежетал зубами, выгнал его из горницы, и с видом ужаса знаками изъяснил Воеводам, что от сего человека падут монастырские стены. Мартиаса начали пытать и сведали истину: он был лазутчик Сапегин, пускал к нему тайные письма на стрелах и готовился, по условию, в одну ночь заколотить все пушки монастырские. Коварство неприятеля, усиливая остервенение, возвышало доблесть подвижников Лавры. Славнейшие изгибли: их место заступили новые, дотоле презираемые или неизвестные, бесчиновные, слуги, земледельцы. Так Анания Селевин, раб смиренный, заслужил имя Сергиева витязя делами храбрости необыкновенной: Российские изменники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; видели издали и не смели видеть вблизи, по сказанию летописца: дерзнул один Лисовский, и раненый пал на землю. Так стрелец Нехорошев и селянин Никифор Шилов были всегда путеводителями и героями вылазок; оба, единоборствуя с тем же Лисовским, обагрились его кровию: один убил под ним коня, другой рассек ему бедро. Стражи неприятельские бодрствовали, но грамоты утешительные, хотя и без воинов, из Москвы приходили: Келарь Авраамий, душою присутствуя в Лавре, писал к ее верным Россиянам: “будьте непоколебимы до конца!” Архимандрит, Иноки рассказывали о видениях и чудесах: уверяли, что Святые Сергей и Никон являются им с благовестием спасения: что ночью, в церквах затворенных, невидимые лики Ангельские поют над усопшими, свидетельствуя тем их сан небесный в награду за смерть добродетельную. Все питало надежду и Веру, огонь в сердцах и воображении; терпели и мужались до самой весны.

Тогда целебное влияние теплого воздуха прекратило болезнь смертоносную, и 9 Мая в новосвященном храме Св. Николая Иноки и воины пели благодарственный молебен, за коим следовала счастливая вылазка. Хотели доказать неприятелю, что Лавра уже снова цветет

душевым и телесным здоровьем. Но силы не соответствовали духу. В течение пяти или шести месяцев умерло там 297 старых Иноков, 500 новопостриженных и 2125 Детей Боярских, стрельцов, Козаков, людей даточных и слуг монастырских. Сапега знал, сколь мало осталось живых для защиты, и решился на третий общий приступ. 27 Мая зашумел стан неприятельский: Ляхи, следуя своему обыкновению, с утра начали веселиться, пить, играть на трубах. В полдень многие всадники объезжали вокруг стен и высматривали места; другие взад и вперед скакали, и мечами грозили осажденным. Вечеру многочисленная конница с знаменами стала на Клементьевском поле; вышел и Сапега с остальными дружинами, всадниками и пехотою, как бы желая доказать, что презирает выгоду нечаянности в нападении и дает время неприятелю изготавиться к бою. Лавра изготавилась: не только Монахи с оружием, но и женщины явились на стенах с камнями, с огнем, смолою, известью и серою. Архимандрит и старые Иеромонахи в полном облачении стояли пред олтарем и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла неприятеля; но в глубоком мраке и безмолвии осажденные слышали ближе и ближе шорох: Ляхи как змеи ползли ко рву с стенобитными орудиями, щитами, лестницами — и вдруг с Красной горы грянул пушечный гром: неприятель завопил, ударил в бубны и кинулся к ограде; придвинул щиты на колесах, лез на стены. В сей роковой час остаток великодушных увенчал свой подвиг. Готовые к смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: без ужаса и смятения каждый делал свое дело; стреляли, кололи из отверстий, метали камни, зажженную смолу и серу; лили вар; ослепляли глаза известью; отбивали щиты, тараны и лестницы. Неприятель оказывал смелость и твердость; отражаемый, с усилием возобновлял приступы, до самого утра, которое осветило спасение Лавры: Ляхи и Российские злодеи начали отступать; а победители, неутомимые и ненасытные, сделав вылазку, еще били их во рвах, гнали в поле и в лощинах, схватили 30 панов и чиновных изменников, взяли множество стенобитных орудий и возвратились славить Бога в храме Троицы. Сим делом важным, но кровопролитным только для неприятеля, решилась судьба осады. Еще держась в стане, еще надеясь одолеть непреклонность Лавры совершенным изнеможением ее защитников, Сапега уже берег свое войско; не нападая, единственно отражал смелые их вылазки и ждал, что будет с Москвою. Ждала того и Лавра, служба для нее примером, к несчастью, бесплодным.

Когда горсть достойных воинов-монахов, слуг и земледельцев, изнуренных болезнию и трудами — неослабно боролась с полками

Сапеги, Москва, имея, кроме граждан, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествовать бродяге Лжедимитрию в двенадцати верстах от стен Кремлевских и досуг покорять Россию. Москва находилась в осаде: ибо неприятель своими разъездами мешал ее сообщениям. Хотя царские Воеводы иногда выходили в поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и в деле кровопролитном, в коем был ранен Гетман Лжедимитриев, имели выгоду: но не предпринимали ничего решительного. Василий ждал вестей от Скопина; ждал и ближайшей помощи, дав указ жителям всех городов Северных вооружиться, идти в Ярославль и к Москве, — велел и Боярину Федору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратных в Низовых городах и также спешить к столице. Но для сего требовалось времени, коим неприятель мог воспользоваться, отчасти и воспользовался к ужасу всей России.

Не имея сил овладеть Москвою, не умев овладеть Лаврою, Лжедимитрий с изменниками и Ляхами послал отряды к Суздалью, Владимиру и другим городам, чтобы действовать обольщением, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый изменил чести, слушаясь злодея, Дворянина Шилова: целовал крест Самозванцу, принял Лисовского и Воеводу Федора Плещеева от Сапеги. Переславль Залесский очернил себя еще гнуснейшим делом: жители его соединились с Ляхами и приступили к Ростову. Там крушился о бедствиях отечества добродетельный Митрополит Филарет: не имея крепких стен, граждане предложили ему удалиться вместе с ними в Ярославль; но Филарет сказал, что не бегством, а кровию должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и венец Мучеников для Христиан, верных Царю и Богу. Видя бегство народа, Филарет с немногими усердными воинами и гражданами заключился в Соборной церкви: все исповедались, причастились Святых Таин и ждали неприятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единоверные, Переславцы, дерзнули осадить святой храм, стреляли, ломались в двери, и диким ревом ярости ответствовали на голос Митрополита, который молил их не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершенного изнеможения. Храм наполнился трупами. Злодеи победители схватили Митрополита и, сорвав с него ризы Святительские, одели в рубище, обнажили церковь, сняли золото с гробницы Св. Леонтия и разделили между собою по жеребью; опустошили город, и с добычею святотатства вышли из Ростова, куда Сапега прислал воеводствовать злого изменника Матвея Плещеева.

Филарета повезли в Тушинский стан, как узника, босого, в одежде Литовской, в Татарской шапке; но Самозванец готовил ему бесчестие и срам иного рода: встретил его с знаками чрезвычайного уважения, как племянника Иоанновой супруги Анастасии и жертву Борисовой ненависти; величал как знаменитейшего, достойного Архипастыря и назвал Патриархом: дал ему золотой пояс и Святительских чиновников для наружной пышности, но держал его в тесном заключении как непреклонного в верности к Царю Василию. Сей второй Лжедмитрий, наученный бедствием первого, хотел казаться ревностным чителем Церкви и Духовенства; учил лицемерию и жену свою, которая с благоговением приняла от Сапеги богатую икону Св. Леонтия, Ростовскую добычу; уже не смела гнушаться обрядами Православия, молилась в наших церквах и поклонялась мощам Угодников Божиих. Еще притворствовали и хитрили для ослепления умов в век безумия и страстей неистовых!

Город за городом сдавался Лжедмитрию: Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда и другие, те самые, откуда Василий ждал помощи. Являлась толпа изменников и Ляхов, восклицая: “Да здравствует Димитрий!” и жители, ответствуя таким же восклицанием, встречали их как друзей и братьев. Добросовестные безмолвствовали в горести, видя силу на стороне разврата и легкомыслия: ибо многие, вопреки здравому смыслу, еще верили мнимому Димитрию! Другие, зная обман, изменяли от робости или для того, чтобы злодействовать свободно; приставали к шайкам Самозванца и вместе с ними грабили, где и что хотели. Шуя, наследственное владение Василиевых предков, и Кинешма, где защищался Воевода Федор Бабарыкин, были взяты, разорены Лисовским; взята и верная Тверь: ибо лучшие воины ее находились с Царем в Москве. Отряд легкой Сапегиной конницы вступил и в отдаленный Белозерск, где издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но там и везде освободили ссыльных, а в их числе и злодея Шаховского, себе в усердные сподвижники. Ярославль, обогащенный торговлею Английскою, сдался на условии не грабить его церквей, домов и лавок, не бесчестить жен и девиц; принял Воеводу от Лжедмитрия, Шведа Греческой Веры, именем Лоренца Биугге, Иоаннова Ливонского пленника; послал в Тушинский стан 30000 рублей, обязался снарядить 1000 всадников. Псков, знаменитый древними и новейшими воспоминаниями славы, сделался вдруг вертепом разбойников и душегубцев. Там снова начальствовал Боярин Петр Шереметев, недолго быв в опале: верный Царю, нелюбимый народом за лихоимство. Духовенство, Дворяне,

гости были также верны; но лазутчики и письма Тушинского злодея взволновали *мелких* граждан, чернь, стрельцов, Козаков, исполненных ненависти к людям сановитым и богатым. Мятежниками предводительствовал Дворянин Федор Плещеев: торжествуя числом, силою и дерзостью, они присягнули Лжедмитрию; вопили, что Шуйский отдает Псков Шведам; заключили Шереметева и граждан знатнейших; расхитили достояние Святительское и монастырское. Узнав о том, Лжедмитрий прислал к ним свою шайку: начались убийства. Шереметева удавили в темнице; других узников казнили, мучили, сажали на кол. В сие ужасное время сгорела знатная часть Пскова, и кучи пепла облились новою кровию: неистовые мятежники объявили Дворян и богатых купцов зажигателями; грабили, резали невинных, и славили Царя Тушинского... Кто мог в сих исступлениях злодейства узнать отчизну Св. Ольги, где цвела некогда добродетель, человеческая и государственная; где еще за 26 лет пред тем, жили граждане великодушные, победители Героя Батория, спасители нашей чести и славы?

Но кто мог узнать и всю Россию, где, в течение веков, видели мы столько подвигов достохвальных, столько твердости в бедствиях, столько чувств благородных? Казалось, что Россияне уже не имели отечества, ни души, ни Веры; что государство, зараженное нравственною язвою, в страшных судорогах кончалось!.. Так повествует добродетельный свидетель тогдашних ужасов Авраамий Палицын, исполненный любви к злосчастному отечеству и к истине: “Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями Ляхов были наши изменники, первые и последние в кровавых сечах: Ляхи, с оружием в руках, только смотрели и смеялись безумному междоусобию. В лесах, в болотах непроходимых Россияне указывали или готовили им путь и числом превосходным берегли их в опасностях, умирая за тех, которые обходились с ними как с рабами. Вся добыча принадлежала Ляхам: они избирали себе лучших из пленников, красных юношей и девиц, или отдавали на выкуп ближним — и снова отнимали, к забаве Россиян!.. Сердце трепещет от воспоминания злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзостных наслаждений... Святых юных Инокинь обнажали, позорили; лишённые чести, лишались и жизни в муках срама... Были жены прельщаемые иноплеменниками и развратом; но другие смертью избавляли себя от зверского насилия. Уже не сражаясь за отечество, еще многие умирали за семейства: муж за супругу, отец за дочь, брат за

сестру вонзал нож в грудь Ляху. Не было милосердия: добрый, верный Царю воин, взятый в плен Ляхами, иногда находил в них жалость и самое уважение к его верности; но изменники называли их за то женами слабыми и худыми союзниками Царя Тушинского: всех твердых в добродетели предавали жестокой смерти; метали с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов; в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни. Видя сию неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: *что же будет нам от Россиян, когда они и друг друга губят с такою лютостию?* Сердца окаменели, умы омрачились; не имели ни сострадания, ни предвидения: вблизи свирепствовало злодейство, а мы думали: *оно минует нас!* или искали в нем личных для себя выгод. В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы господами, чернь Дворянством, Дворяне Вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных, и разумные разумных обольщали изменою, в домах и в самых битвах; говорили: *мы блаженствуем; идите к нам от скорби к утехам!*.. Гибли отечество и Церковь: храмы истинного Бога разорялись, подобно капищам Владимирова времени: скот и псы жили в алтарях; воздухами и пеленами украшались кони, пили из потиров; мяса стояли на дискосах; на иконах играли в кости; хоругви церковные служили вместо знамен; в ризах Иерейских плясали блудницы. Иноков, Священников палили огнем, допытываясь их сокровищ; отшельников, Схимников заставляли петь срамные песни, а безмолвствующих убивали... Люди уступили свои жилища зверям: медведи и волки, оставив леса, витали в пустых городах и весях; враны плотоядные сидели станицами на телах человеческих; малые птицы гнездились в черепах. Могилы как горы везде возвышались. Граждане и земледельцы жили в делянках, в лесах и в пещерах неведомых, или в болотах, только ночью выходя из них осушиться. И леса не спасали: люди, уже покинув звероловство, ходили туда с чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь в густоте древесной, страшались вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили их до смерти. Не светом луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять с собою, дома и все, да будет Россия пустынею необитаемою!”

Россия бывала пустынею; но в сие время не Батыевы, а собственные варвары свирепствовали в ее недрах, изумляя и самых неистовых иноплеменников: Россия могла тогда завидовать временам Батыевым, будучи жертвою величайшего из бедствий, разврата государственного, который мертвит и надежду на умилоствление

небесное! Сия надежда питалась только великодушною смертию многих Россиян: ибо не в одной Лавре блистало Геройство: сии, по выражению Летописца, *горы могил*, всюду видимые, вмещали в себе персть мучеников верности и закона: добродетель, как Феникс, возрождается из пепла могилы, примером и памятию; там не все погибло, где хотя немногие предпочитают гибель беззаконию. С честью умирали и воины и граждане, и старцы и жены. В Духовенстве особенно сияла доблесть, Феоктист, крестом и мечем вооруженный, до последнего издыхания боролся с изменою, и, взятый в плен, удостоился венца страдальческого. Архиепископ Суздальский, Галактион, не хотел благословить Самозванца, скончался в изгнании. Добродетельного Коломенского Святителя, Иосифа, злодеи влачили привязанного к пушке: он терпел и молил Бога образумить Россиян. Святитель Псковский, Геннадий, в тщетном усилии обуздать мятежников, умер от горести. Немногие из Священников, как сказано в летописи, уцелели, ибо везде противились бунту.

Сей бунт уже поглощал Россию: как рассеянные острова среди бурного моря, являлись еще под знаменем Московским вблизи Лавра, Коломна, Переславль Рязанский, вдали Смоленск, Новгород Нижний, Саратов, Казань, города Сибирские; все другие уже принадлежали к Царству беззакония, коего столицею был Тушинский стан, действительно подобный городу разными зданиями внутри оно, купеческими лавками, улицами, площадями, где толпилось более ста тысяч разбойников, обогащаемых плодами грабежа; где каждый день, с утра до вечера, казался праздником грубой роскоши: вино и мед лились из бочек; мяса, вареные и сырые, лежали грудями, пресыщая и людей и псов, которые вместе с изменниками стекались в Тушино. Число сподвижников Лжедмитриевых умножилось Татарами, приведенными к нему потешным Царем Борисовым, Державцем Касимовским, Ураз-Магметом, и крещеным Ногайским Князем Арасланом Петром, сыном Урусовым: оба, менее Россиян виновные, изменили Василию; второй оставил и Веру Христианскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить *Царику* Тушинскому, то есть грабить и злодействовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцом, наполнялось лицемерами благоговения, Российскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими унижался и Посол Сигизмундов, Олесницкий, выпросив у бродяги в дар себе город Белую). Там бесстыдная Марина с своею поруганною красотою наружно величалась саном театральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, как ей хотелось, а раболепствуя, и с трепетом завися от мужа-варвара,

который даже отказывал ей и в средствах блистать пышностью; там Вельможный отец ее лобызал руку беглого Поповича или Жида, приняв от него новую владенную грамоту на Смоленск, еще не взятый, и Северскую землю, с обязательством выдать ему (Мнишку) 300000 рублей из казны Московской, еще незавоеванной. Там, упоенный счастьем, и господствуя над Россиею от Десны до Чудского и Белого озера, Двины и моря Каспийского — ежедневно слыша о новых успехах мятежа, ежедневно видя новых подданных у ног своих — стесняя Москву, угрожаемую голодом и предательством — Самозванец терпеливо ждал последнего успеха: гибели Шуйского, в надежде скоро взять столицу и без кровопролития, как обещали ему легкомысленные переметчики, которые не хотели видеть в ней ни меча, ни пламени, имея там дома и семейства.

Миновало и возвратилось лето: Самозванец еще стоял в Тушине! Хотя в злодейских предприятиях всякое замедление опасно, и близкая цель требует не отдыха, а быстрейшего к ней стремления; хотя Лжедмитрий, слишком долго смотря на Москву, давал время узнавать и презирать себя, и с умножением сил вещественных лишился нравственной: но торжество злодея могло бы совершиться, если бы Ляхи, виновники его счастья, не сделались виновниками и его гибели, невольно услужив нашему отечеству, как и во время первого Лжедмитрия. России издыхающей *помог* новый *неприятель!*

Доселе Король Сигизмунд враждовал нам тайно, не снимая с себя личины мирной, и содействуя самозванцам только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и действовать открыто.

[1609 г.] Соединив, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою с судьбою обманщика, боясь худого оборота в делах его и надеясь быть зятю полезнее в Королевской Думе, нежели в Тушинском стане, Воевода Сендомирский (в Генваре 1609 года) уехал в Варшаву, так скоро, что не успел и благословить дочери, которая в письмах к нему жаловалась на сию холодность. Вслед за Мнишком, надлежало ехать и Послам Лжедмитриевым, туда, где все с живейшим любопытством занималось нашими бедствиями, желая ими воспользоваться и для государственных и для частных выгод: ибо еще многие благородные Ляхи, пылая страстию удалства и корысти, думали искать счастья в смятенной России. Уже друзья Воеводы Сендомирского действовали ревностно на Сейме, представляя, что торжество мнимого Дмитрия есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами республики, дать корону бродяге и взять

Смоленск, Северскую и другие, некогда Литовские земли. Они хотели, чего хотел Мнишек: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмунд, признав Лжедмитрия Царем, усердно и заблаговременно помог ему как союзнику новым войском: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городов, еще верных, устояли бы в сей буре общего мятежа и разрушения. Что сделалось бы тогда с Россиею, вторичною гнусною добычею самозванства и его пестунов? могла ли бы она еще восстать из сей бездны срама и быть, чем видим ее ныне? Так, судьба России зависела от Политики Сигизмундовой; но Сигизмунд, к счастью, не имел духа Баториева: властолюбивый с малодушием и с умом недалновидным, он не вразумился в причины действий; не знал, что Ляхи единственно под знаменами Российскими могли терзать, унижать, топтать Россию, не своим геройством, а Дмитриевым именем чудесно обезоруживая народ ее слепотствующий, — не знал, и политикою, грубо-стяжательною, открыл ему глаза, воспламенил в нем искру великодушия, оживил, усилил старую ненависть к Литве и, сделав много зла России, дал ей спастись для ужасного, хотя и медленного возмездия ее врагам непримиримым.

Уверяют, что многие знатные Россияне, в искренних разговорах с Ляхами, изъявляли желание видеть на престоле Московском юного Сигизмундова сына, Владислава, вместо обманщиков и бродяг, безрассудно покровительствуемых Королем и Вельможными Панами; некоторые даже прибавляли, что сам Шуйский желает уступить ему Царство. Искренно ли, и действительно ли так объяснялись Россияне, неизвестно; но Король верил и, в надежде приобрести Россию для сына или для себя, уже не доброхотствовал Лжедмитрию. Друзья Королевские предложили Сейму объявить войну Царю Василию, за убиение мирных Ляхов в Москве и за долговременную бесчестную неволю Послов Республики, Олесницкого и Госевского; доказывали, что Россия не только виновна, но и слаба; что война с нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: “Шуйский зовет Шведов, и если их вспоможением утвердит власть свою, то чего доброго ждать республике от союза двух врагов ее? Еще хуже, если Шведы овладеют Москвою; не лучше, если она, утомленная бедствиями, покорится и Султану или Татарам. Должно предупредить опасность, и легко: 3000 Ляхов в 1605 году дали бродяге Московское Царство; ныне дружины вольницы угрожают Шуйскому пленом: можем ли бояться сопротивления?” Были однако ж Сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслию о завоевании Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнее России, дозволив *первому* Лжедмитрию, вопреки

миру, ополчаться в Галиции и в Литве на Годунова и не мешая Ляхам участвовать в злодействах *второго*; что Польша, быв еще недавно жертвою междоусобия, не должна легкомысленно начинать войны с Государством обширным и многолюдным; что в сем случае надлежит иметь четыре войска: два против Шуйского и мнимого Дмитрия, два против Шведов и собственных мятежников; что такие ополчения без тягостных налогов невозможны, а налоги опасны. Им ответствовали: “Богатая Россия будет наша” — и Сейм исполнил желание Короля: не взирая на перемирие, вновь заключенное в Москве, одобрил войну с Россиею, без всякого сношения с Лжедмитрием, к горести Мнишка, который, приехав в отечество, уже не мог ничего сделать для своего зятя и должен был удалиться от Двора, где только сожалели о нем, и не без презрения.

Сигизмунд казался новым Баторием, с необыкновенною ревностию готовясь к походу; собирал войско, не имея денег для жалованья, но тем более обещая, в надежде, что кончит войну одною угрозою, и что Россия изнуренная встретит его не с мечом, а с венцем Мономаховым, как спасителя. Узнав толки злословия, которое приписывало ему намерение завоевать Москву и силами ее подавить вольность в Республике — то есть, сделаться обоих Государств Самодержцем — Король окружным письмом удостоверил Сенаторов в нелепости сих разглашений, клялся не мыслить о личных выгодах, и действовать единственно для блага Республики; выехал из Кракова в Июне месяце к войску и еще не знал, куда вести оное: в землю ли Северскую, где царствовало беззаконие под именем Дмитрия, или к Смоленску, где еще царствовали закон и Василий, или прямо к Москве, чтобы истребить Лжедмитрия, отвлечь от него и Ляхов и Россиян, а после истребить и Шуйского, как советовал умный Гетман Жолкевский? Сигизмунд колебался, медлил — и наконец пошел к Смоленску: ибо канцлер Лев Сапега и Пан Госевский уверили Короля, что сей город желает ему сдаться, желая избавиться от ненавистной власти Самозванца. Но в Смоленске начальствовал доблий Шеин!

Границы России были отверсты, сообщения прерваны, воины рассеяны, города и селения в пепле или в бунте, сердца в ужасе или в ожесточении, Правительство в бессилии, Царь в осаде и среди изменников... Но когда Сигизмунд, согласно с пользою своею Державы, шел к нам за легкою добычею властолюбия, в то время бедствия России, достигнув крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасения, рождая надежду, что Бог не оставляет Государства, где многие или немногие граждане еще любят отечество и

добродетель.

Глава III

Продолжение Василиева царствования. 1608—1610 г.

Князь Пожарский. Доблесть Нижнего Новгорода. Восстание и других городов Низовых. Восстание Северной России. Крамолы в Москве. Голод. Весть о Князе Михаиле и его подвиги. Приступы Лжедмитрия к Москве. Победа Царского войска. Три самозванца. Некоторые удачи Лжедмитриевы. Новый мятеж в Москве. Слобода Александровская. Победа над Сапегою. Любовь к Князю Михаилу. Предлагают венец Герою. Разбои. Пожарский. Осада Смоленска. Смятение Лжедмитриевых Ляхов. Распря между Сигизмундом и Конфедератами. Посольство Королевское в Тушино. Переговоры с Тушинскими изменниками. Бегство Лжедмитрия. Высокомерие Марины. Злодейства Самозванца в Калуге. Волнение в Тушине. Бегство Марины. Посольство Тушинское к Королю. Изменники признают Владислава Царем. Марина в Калуге. Успехи Князя Михаила. Освобождение Лавры. Бегство Сапегы. Опустение Тушина. Дело Князя Михаила. Торжественное вступление Героя в Москву.

Первое счастливое дело сего времени было под Коломною, где Воеводы Царские, Князь Прозоровский и Сукин, разбили Пана Хмелевского. Во втором деле оказалось мужество и счастье юного, еще неизвестного Стратига, коему Провидение готовило благодетнейшую славу в мире: славу Героя — спасителя отечества. Князь Димитрий Михайлович Пожарский, происходя от Всеволода III и Князей Стародубских, Царедворец бесчиновный в Борисово время и Стольник при расстриге, опасностями России вызванный на феатр кровопролития, должен был вторично защитить Коломну от нападения Литвы и наших изменников, шедших из Владимира. Пожарский не хотел ждать их: встретил в селе Высоцком, в тридцати верстах от Коломны, и на утренней заре незапным, сильным ударом изумил неприятеля; взял множество пленников, запасов и богатую казну, одержал победу с малым уроном, явив не только смелость, но и редкое искусство, в предвстие своего великого назначения.

Тогда же и в иных местах судьба начинала благоприятствовать Царю. Мятежники Мордва, Черемисы и Лжедмитриевы шайки, Ляхи, Россияне с Воеводою Князем Вяземским осаждали Нижний Новгород:

верные жители обрекли себя на смерть; простились с женами, детьми и единоплеменниками вылазкою разбили осаждающих наголову: взяли Вяземского и немедленно повесили как изменника. Так добрые Нижегородцы воспрянули к подвигам, коим надлежало увенчаться их бессмертною, святою для самых отдаленных веков утешительною славою в нашей Истории. Они не удовольствовались своим избавлением, только временным: сведав, что Боярин Федор Шереметев в исполнение Василиева указа оставил наконец Астрахань, идет к Казани, везде смиряет бунт, везде бьет и гонит шайки мятежников, Нижегородцы выступили в поле, взяли Балахну и с ее жителей присягу в верности к Василию; обратили к закону и другие Низовые города, воспламеняя в них ревность добродетельную. Восстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и под начальством Сотника Красного, мещан Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили неприятеля в Лухе и в селе Дунилове: Ляхи и наши изменники с Воеводою Федором Плещеевым, сподвижником Лисовского, бежали в Суздаль. Победители взяли многих недостойных Дворян, отправили как пленников в Нижний Новгород и разорили их дома.

Москва осажденная не знала о сих важных происшествиях, но знала о других, еще важнейших. Не теряя надежды усювестить изменников, Василий писал к жителям городов Северных, Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга. «Несчастные! Кому вы рабски целовали крест и служите? Злодею и злодеям, бродяге и Ляхам! Уже видите их дела, и еще гнуснейшие увидите! Когда своим малодушием предадите им Государство и Церковь; когда падет Москва, а с нею и Святое отечество и Святая Вера: то будете ответственать уже не нам, а Богу... есть Бог мститель! В случае же раскаяния и новой верной службы, обещаем вам, чего у вас нет и на уме: милости, льготу, торговлю беспощинную на многие лета». Сии письма, доставляемые усердными слугами гражданам обольщенным, имели действие; всего же сильнее действовали наглость Ляхов и неистовство Российских клеветов Самозванца, которые, губя врагов, не щадили и друзей. Присяга Лжедмитрию не спасала от грабежа; а народ, лишась чести, тем более стоит за имя. Земледельцы первые ополчились на грабителей; встречали Ляхов уже не с хлебом и солью, а при звуке набата, с дрекольем, копьями, секирами и ножами; убивали, топили в реках и кричали: «Вы опустошили наши житницы и хлевы: теперь питайтесь рыбою!» Примеру земледельцев следовали и города, от Романова до Перми: свергали с себя иго злодейства, изгоняли

чиновников Лжедмитриевых. Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человека прославились особенною ревностию: знаменитый гость, Петр Строганов, и Немец Греческого исповедания, богатый владелец Даниил Эйлоф. Первый не только удержал Соль-Вычегодскую, где находились его богатые заведения, в неизменном подданстве Царю, но и другие города, Пермские и Казанские, жертвуя своим достоянием для ополчения граждан и крестьян; второго именуют главным виновником сего восстания, которое встревожило стан Тушинский и Сапегин, замешало Царство злодейское, отвлекло знатную часть сил неприятельских от Москвы и Лавры. Паны Тишкевич и Лисовский выступили с полками усмирять мятеж, сожгли предместье Ярославля, Юрьевец, Кинешму: Зборовский и Князь Григорий Шаховской Старицу. Жители противились мужественно в городах; делали в селениях остроги, в лесах засеки; не имели только единодушия, ни устройства. Изменники и Ляхи побили их несколько тысяч в шестидесяти верстах от Ярославля, в селении Даниловском, и пылая злобою, все жгли и губили: жен, детей, старцев — и тем усиливали взаимное остервенение. Верные Россияне также не знали ни жалости, ни человечества в мести, одерживая иногда верх в сшибках, убивали пленных; казнили Воевод Самозванцевых, Застолпского, Нащокина и Пана Мартиаса; Немца Шмита, ярославского жителя, сварили в котле за то, что он, выехав к тамошним гражданам для переговоров, дерзнул склонять их к новой измене. Бедствия сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивление злодейству, и вести о счастливой перемене, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василий писал благодарные грамоты к добрым северным Россиянам; посылал к ним чиновников для образования войска; велел их дружинам идти в Ярославль, открыть сообщение с городами низовыми и с Боярином Федором Шереметевым; наконец спешить к столице.

Но столица была феатром козней и мятежей. Там, где опасались не измены, а доносов на измену — где страшились мести Ляхов и Самозванца более, нежели Царя и закона — где власть верховная, ужасаясь явного и тайного множества злодеев, умышленным послаблением хотела, казалось, только продлить тень бытия своего и на час удалить гибель — там надлежало дивиться не смятению, а призраку тишины и спокойствия, когда Государство едва существовало и Москва видела себя среди России в уединении, будучи отрезана, угрожаема всеми бедствиями долговременной осады, без надежды на избавление, без доверенности к Правительству, без любви к Царю: ибо Москвитяне,

некогда усердные к Боярину Шуйскому, уже не любили в нем Венценосца, приписывая государственные злополучия его неразумию или несчастью: обвинение равно важное в глазах народа! Еще какая-то невидимая сила, закон, совесть, нерешительность, разномыслие, хранили Василия. Желали перемены; но кому отдать венец? в тайных прениях не соглашались. Самозванцем вообще гнушались; Ляхов вообще ненавидели, и никто из Вельмож не имел ни столько достоинств, ни столько клеветов, чтобы обещать себе державство. Дни текли, и Василий еще сидел на троне, измеряя взорами глубину бездны пред собою, мысля о средствах спасения, но готовый и погибнуть без малодушия. Уже блеснул луч надежды: оружие Царское снова имело успехи; Лавра стояла непоколебимо; восток и север России ополчились за Москву, — и в сие время крамольники дерзнули явно, решительно восстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемена обстоятельств не утвердила Василиева державства?

Известными начальниками кова были царедворец Князь Роман Гагарин, Воевода Григорий Сунбулов (прощенный изменник) и Дворянин Тимофей Грязной: знатнейшие, вероятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля вдруг сделалась тревога: заговорщики звали граждан на лобное место; силою привели туда и Патриарха Ермогена; звали и всех Думных Бояр, торжественно предлагая им свести Василия с Царства и доказывая, что он избран не Россиею, а только своими угодниками, обманом и насилием; что сие беззаконие произвело все распри и мятежи, междоусобие и самозванцев; что Шуйский и не Царь, и не умеет быть Царем, имея более тщеславия, нежели разума и способностей, нужных для успокоения державы в таком волнении. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василия даже в нетрезвости и распутстве. Они умолчали о преемнике Шуйского и мнимом Димитрии; не сказали, где взять Царя нового, лучшего, и тем затруднили для себя удачу. Немногие из граждан и воинов соединились с ними; другие, подумав, ответствовали им хладнокровно: «Мы все были свидетелями Василиева избрания, добровольного, общего; все мы, и вы с нами, присягали ему как Государю законному. Пороков его не ведаем. И кто дал вам право располагать Царством без чинов государственных?» Ермоген, презирая угрозы, заклинал народ не участвовать в злодействе, и возвратился в Кремль. Синклит также остался верным, и только один муж Думный, старый изменник, Князь Василий Голицын — вероятно, тайный благоприятель сего кова — выехал к мятежникам на Красную площадь; все иные Бояре, с негодованием выслушав предложение свергнуть Царя и быть

участниками незаконного веча, с дружинами усердными окружили Шуйского. Не взирая на то, мятежники вломились в Кремль; но были побеждены без оружия. В час опасный, Василий снова явил себя неустрашимым: смело вышел к их сонму; *стал им в лицо* и сказал голосом твердым: «Чего хотите? Если убить меня, то я пред вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня с Царства не можете без Думы земской. Да соберутся великие Бояре и чины государственные, и в моем присутствии да решат судьбу отечества и мою собственную: их суд будет для меня законом, но не воля крамольников!» Дерзость злодейства обратилась в ужас: Гагарин, Сунбулов, Грязной и с ними 300 человек бежали; а вся Москва как бы снова избрала Шуйского в Государи: столь живо было усердие к нему, столь сильно действие оказанного им мужества!

К несчастью, торжество закона и великодушия было недолговременно. Мятежники ушли в Тушино для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личного спасения, как в место безопаснейшее для злодеев? Их бегством Москва не очистилась от крамолы. Муж знатный, Воевода Василий Бутурлин, донес Царю, что Боярин и Дворецкий Крюк-Колычев есть изменник и тайно сносится с Лжедмитрием. Измены тогда не удивляли: Колычев, быв верен, мог сделаться предателем, подобно Юрию Трубецкому и столь многим другим, но мог быть и нагло оклеветан врагами личными. Его судили, пытали и казнили на лобном месте. Пытали и всех мнимых участников нового кова и наполняли ими темницы, обещая невинным, спокойным гражданам утвердить их безопасность искоренением мятежников.

Но зло иного рода уже начинало свирепствовать в столице. Лишаемая подвозов, она истощила свои запасы; имела сообщение с одною Коломною и того лишилась: ибо рать Лжедмитриева вторично осадила сей город. Предвидев недостаток, алчные корыстолюбцы скупили весь хлеб в Москве и в окрестностях и ежедневно возвышали его цену, так что четверть ржи стоила наконец семь рублей, к ужасу людей бедных. Тщетно Василий желал умерить дороговизну неслыханную, уставлял цену справедливую и запрещал безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобилие и продавали тайно, кому и как хотели. Тщетно Царь и Патриарх надеялись разбудить совесть и жалость в людях: призывали Вельмож, купцев, богачей в храм Успения, и пред олтарем Всевышнего заклинали быть человеколюбивыми: не торговать жизнью Христиан и спустить цену хлеба; не скупать его в большом количестве и тем не отнимать у бедных. Лицемеры со слезами

уверяли, что у них нет запасов, и бессовестно обманывали, думая единственно о своей выгоде, как и во время дороговизны 1603 года. Народ впал в отчаяние. Кричали на улицах: «Мы гибнем от Царя злосчастного; от него кровопролитие и голод!» Люди, уверенные в обмане мнимого Димитрия, уходили к нему единственно для того, чтобы не умереть в Москве без пищи; другие толпами врывались в Кремль и вопили пред дворцом. «Долго ли нам сидеть в осаде и ждать голодной смерти?» Они требовали избавления, победы и хлеба — или Царя счастливейшего! Василий не скрывался от народа: выходил к нему с лицом спокойным, увещал и грозил; смирял дерзость страждущих, но только на время. Радея о бедных, он убедил Троицкого Келаря Аврамия отворить для них Московские житницы его обители: цена хлеба вдруг упала от семи до двух рублей. Сих запасов не могло стать надолго; но вопль умолк в столице, и счастливая весть ободрила Москву.

Князь Гагарин, первый из мятежников, ушедших к Самозванцу, несмотря на крамольство, имел душу: увидел, узнал Лжедимитрия и явился к Царю с раскаянием; принес ему свою виновную голову; сказал, что лучше хочет умереть на плахе, нежели служить бродяге гнусному — и был помилован Василием: выведенный к народу, Гагарин именем Божиим заклинал его не прельщаться диавольским обманом, не верить злодею Тушинскому, орудию Ляхов, желающих единственно гибели России и святой Церкви. Сии убеждения произвели действие, и еще несравненно более, когда Гагарин объявил Москвитянам, что стан Тушинский в сильной тревоге; что Лжедимитрий и Ляхи свести о соединении Шведов с Россиянами; что Князь Михаил Скопин-Шуйский ведет их к столице и побеждает. Удивление радости изменило лица печальные: все славили Бога; многие устыдились своего намерения бежать в Тушино; укрепились в верности — и с того дня уже никто не уходил к Самозванцу.

Гагарин сказал истину о тревоге злодеев Тушинских. Опишем начало подвигов знаменитого юноши, который в бедственные времена родился счастливым, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованного Судьбою для злополучия. Мы видели, как Михаил Шуйский, во время величайшей опасности, с горестию удалился от войска, чтобы искать защитников России вне России: прибыв в Новгород, где начальствовали Боярин Князь Андрей Куракин и Царедворец Татищев, он немедленно доставил Королю Шведскому грамоту Василиеву; писал к нему и сам, писал и к его Воеводам, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду,

требуя вспоможения и представляя им, что Ляхи воцарением Лжедмитрия хотят обратить силы России на Швецию для торжества Латинской Веры, будучи побуждаемы к тому Папою, Иезуитами и Королем Испанским. Ничто не было естественнее союза между Шведским и Российским Венценосцами, искренними друзьями от их общей ненависти к Ляхам. Надлежало единственно удостоверить Карла, что Шведы еще найдут и могут утвердить Василия на престоле: для чего Князь Михаил, следуя своему наказу и внушению Политики, таил от Карла ужасные обстоятельства России; говорил только о частных в ней мятежах, об измене тысяч осьми или десяти Россиян, которые вместе с пятью или шестью тысячами Ляхов злодействуют близ Москвы. Требовалось немало времени для объяснений. Секретарь Мансфельдов виделся с Князем Михаилом в Новгороде, а Воевода Головин, шурин Скопина, поехал в Выборг, где знатные чиновники Шведские ждали его, чтобы условиться в мерах вспоможения. Между тем Князь Михаил, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменников, мыслил ополчить всю северо-западную Россию, и грамотою убедительною звал к себе Псковитян, хваля их древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодейством, ответствовали ему угрозою — и самые Новгородцы оказывали расположение столь подозрительное, что Князь Михаил решился искать усердия или безопасности в ином месте; вышел из Новгорода с Татищевым, Дьяком Телепневым и малочисленною дружиною верных, и требовал убежища в Иваногороде: там их не приняли, ни в Орешке, где Воевода, предатель Боярин Михайло Салтыков, считая Лжедмитрия победителем, уже именовал себя его наместником. В то время, когда Михаил, оставленный и некоторыми из робких спутников, при устье Невы думал в печали, что делать? явились Послы от Новгорода с молением, чтобы он возвратился к Святой Софии. Митрополит Исидор и достойные Россияне одержали там верх над беззаконием и встретили Князя Михаила как утешителя, в лице его приветствуя отечество и верность; искренно клялися умереть за Царя Василия, как предки их умирали за Ярослава Великого, и сведав, что Воевода Лжедмитриев, Керносицкий, с Ляхами и Россиянами идет от Тушина к берегам Ильменя, готовились выступить в поле. Древний Новгород, казалось, воскрес с своим великодушием; к несчастию, ревность достохвальная имела действие зловерное.

Татищев, известный мужеством, вызвался вести передовой отряд к Бронницам; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворец лукавый замышляет предательство. Извет был важен, а Князь Шуйский молод и

пылок: он созвал воинов и граждан, объявил им донос и хотел с ними торжественно судить, уличить или оправдать виновного. Вместо суда народ в исступлении ярости умертвил Татищева, не дав ему сказать ни единого слова, к горести Михаила, увидевшего поздно, что народ, в кипении страстей, может быть скорее палачем, нежели судиею. Татищева, едва ли виновного, схоронили с честью в обители Св. Антония, и многие Дворяне, вероятно утраченные его судьбою, бежали из города, даже к неприятелю, который шел вперед невозбранно, занял Хутынский и другие окрестные монастыри, жег, грабил — и вдруг скрылся, услышав от пленников, что сильное войско вступило в село Грузино и спешит на помощь к Новгороду. Пленники обманули неприятеля: мнимое войско состояло единственно из тысячи областных жителей, ополченных Дворянами Горихвостовым и Рязановым в Тихвине и за Онегою. Сии добрые Россияне, будучи в шесть раз слабее Керносицкого, имели счастье без кровопролития избавить Новгород, где Князь Михаил с нетерпением ждал вестей от Головина.

Вести были благоприятны. Король Шведский словом и делом доказал свою искренность. Еще Генералы его, Бое и Вильдман, не успели заключить договора с Головиным и Дьяком Зиновьевым, а войско Королевское уже стояло под знаменами в Финляндии. С обеих сторон не хотели тратить времени и 28 Февраля подписали в Выборге следующие условия: «1) Мирный договор 1595 года возобновляется между Россией и Швециею на веки веков. 2) Первой не вступаться в Ливонию. 3) Карл дает Василию 2000 конных и 3000 пеших ратников, а Василий 100000 ефимков в месяц на их жалованье. 4) Сие войско в полном распоряжении Князя Михаила Шуйского; должно занимать города единственно именем Царским, и не может выводить пленников из России, кроме Ляхов. 5) Съестные припасы будут ему доставляемы по цене умеренной. 6) Царь взаимно обязывается помогать Королю войском на Сигизмунда в Ливонии, куда открыл путь Шведам из Финляндии чрез Российские владения. 7) Ни та, ни другая держава без общего согласия не вольна мириться с Сигизмундом. 8) Царь, в знак признательности, уступает Швеции Кексгольм в вечное владение, но *тайно* до времени: ибо сия уступка может произвести сильное неудовольствие между Россиянами. 9) Князь Михаил Шуйский дарит Шведскому войску 5000 рублей не в счет определенного жалованья. — Сия грамота будет утверждена в Новгороде им, Князем Шуйским, Воеводою, Боярином и *ближним приятелем* Царским, а в Москве самим Царем».

26 марта уже вступил в Россию Полководец Шведский, Иаков Деллагарди, сын Понтусов, юный, двадцатисемилетний витязь, ученик и сподвижник славного Морица Нассавского в долговременном кровопролитном борении за свободу Голландской Республики. На границе встретил союзников Воевода Ододуров, высланный Князем Михаилом, и 2300 Россиян, которые в первый раз увидели себя под одними знаменами с Шведами и наемниками их, Французами, Англичанами, Шотландцами, Немцами и Нидерландцами. Сии 5000 разноземцев, большею частию людей без отечества и нравственности, исполненных любви не к ратной чести, а к низкой корысти, шли спасать преемника Монархов, ославленных в Европе и в Азии несметными их силами! Союзникам указали стан близ Новагорода, куда звали Деллагарди и Генералов его для свидания с Князем Шуйским...

Там сии два Полководца, оба юные, приветствовали друг друга с ласкою, с уважением взаимным. «Князь Михаил, — пишет современный Шведский Историк, — имел 23 года от рождения, прекрасную душу, ум не по летам зрелый, наружность, осанку приятную, искусство в битвах и в обхождении с иноземным войском. Деллагарди сказал ему, что Королю известны все ухищрения Ляхов; что он прислал рать и готовит еще сильнейшую для вспоможения России, желая благоденствия Царю и народу ее, а врагам их желая гибели. Князь Михаил, кланяясь, опустил руку до земли; изъявлял благодарность; уверял, что Россия усердна к Царю и волнуема только малым числом изменников, коих легко одолеть единодушным действием союзников! Рассуждали, как действовать и с чего начать. Деллагарди требовал вперед жалованья войску: Князь Шуйский обещал немедленно выдать 8000 рублей, 5000 деньгами и 3000 соболями; утвердил (4 Апреля) Выборгский договор и сам проводил Деллагарди до ворот крепости».

Грязи и разлитие рек мешали походу. Шведский Военачальник хотел ждть просухи, и для безопасного сообщения с Ливониею и Финляндиею, заняться прежде всего осадю Копорья, Иванягорода и Ямы, где Царствовала измена: Князь Михаил имел другую мысль. Еще до прибытия Шведов Воевода Осинин ходил из Новагорода с Детьми Боярскими и Козаками к мятежному Пскову, разбил тамошних злодеев в поле и надеялся взять город; но Скопин велел ему возвратиться, чтобы не тратить времени в предприятиях частных, и склонил Деллагарди немедленно идти к Москве. Воевода Чулков и Шведский Генерал Эверт Горн вступили в Русу, гнали изменников и Ляхов до уезда Торопецкого, одержали (25 Апреля) победу над Керносицким в

селе Каменках, взяли 9 пушек, знамена и пленников. Порхов, Торопец сдались мирно — и Торжок другому Воеводе, Чоглокову. Узнав, что Пан Зборовский и Князь Григорий Шаховской с тремя тысячами изменников и Ляхов идут из Твери на Чоглокова, Князь Михаил отрядил туда Головина и Горна: имея не более двух тысяч воинов, они сразились с неприятелем; Чоглоков сделал вылазку, и Зборовский, после дела кровопролитного, отступил к Твери.

Сам Князь Михаил, отпев молебен в Софийском храме, исполненном древних знаменитых воспоминаний, вывел (10 мая) главную рать. Новгород, некогда великий, столь многолюдный и воинственный, дал ему все, что мог: тысячи две подвижников неопытных! Но войско Российское усилилось в Торжке (24 Июня) новыми дружинами: Князь Борятинский, Воевода усердный и мужественный, привел туда 3000 детей Боярских и земледельцев из Смоленских уездов, смилив на пути Дорогобуж и Вязьму. Союзники спешили к Твери; там засели Зборовский и Керносицкий, быв подкреплены Тушинским войском. Ляхи и Российские изменники вышли из города и сразились мужественно, во время сильного дождя, который препятствовал действию пальбы: неприятель, ударив с копьями на левое крыло Шведов, обратил Французов в бегство; Немцы, Финляндцы, Россияне также дали тыл, — и хотя правое крыло, где начальствовал Делагарди, имело выгоду и втеснило Ляхов в город; хотя сам Воевода Зборовский раненый едва спасся от плена; но союзники отступили. Дождь лил целые сутки. В следующую ночь, когда Ляхи беспечно спали в Остроге, Князь Михаил тихо приблизился, напал и взял его без урона: восходящее солнце осветило там Царские хоругви и кучи неприятельских тел. Юный Полководец Российский обнял Делагарди с живейшим чувством признательности за мужество Шведов, которые хотели вломиться и в город, где остальные изменники и Ляхи заключились; но Князь Михаил, жалея людей, велел прекратить сечу кровопролитную и не нужную: ибо угадывал, что неприятель, уже слабый, или мирно сдастся на договор или бежит. Через несколько часов действительно Ляхи и клеветы их ушли из Твери, до половины сожженной и наполненной трупами. Таким образом, Князь Михаил в два месяца очистил все места от Новгородских до Московских пределов; думал скоро освободить и Москву, надеясь на ужас неприятелей и содействие войска царского. Доселе он мог быть доволен Шведами. Карл IX писал к нашему Духовенству, Боярам, Дворянам и купцам, что он готов всеми силами действовать для защиты их древней Греческой Веры, вольности и льготы , — для истребления

Польской сволочи и бродяг, жалуемых ею в Цари с умыслом изгубить знатнейшие роды, цвет и славу нашего отечества. Делагарди уклонялся от всякого сношения с Ляхами, и в ответ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовского, писанную из Твери (11 Июня) к Шведским Генералам о правах мнимого Димитрия, сказал: «мое дело воевать, а не рассуждать с вами о Димитриях». Тщетно и лазутчики Зборовского старались возмутить союзное войско: их ловили и казнили. Но чего не произвело обольщение, то произвела буйность. Оставив Тверь и Шведов позади себя, Князь Михаил шел к столице и сведал в Городне, что союзники идут не за ним, а назад к Новугороду! Сия неожиданная измена была следствием мятежа. Выступив из Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотят идти в глубину России на верную гибель; что им не выдано полного жалованья: что вероломство Московского народа всем известно; что жены и дети их без защиты дома. Французы, Немцы, наконец и Шведы также взволновались; не слушались Генералов; бросили знамена. Делагарди обнажил меч, грозил — и должен был уступить мятежникам, чтобы не остаться военачальником без войска: он сам повел их к Шведской границе, для прикрытия бунта, жалуясь, что Россияне не исполняют договора: не сдают Кексгольма и не платят обещанных денег. Изумленный Князь Михаил спешил удержать союзников нужных, хотя и ненадежных, и послал к ним Ододурова с убеждением не изменять чести, не срамить имени Шведского, не выдавать друзей, в то время, когда неприятель, более раздраженный, нежели ослабленный, готовится к решительному делу. Сии представления и серебро, врученное наемникам корыстолюбивым, их усовестили: Генерал Зоме с частью пехоты и конницы возвратился к Князю Михаилу накануне величайшей для него опасности и славы. Здесь подвиги юного Героя уже связуются с происшествиями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапега стоял под Лаврою: рассылал отряды, занимал или жег города, обуздывал или карал жителей, мешал сообщению Москвы с Востоком и Севером России и подкреплял Зборовского, чтобы отразить Шведов. Между тем слух о движениях Скопина и Шереметева уже достиг Лавры: защитники ее ждали следствий, надеялись и вдруг увидели необычайное волнение в неприятельском стане: Зборовский прибежал туда с остатком рассеянного войска и с вестию, что Тверь уже взята союзниками; прибежали и многие изменники, Дворяне, Дети Боярские, которые изменою хотели единственно избавить свои поместья от грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили в них спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила.

Все отряды возвратились к Сапеге: Лжедмитрий усилил его и частью Тушинской рати, велел ему идти против Скопина и Шведов. Ляхи, как обыкновенно, готовились к битве шумными играми, пили, веселились и дали знать Троицкому Воеводе Долгорукому, что они торжествуют победы: что Шведы истреблены, а Скопин и Шереметев сдались. Их не слушали. Тогда подъехали к стенам два человека, некогда знаменитые на степени мужей государственных: Боярин Салтыков (изгнанный из Орешка успехами Князя Михаила) и Думный Дьяк Грамотин: оба уверяли, что междоусобная война уже прекратилась в России; что Москва встречает Димитрия, и Шуйский с Синклитом в его руках. Клевреты их, Дворяне изменники, утверждали то же, прибавляя: «Не мы ли были с Шереметевым, а теперь служим Димитрию? Кого еще ждете? Все у ног Иоаннова сына — и если одни будете противиться, то немедленно увидите здесь Царя гневного со всем Литовским войском, Скопиным и Шереметевым, для казни вашего послушания». Им ответствовали единогласно люди умные и простые (как говорит Летописец): «Всевышний с нами, и никого не боимся. Хотите ли, чтобы мы вам верили? Скажите, что Князь Михаил под Тверию телами Литовскими и вашими сравнял Волгу с берегами и напитал зверей плотоядных: не усомнимся и восхвалим Бога! Ложь не победа: идите с мечом на меч и Господь рассудит виновного с правым!» Так еще мужались сии Герои верности, числом уже не более двухсот. Сапега не мог медлить, однако ж дозволил Зборовскому с его дружинами еще приступить к стенам Обители, которую сей гордый Лях, шутя над ним и Лисовским, уподоблял *лукну* и *гнезду ворон*. Зборовский приступил ночью, стрелял, убил одну женщину на стене, и ничего более не сделав, удалился. Вероятно, что неприятель хотел в сию ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапега спешил к берегам Волги, вверив obleжание монастыря и хранение стана Козакам, Российским изменникам и немногим Ляхам.

Не зная, что делается в Москве, но зная, что вся Россия полунощная, от Углича до Белого моря и Перми, уже снова верна Царю, Князь Михаил, исполненный надежды, но тем более осторожный, послал, для вестей к столице, чиновника Безобразова, а сам, не дерзая идти вперед с малыми силами, двинулся влево по течению Волги, к монастырю Колязину, для удобного сообщения с Ярославлем, богатым и многолюдным. Туда прибыл к нему Царский Дворянин Волуев, умертвитель Отрепьева, сказывая, что Москва цела и Василий еще державствует. Царь писал к Михаилу. «Слышим о твоём великом радении, и славим Бога. Когда ужасом или победою избавишь

Государство, то какой хвалы сподобишься от нас и добрых Россиян! какого веселия исполнишь сердца их! Имя твое и дело будут памятны во веки веков не только в нашей, но и во всех державах окрестных. А мы на тебя надежны, как на свою душу». — За вестию радостною следовала другая: Сапега, Зборовский, Лисовский и Лжедмитриев Атаман Заруцкий находился уже близ Колязина, в селе Пирогове. Имея едва ли тысяч десять собственных воинов и не более тысячи Шведов, приведенных к нему Генералом Зоме, Князь Михаил решился однако ж встретить неприятеля, хотя и гораздо сильнеего. Передовые рати сошлись на топких берегах Жабны: чиновники Головин, Борятинский, Волуев и Жеребцов отличились мужеством; втоптали неприятеля в болота и дали время Князю Михаилу изготавиться, занять места выгодные, распорядить движения. Сапега напал стремительно, с громким воплем: Россияне и Шведы стояли твердо и сами нападали, где слабел неприятель. Пальба и сеча продолжались несколько часов. На закате солнца верные Россияне, призывая имя Св. Макария Колязинского, двинулись вперед так дружно и сильно, что утомленные Ляхи не могли удержать места битвы; их теснили до Рябова монастыря, и Князь Михаил вступил в Колязин с пленниками и трофеями, не хваляся победою, но хваля единодушную доблесть своих и Шведов, в надежде на успехи будущие и важнейшие. Он не гнал Ляхов и не мешал им возвратиться к постыдной для них осаде Троицкой, готовясь быть избавителем и Лавры и Москвы — и России, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Там на берегу Волги, в пустынных келиях Св. Макария, Князь Михаил, оглашаемый церковным пением Иноков и звуком труб воинских как Гений отечества, неусыпно бодрствовал день и ночь для спасения Царства; сносился с городами Северными, принимал от них дары, казну и воинов; поручил Генералу Зоме устройство дружин, образование людей неопытных в ратном деле, и нетерпеливо ждал всех Шведов для дальнейших предприятий. Но Делагарди, увлеченный новым бунтом войска, опять шел к границе: Послы Скопина настигли его в Крестцах; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями, и Князь Михаил взял на себя, без утверждения Царского, отдать Кексгольм Шведам. В сих переговорах миновало недель шесть: Делагарди пошел наконец к Колязину, где Князь Михаил, не тревожимый изменниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя пред собою Москву неодолимую, вокруг себя города уже неприятельские, пепелища, леса, пустыни, в коих изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляхов малочисленных в

их разъездах — будучи с севера угрожаем Князем Михаилом, с востока Шереметевым, Лжедмитрий еще мыслил одним ударом кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждал от измены и голода: взять Москву вместе с Царем и Царством. В сей надежде утвердил его Пан Бобовский, который, прибыв к нему тогда из Литвы с дружиною удалцов, винил Рожинского в слабости духа, уверяя, что Москва спасается единственно бездействием Тушинского войска и неминуемо падет от первого дружного приступа. Лжедмитрий дал ему несколько Полков: хваляся наперед делом славным, Бобовский устремился к городу; но Царские Воеводы не допустили его и до предместия: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую победу; а скоро и вторую, еще важнейшую, над всею Тушинскою силою. Сам Лжедмитрий, Гетман Рожинский, Атаман Заруцкий, все знатные изменники и Бояре вели дружины на приступ (в день Троицы), и хотели сжечь деревянный город; но Василий успел выслать войско с Князем Дмитрием Шуйским. Неприятель быстрым движением вломился в средину Царских Полков, смял конницу и замешал пехоту: тут с одной стороны Воевода Князь Иван Куракин, с другой Князь Андрей Голицын и Борис Лыков, уже известные достоинствами ратными, напали на изменников и Ляхов. Зачался бой, в коем, по уверению Летописца, Московские воины превзошли себя в блестящем мужестве, сражаясь, как еще не сражались дотоле с Тушинскими злодеями; одолели, гнали их до Ходынки и взяли 700 пленников. Ужас неприятеля был так велик, что беглецы не удержались бы и в Тушине, если бы победители, слишком умеренные, не остановились на Ходынке. Одним словом, Московитяне сами дивились своей храбрости, вселенной в них счастливыми вестями о восстании северной России, об успехах Князя Михаила и войска Низового, коего чиновник, Дворянин Соловой, прибыл тогда к Царю с донесением Шереметева. Сей Боярин везде истреблял неприятеля и власть Лжедмитрия от Казани до Нижнего Новагорода; близ Юрьевца побил наголову Лисовского, отряженного Сапегою для усмирения Костромской области; мирно вступил в Муром и, взяв Касимов, освободил там многих верных Россиян, заключенных изменниками. Довольный его службою, но не довольный медленностию, Царь послал к нему Князя Прозоровского с милостивым словом и с указом спешить к Москве. В то же время древняя столица Боголюбского обратилась к закону: жители Владимира снова присягнули Царю — все, кроме Воеводы Вельяминова, ревностного слуги Лжедмитриева. Народ велел ему исповедаться в церкви, вывел его на площадь, объявил врагом Государства, убил

каменьем и с живейшим усердием принял Воевод Царских.

Уже без легкомыслия можно было предаваться надежде. Царство обмана падало: Царство закона восстанавливалось. Образовались полки верных — стремились к одной цели, к Москве, почти освобожденной двумя важными успехами собственного оружия. Народ опомнился и радостными кликами приветствовал знамена любезного отечества и Святой Веры. Ждали только соединения сил, чтобы дружно наступить на гнездо злодейства, столь долго ужасное Тушино... и вдруг едва не впали в новое отчаяние!

Как изменники и Ляхи в явном омрачении ума давали Князю Михаилу спокойно готовить им гибель, так войско Московское, худо веря своим победам, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Он усилился новыми толпами Козаков, вышедших из Астрахани с тремя мнимыми Царевичами: Августом, *Осиновиком* и Лавром; первый назывался сыном, второй и третий внуками Иоанна Грозного. «Злодеи рабского племени, — говорит Летописец, — холопы, крестьяне, считая Россию привольем наглых обманщиков, являлись один за другим под именем Царевичей, даже небывалых, и надеялись властвовать в ней как союзники и ближние Тушинского злодея». Но сами Козаки, отбитые от верного Саратова Воеводою Замятнею Сабуровым, с досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велел повесить Лжедмитрий на Московской дороге, чтобы их казнию засвидетельствовать свое небратство с ними. В опасностях не теряя дерзости — еще имея тысяч шестьдесят или более сподвижников — еще властвуя над знатною частью России южной и западной, от Тушина до Астрахани, пределов Крымских и Литовских — Самозванец тревожил нападениями слободы Московские, перехватывал обозы на дорогах, теснил Коломну. Воевода его, Лях Млоцкий, побил Рязанцев, хотевших освободить сей город, им осажденный; а Лисовский, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладил свои неудачи важным успехом. Винимый Царем в медленности, Шереметев спешил из Владимира к Суздалю, еще неприятельскому, и стал на равнинах, где Лисовский ударом конницы смял всю его многочисленную, худо устроенную пехоту. Легло немалое число низовых жителей в битве кровопролитной и беспорядочной; с остальными Шереметев бежал к Владимиру. Москва узнала о том и смутилась. Народ уже не хотел верить и победам Князя Михаила. В сие время голод снова усилился. Житницы Авраамиевы истощились, и четверть хлеба опять возвысилась ценою от двух до семи рублей. Чернь бунтовала; с шумом стремилась в Кремль; осаждала дворец; кричала: «Хлеба! хлеба! или да здравствует

Тушинский!»... Но в час величайшего волнения явился Безобразов с дружиною: сквозь разезды неприятельские он благополучно достиг Москвы и вручил Царю письмо от Князя Михаила; а Царь велел читать оное всенародно, при звуке колоколов и пении благодарственного молебна во всех церквах. Князь Михаил писал, что Бог ему помогает. Исчезло отчаяние, сомнения и мятеж. Надежда на скорое избавление уменьшила и дороговизну с голодом. Новые вести еще более обрадовали Москву.

Ожидая Делагарди, Князь Михаил хотел выгнать неприятеля из Переславля Залесского, чтобы беспрепятственно сноситься с Шереметевым и низовыми областями. Головин, Волуев и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей город, убив 500 человек и пленив 150 шляхтичей Сапегинной рати. 16 Сентября пришел наконец и Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердием городов, дала ему средство удовлетворить вполне корыстолюбию Шведов: им заплатили 15000 рублей мехами и тем оживили их ревность. Полководцы, оба юные и пылкие духом, служили примером искреннего братства для воинов. 26 Сентября Князь Михаил и Делагарди двинулись вперед; оставили в Переславле сильную дружину и шли далее на юг; встретили, гнали малочисленных Ляхов и заняли Александровскую Слободу, прославленную Иоанном. Там все еще напоминало его время: дворец, пять богатых храмов, чистые пруды, глубокие рвы и высокие стены, где Грозный искал безопасного убежища от России и совести. Место ужасов обратилось в место надежды и спасения. Там Михаил остановился; велел немедленно делать новые деревянные укрепления, выслал разезды на дороги, открыл сообщение с Москвою и ежедневно писал к Царю, чтобы условиться с ним в дальнейших действиях. Москва ожила изобилием. Уже с трех сторон везли к ней запасы: из Переславля, Владимира и Коломны: ибо Лях Млоцкий, сведав о вступлении союзников в Александровскую Слободу, удалился к Серпухову. Уже Князь Михаил имел 18000 воинов, кроме Шведов; но зная, что к нему идут новые дружины из городов Северных, хотел до времени только отражать неприятеля.

Между тем изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапегою, простирала руки к избавителю. Горсть ее неутомимых воителей еще уменьшилась в новых делах кровопролитных, хотя и счастливых. Узнав о Колязинской победе, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били изменников и Ляхов, отнимали у них запасы и стада. Князь Михаил дал чиновнику Жеребцову 900 воинов и велел силою или хитростию проникнуть в Лавру: Жеребцов обманул неприятеля и, к

радости ее защитников, без боя соединился с ними.

Тогда, встревоженный близостью Князя Михаила и Шведов, Сапега (18 Октября) с 4000 Ляхов вышел из Троицкого стана, чтобы узнать их силу; встретил передовую дружину Россиян в селе Коринском и гнал ее до укреплений слободы. Тут было жаркое дело. Начали Шведы, кончили Россияне: Сапега уступил, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился к своей бесконечной осаде, как бы все еще надеясь взять Лавру! Но он сам находился уже едва не в осаде: разъезды, высылаемые Князем Михаилом из слободы, Шереметевым из Владимира и Царем из Москвы, прерывали сообщения изменников и Ляхов между Лаврою и Тушиным; не пускали к ним ни гонцов, ни хлеба, портили дороги, делали засеки. К счастью Князя Михаила, главные Вожди Польские, Гетман Рожинский и Сапега, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единокорными: видя его опасное наступление, съехались для совета и расстались в жаркой ссоре, чтобы действовать независимо друг от друга: Гетман ускорил назад в Тушино, а Сапега возобновил бесполезные приступы к Лавре, почти на глазах Князя Михаила, коего войско умножалось.

Уже Слобода Александровская как бы представляла Россию и затмевала Москву своею важностью. Туда стремились взоры и сердца сынов отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пешие, не многие в доспехах, все с мечем или копием и с ревностию. Новые дружины из Ярославля, Боярин Шереметев из Владимира с Низовою ратию, Князь Иван Куракин и Лыков из Москвы с полками Царскими присоединились к Князю Михаилу. Ждали и сильнейшего вспоможения от Карла IX: Делагарди писал к нему, что должно победить Сигизмунда не в Ливонии, а в России. Все благоприятствовало юному Герою: доверенность Царя и союзников, усердие и единокорные своих, смятение и раздор неприятелей. Наконец Россияне видели, чего уже давно не видали: ум, мужество, добродетель и счастье в одном лице; видели мужа великого в прекрасном юноше и славили его с любовию, которая столь долго была жаждою, потребностью неудовлетворяемою их сердца, и нашла предмет столь чистый. Но сия любовь, способствуя успеху великого дела, избавлению отечества, имела и несчастное следствие.

Князь Михаил служил Царю и Царству по закону и совести, без всяких намерений властолюбия, в невинной, смиренной душе едва ли пленяясь и славою: не так мыслили за него другие, уже с бедственным навыком к переменам, низвержениям и беззакониям. Многим казалось, что если Бог восстановит Россию, то она в награду за свои

великодушные усилия должна иметь Царя лучшего, не Василия, который предал Государство разбойникам, сравнял Москву с Тушиным и едва, на главе слабой, удерживает венец, срываемый с него буйною чернию; а мысль о новом Царе была мыслию о Князе Михаиле — и человек, сильный духом, дерзнул всенародно изъяснить оную. Тот, кто господством ума своего решил судьбу первого бунта, способствовал успехам и гибели опасного Болотникова, изменил Василию и загладил измену важными услугами, — не только не пристал ко второму Лжедмитрию, но и не дал ему Рязани — Думный Дворянин Ляпунов вдруг, и торжественно, именем России, предложил Царство Скопину, называя его в льстивом письме единым достойным венца, а Василия осыпая укоризнами. Сию грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанские: не дочитав, он изодрал ее, велел схватить их как мятежников и представить Царю. Послы упали на колени, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися в верности к Василию. Еще более милосердый, нежели строгий, Князь Михаил дозволил им мирно возвратиться в Рязань, надеясь, может быть, образумить ее дерзкого Воеводу и сохранить в нем знаменитого слугу для отечества. Он сохранил Ляпунова, но не спас себя от клеветы: сказали Василию, что Скопин с удивительным великодушием милует злодеев, которые предлагают ему измену и Царство. Подозрение гибельное уязвило Василиево сердце; но еще имели нужду в Герое, и злоба таилась.

Еще, не взирая на близость спасения, Москва тревожилась некоторыми удачами и дерзостью неприятеля. Млоцкий в набегах своих из Серпухова грабил обозы между Коломною и столицею. Там же явились многочисленные толпы разбойников с Атаманом Салковым, Хатунским крестьянином; присоединились к Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальского, высланного Царем очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодействовал изменник Князь Петр Урусов с шайками Татар Юртовских. Цена хлеба снова возвысилась в Москве; открылась даже и нечаянная измена. Царский Атаман Гороховый, будучи с Козаками и Детями Боярскими в Красном селе на страже, ночью впустил в него отряд Лжедмитриев: верные Дети Боярские имели время спастись, а Козаки передались к Самозванцу, выжгли Красное село и бежали в Тушино. В другую ночь такие же изменники подвели неприятеля, выше Неглинной, к деревянному городу и зажгли стены; но Москвитяне, отбив злодеев, утушили огонь. Между тем разбойник Салков в пятнадцати верстах от столицы одержал верх над Воеводою Московским, Сукиным, и занял Владимирскую дорогу. Надлежало избрать лучшего стратега, чтобы

одолеть сего второго Хлопка: выступил Князь Дмитрий Пожарский, уже знаменитый, — встретил на берегах Пехорки и совершенно истребил его злую шайку; осталось только тридцать человек, которые, вместе с их Атаманом, дерзнули явиться в Москве с повинною! Другие отряды Царские прогнали Млоцкого к Можайску. — Из Слободы Князя Лыков и Борятинский с Россиянами и Шведами ходили к Суздалю и думали взять его незапно, в темную ночь: там бодрствовал Лисовский и встретил их неустрашимо: они уклонились от битвы.

В то время, когда Князь Михаил, умножая, образуя войско и щитом своим уже прикрывая вместе и Лавру и столицу, готовился действовать наступательно — когда Москва, долго отлученная от России, снова соединилась с нею, как глава с телом, видя вокруг себя уже немногие города под знаменами Лжедмитрия — в то время новый неприятель, не с шайками бродяг и разбойников, но с войском стройным, с предводителями искусными, с силами целой, знаменитой Державы, находился в недрах России и делал, что ему угодно, как бы не возбуждая ни малейшего внимания ни в Москве, ни в стане Александровском!.. Обращаемся к Сигизмунду. Василий не противился его вступлению в наше Княжество Смоленское, ибо не имел сил противиться: оказалось, что сие вероломное нападение было для Василия лучшим средством избавиться от врага опаснейшего и ближайшего.

Веря слухам, что жители Смоленска нетерпеливо ждут Сигизмунда как избавителя, он (в Сентябре месяце) подступил к сей древней столице Княжества Мономахова с двенадцатью тысячами отборных всадников, пехотою Немецкою, Литовскими Татарами и десятью тысячами Козаков Запорожских; расположился станом на берегу Днепра, между монастырями Троицким, Спасским, Борисоглебским, и послал универсал, или манифест, к гражданам, объявляя, что Бог казнит Россию за Годунова и *других* властолюбцев, которые незаконно в ней Царствовали и Царствуют, воспалая междоусобие и призывая иноплеменников терзать ее недра; что Шведы хотят овладеть Московским Государством, истребить Веру православную и дать нам свою ложную; что многие Россияне тайными письмами убеждали его (Сигизмунда), Венценосца истинно Христианского, брата и союзника их Царей законных, спасти отечество и церковь; что он, движимый любовью, единственно снисходя к такому слезному молению, идет с войском и с помощью Богоматери избавить Россию от всех неприятелей; что жители Смоленска в знак душевной радости, должны встретить его с хлебом и солью. За мирное

подданство Сигизмунд обещал им новые права и милости; за упрямство грозил огнем и мечем. На сию пышную грамоту ответствовали словесно Воеводы, Боярин Шеин и Князь Горчаков, Архиепископ Сергей, люди служивые и народ. «Мы в храме Богоматери дали обет не изменять Государю нашему, Василию Иоанновичу, а тебе, Литовскому Королю, и твоим Панам не раболепствовать во веки». Послав Сигизмундову грамоту в Москву, они писали к Царю: «Не оставь сирот твоих в крайности. Людей ратных у нас мало. Жители уездные не хотели к нам присоединиться: ибо Король обманывает их вольностию; но мы будем стоять усердно».

Воеводы советовались с Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились в крепости и выдержали осаду, если не знаменитейшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнейшую и равно блистательную в летописях нашей воинской славы.

Видя, что Смоленск надобно взять не красноречием, а силою, Король велел громить стены пушками; но ядра или не достигали вершины косогора, где стоит крепость, или безвредно падали к подножию ее высоких, твердых башен, воздвигнутых Годуновым; а пальба осажденных, гораздо действительнейшая, выгнала Ляхов из монастыря Спасского. Зная, вероятно, что в крепости более жен и детей, нежели воинов, Сигизмунд решился на приступ: 23 Сентября, за два часа до света, Ляхи подкрались к стене и разбили петардою Аврамовские ворота, но не могли вломиться в крепость. 26 Сентября, также ночью, взяли острог Пятницкого конца; а в следующую ночь всеми силами приступили к Большим воротам: тут было дело кровопролитное, счастливое для осажденных, и неприятель, везде отбитый, с того времени уже не выходил из стана; только стрелял день и ночь в город, напрасно желая проломить стену, и вел подкопы бесполезные: ибо Россияне, имея *слухи*, или ходы в глубине земли, всегда узнавали место сей тайной работы, сами делали подкопы и взрывали неприятельские с людьми на воздух. Историки Польские отдают справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смелости его сподвижников, сказывая, что однажды, среди белого дня, шесть воинов Смоленских приплыли в лодке к стану Маршала Дорогостайского, схватили знамя Литовское и возвратились с ним в крепость. — Наступила зима. Сигизмунд, упрямством подобный Баторию, хотел непременно завоевать Смоленск; терял время и людей в праздной осаде, и думая свергнуть Шуйского, губил Самозванца!

Весть о вступлении Сигизмундовом в Россию встревожила не столько Москву, сколько Тушино, где скоро узнали, что шайки

запорожцев, служа Королю, берут города его именем, и что Путивль, Чернигов, Брянск, вместе с иными областями Северскими, волею или неволею ему покорились, изменив Лжедмитрию. «Чего хочет Сигизмунд? — говорили Тушинские и Сапегины Ляхи с негодованием: — лишить нас славы и возмездия за труды; взять даром, что мы в два года приобрели своею кровию и победами! Северская земля есть наша собственность: из ее доходов Димитрий обещал платить нам жалованье — и кто же в ней теперь властвует? новые пришельцы, богатые грабежом; а мы остаемся в бедности, с одними ранами!» Так говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнее; лишаясь надежды разделить с Лжедмитрием все богатства державы Российской и привыкнув видеть в нем не властителя, а клеветра, не могли спокойно воображать себя под знаменами Республики наравне с другими Воеводами Королевскими. Сапега колебался: Рожинский действовал и заключил с своими товарищами новый союз: они клялися умереть или воцарить Лжедмитрия, назвались Конфедератами и послали сказать Сигизмунду: «Если сила и беззаконие готовы исхитить из наших рук достояние меча и геройства, то не признаем ни Короля Королем, ни отечества отечеством, ни братьев братьями!» Рожинский писал к своему Монарху: «Ваше Величество все знали, и единственно нам предоставляли кончить войну за Димитрия, еще более для Республики, нежели для нас выгодную; но вдруг, неожиданно, вы являетесь с полками, отнимаете у него землю Северскую, волнуете, смущаете Россиян, усиливаете Шуйского и вредите делу, уже почти совершенному нами!.. Сия земля нашею кровию увлажена, нашею славою блистает. В сих могилах, от Днепра до Волги, лежат кости моих храбрых сподвижников... Уступим ли другому Россию? Скорее все мы, остальные, положим также свои головы... и враг Димитрия, кто бы он ни был, есть наш неприятель!» Гетману Жолкевскому говорили Послы Конфедератов: «Издrevле витязи Республики, рожденные в недрах золотой свободы, любили искать воинской славы в землях чуждых: так и мы своим мечем, *истинным Марсовым ралом, возделывали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь и корысть*. Сколь же горестно нам видеть противников в единоземцах и братьях! В сей горести простираем руки к тебе, Гетману отечественного воинства, нашему учителю в делах славы! Изъясни Сенату, блюстителю законов и свободы, чего мы требуем справедливо: да удержит Сигизмунда»... Тут Паны и Дворяне Королевские воплем негодования прервали дерзкую речь; велели Послам удалиться, язвительно издевались над ними; спрашивали в насмешку о здоровье *их Государя Димитрия*, о втором

бракосочетании Царицы Марии — и дали им, от имени Сигизмундова, следующий ответ письменный: «Вам надлежало не посылать к Королю, а ждать его Посольства: тогда вы узнали бы, для чего он вступил в Россию. Отечество наше конечно славится редкою свободою; но и свобода имеет законы, без коих Государство стоять не может. Закон Республики не позволяет воевать и Королю без согласия чинов государственных; а вы, люди частные, своевольным нападением раздражаете опаснейшего из врагов ее: вами озлобленный Шуйский мстит ей Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь победами; но вы еще среди неприятелей сильных... Идите и скажите своим клеветам, что искать славы и корысти беззаконием, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дело не граждан свободных, а людей диких и хищных».

Одним словом, казалось, что не подданные с Государем и Государством, а две особенные державы находятся в жарком прении между собою и грозят друг другу войною! Изъясняясь с некоторою твердостью, Сигизмунд не думал однако ж быть строгим для усмирения крамольников, ибо имел в них нужду и надеялся вернее обольстить, нежели утратить их: разведывал, что делается в Лжедмитриевом стане; узнал о несогласии Сапеги и Зборовского с Рожинским, о явном презрении умных Ляхов к Самозванцу, о желании многих из них, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ними, действовать заодно с Королевским войском, — и торжественно назначил (в Декабре 1609) Послов в Тушино: Панов Стадницкого, Князя Збараского, Тишкевича, с дружиною знатною. Он предписал им, что говорить воинам и начальникам, гласно и тайно; дал грамоту к Царю Василию, доказывая в ней справедливость своего нападения, но изъявляя и готовность к миру на условиях, выгодных для Республики; дал еще особенную грамоту к Патриарху, Духовенству, Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, в коей, уже снимая с себя личину, вызывался прекратить их жалостные бедствия, если они с благодарным сердцем прибегнут к его державной власти, и Королевским словом уверял в целости нашего богослужения и всех уставов священных. В таком же смысле писал Сигизмунд и к Россиянам, служащим мнимому Димитрию; а к Самозванцу писали только Сенаторы, называя его в титуле *Яснейшим Князем* и прося оказать Послам достойную честь из уважения к Республике, не сказывая, зачем они едут в стан Тушинский.

Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, более и более опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка в хлебе, отнимаемом у

них разъездами Воевод Царских, умерили свою гордость; ждали сих Послов нетерпеливо и встретили пышно. Любопытный Самозванец вместе с Мариною смотрел из окна на их торжественный въезд в Тушино, едва ли угадывая, что они везут ему гибель! Рожинский советовал им представиться Лжедмитрию: Стадницкий и Збараский отвечали, что имеют дело единственно до войска — и, после великолепного пира, созвали всех Ляхов слушать наказ Королевский. Среди обширной равнины Послы сидели в креслах: Воеводы, чиновники, Дворяне стояли в глубоком молчании. Сигизмунд объявлял, что извлекая меч на Шуйского за многие неприятельские действия Россиян, спасает тем Конфедератов, уже малочисленных, изнуренных долговременною войною и теснимых соединенными силами Москвитян и Шведов; ждет добрых сынов отечества под свои хоругви, забывает вину дерзких, обещает всем жалованье и награды. Выслушав речь Посольскую, многие изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другие желали, чтобы он, взяв Смоленск и Северскую землю от Димитрия, мирно возвратился в отечество, а войско Республики присоединил к Конфедератам для завоевания всего Царства Московского. «Согласно ли с достоинством Короля, — возражали Послы, — иметь владенную грамоту на Российские земли от того, кому большая часть Россиян дает имя обманщика? и благоразумно ли проливать за него драгоценную кровь Ляхов?» Конфедераты требовали по крайней мере двух миллионов золотых; требовали еще, чтобы Сигизмунд назначил пристойное содержание для мнимого Димитрия и жены его. «Вспомните, — ответствовали им, — что у нас нет Перуанских рудников. Удовольствуйтесь ныне жалованьем обыкновенным; когда же Бог покорит Сигизмунду Великую Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется без возмездия, хотя вы служили не Государю, не Республике, а человеку стороннему, без их ведома и согласия». О будущей доле Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышления.

Что ж делал Самозванец, еще окруженный множеством знатных Россиян, еще глава войска и стана? Как бы ничего не зная, сидел в высоких хоромах Тушинских и ждал спокойного решения судьбы своей от людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидением величия, боялся пробуждения и смыкал глаза под ударом смертоносным. Уже давно терпел он наглость Ляхов и презрение Россиян, не смея быть взыскательным или строгим: так Гетман вспыльчивый, в присутствии Лжедмитрия, изломал палку об его любимца, Князя Вишневецкого, и заставил Царика бежать от страха вон

из комнаты; а Тишкевич в глаза называл Самозванца обманщиком. Многие Россияне, долго лицемерив и честив бродягу, уже явно гнушались им, досаждали ему невниманием, словами грубыми и думали между собою, как избыть вместе и Шуйского и Лжедмитрия. Сие спокойствие злодея, в роковой час оставленного умом и смелостию, способствовало успеху Послов Сигизмундовых.

Они пригласили к себе знатнейших Россиян Лжедмитриева стана и, вручив им грамоту Сигизмундову, изъяснили, что хотя Король вступил в Россию с оружием, но единственно для ее мира и благоденствия, желая утишить бунт, истребить бесстыдного Самозванца, низвергнуть тирана вероломного (Шуйского), освободить народ, утвердить Веру и Церковь. «Сии люди, — пишет Историк Польский, угнетенные долговременным злосчастьем, не могли найти слов для выражения своей благодарности: печальные лица их осветились радостью; они плакали от умиления, читали друг другу письмо Королевское, целовали, прижимали к сердцу начертание его руки, восклицая: *не может иметь Государя лучшего!* .. Так замысел Сигизмундов на венец Мономахов был торжественно объявлен и торжественно одобрен Россиянами; но какими? Сонмом изменников: Боярином Михайлом Салтыковым, Князем Василием Рубцем-Мосальским и клеветами их, вероломцами опытными, которые, нарушив три присяги, и нарушая четвертую, не усомнились предать иноплеменнику и Лжедмитрия и Россию, чтобы спастись от мести Шуйского, ранним усердием снискать благоволение Короля и под сению нового Царствующего Дома вкусить счастливое забвение своих беззаконий! В сей думе крамольников присутствовал, как пишут, и муж добродетельный, пленник Филарет, ее невольный и безгласный участник.

Уверенные в согласии Тушинских Россиян иметь Царем Сигизмунда, Послы в то же время готовы были вступить в сношение и с Василием, как законным Монархом: доставили ему грамоту Королевскую и, вероятно, предложили бы мир на условии возвратить Литве Смоленск или землю Северскую: чем могло бы удовольствоваться властолюбие Сигизмундово, если бы Россияне не захотели изменить своему Венценосцу. Но Василий, перехватив возмутительные письма Королевские к Духовенству, Боярам и гражданам столицы, не отвечал Сигизмунду, в знак презрения: обнаружил только его вероломство и козни, чтобы исполнить негодования сердца Россиян. Москва была спокойна; а в Тушине вспыхнул мятеж.

Дав Конфедератам время на размышление, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинского и главных Воевод присоединиться к Королю. Не хотели вдруг оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась к Василию: условились до времени терпеть в стане мнимое господство Лжедмитриево для устрашения Москвы, а действовать по воле Сигизмунда, имея главною целию низвергнуть Шуйского. Но ослепление и спокойствие бродяги уже исчезли: угадывая или сведав замышляемую измену, он призвал Рожинского и с видом гордым спросил, что делают в Тушине Вельможи Сигизмундовы, и для чего к нему не являются? Гетман нетрезвый забыл лицемерие: отвечал бранью и даже поднял руку. Самозванец в ужасе бежал к Марине; кинулся к ее ногам; сказал ей: «Гетман выдает меня Королю; я должен спастись: прости» — и ночью (29 Декабря), надев крестьянское платье, с шутком своим, Петром Кошелевым, в навозных санях уехал искать нового гнезда для злодейства: ибо Царство злодея еще не кончилось!

На рассвете узнали в Тушинском стане, что мнимый Димитрий пропал: все изумились. Многие думали, что он убит и брошен в реку. Сделалось ужасное смятение: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя в нем Атамана разбойников. Толпы с яростным криком приступили к Гетману, требуя своего Димитрия и в то же время грабя обоз сего беглеца, серебряные и золотые сосуды, им оставленные. Гетман и другие начальники едва могли смирить мятежников, уверив их, что Самозванец, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся в чувстве малодушного страха, и что не бунтом, а твердостью и единодушием должно им выйти из положения весьма опасного. Не менее волновались и Российские изменники, лишённые главы: одни бежали вслед за Самозванцем, другие в Москву; знатнейшие пристали к Конфедератам и вместе с ними отправили Посольство к Сигизмунду.

Между тем Марина, оставленная мужем и Двором, не изменяла высокомерию и твердости в злосчастьи; видя себя в стане под строгим надзором и как бы пленницею ненавистного ей Гетмана, упрекала Ляхов и Россиян предательством; хотела жить или умереть Царицею; ответствовала своему дяде, Пану Стадницкому, который убеждал ее прибегнуть к Сигизмундовой милости и назвал в письме только дочерью Сендомирского Воеводы, а не Государынею Московскою: «Благодарю за добрые желанья и советы; но правосудие Всевышнего не даст злодею моему, Шуйскому, насладиться плодом вероломства. Кому Бог единожды дает величие, тот уже никогда не лишается сего блеска,

подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмеваемому на час облаками». Она писала к Королю: «Счастье меня оставило, но не лишило права Властительского, утвержденного моим Царским венчанием и двукратною присягою Россиян»; желала ему успеха в войне, не уступая венца Мономахова, — ждала случая действовать и воспользовалась первым.

[1610 г.] Скоро сведения, где Лжедмитрий: он уехал в Калугу; стал близ города в монастыре и велел Инокам объявить ее жителям, что Король Сигизмунд требовал от него земли Северской, желая обратить ее в Латинство, но получив отказ, склонил Гетмана и все Тушинское войско к измене; что его (Самозванца) хотели схватить или умертвить; что он удалился к ним, достойным гражданам знаменитой Калуги, надеясь с ними и с другими верными ему городами изгнать Шуйского из Москвы и Ляхов из России или погибнуть славно за целостность государства и за святость Веры. Дух буйности жил в Калуге, где оставались еще многие из сподвижников Атамана Болотникова: они с усердием встретили злодея как Государя законного, ввели в лучший дом, наделили всем нужным, богатыми одеждами, конями. Прибежали из Тушина некоторые ближние чиновники Самозванцевы; пришел главный крамольник Князь Григорий Шаховской с полками Козаков из Царева-Займища, где он наблюдал движения Сигизмундовой рати. Составились дружины телохранителей и воинов, двор и Правительство, достойное Лжецаря, коего первым указом в сем новом вертепе злодейства было истребление Ляхов и Немцев за неприятельские действия Сигизмунда и Шведов: их убивали, вместе с верными Царю Россиянами, во всех городах, еще подвластных Самозванцу: Туле, Перемышле, Козельске; грабили купцов иноземных на пути из Литвы к Тушину. В Калуге утопили бывшего Воеводу ее, Ляха Скотницкого, подозреваемого Лжедмитрием в измене. Там же истерзали доброго Окольного Ивана Ивановича Годунова, как усердного слугу Василиева. Взяв его в плен, свергнули с башни и еще живого кинули в реку; он ухватился за лодку: злодей Михайло Бутурлин отсек ему руку, и сей мученик верности утонул в глазах отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Быв дотоле в некоторой зависимости от Гетмана и других знатных клеветов, Самозванец уже мог действовать свободно, зверствовать до безумия, хвалясь особенно ненавистию ко всему нерусскому и говоря, что когда будет Царем на Москве, то не оставит в живых ни единого иноплеменника, ни грудного младенца, ни зародыша в утробе матери! И кровию Ляхов обогранный, тогда же искал в них еще усердия к его злодейству!

В Тушинском стане читали тайные грамоты Лжедмитриевы: Самозванец писал, что возвратится к своим добрым сподвижникам с богатою казною, если они дадут ему новую клятву в верности и накажут главных виновников измены. Прибыли и тайные Послы его, Лях Казимирский и Глазун-Плещеев: они внушали Ляхам и Козакам, что один Димитрий может обогатить их, имея еще владения обширные и миллионы готовые. Люди, сколько-нибудь благоразумные, не слушали; но бродяги, грабители снова взволновались, и еще более, когда Марина, пользуясь смятением, явилась между воинами с растрепанными волосами, с лицом бледным, с глубокою горестию и слезами; не упрекала, но трогала, видом и словами; убеждала не оставлять Димитрия, исполненного к ним любви и благодарности: не лишать себя праведного возмездия за труды, для него понесенные, — не обольщаться Королевскою милостию, ничем незаслуженною и следственно ненадежною; ходила из ставки в ставку; каждого из чиновников называла именем, ласково приветствовала, молила соединиться с ее мужем. Все было в движении; стремились видеть и слушать прелестную женщину, красноречивую от живых чувств и разительных обстоятельств судьбы ее. Говорили: «Послы Королевские нас обманули и разлучили с Димитрием! Где тот, за кого мы умирали? От кого будем требовать награды?» Еще Гетман и Воеводы нашли средство обуздать Ляхов; но донцы сели на коней и выступили полками из Тушина к Калуге. Гетман с своими латниками настиг их, изрубил более тысячи и заставил побежденных возвратиться.

Спокойствие было кратковременно. Не имев совершенного успеха в намерении взбунтовать Тушинский стан и боясь мести Гетмана, Марина, в одежде воина, с луком и тулом за плечами, [11 Февраля] ночью, в трескучий мороз ускакала верхом к мужу, провождаемая только слугою и служанкою. Поутру нашли в ее комнатах следующее письмо к войску: «Без друзей и ближних, одна с своею горестию, я должна спасать себя от наглости моих мнимых защитников. В упоении шумных пиров, клеветники гнусные равняют меня с женами презрительными, умышляют измену и ковы. Сохрани Боже, чтобы кто-нибудь дерзнул торговать мною и выдать меня человеку, которому ни я, ни мое Царство не подвластны! Утесненная и гонимая, свидетельствуюсь Всевышним, что не престану блюсти своей чести и славы, и быв Властительницею Народов, уже никогда не соглашусь возвратиться в звание Польской Дворянки. Надеюсь, что храброе воинство не забудет присяги, моей благодарности и наград ему обещанных, удаляюсь». Сие письмо читали всенародно в Тушине

благоприятели Марины и произвели желаемое действие: новый мятеж, еще сильнейший прежних. Неистовые, с обнаженными саблями окружив ставку Гетмана, вопили: «Злодей! Ты выгнал злосчастную Марину твоею буйностию, в чаду высокоумия и пьянства! Ты, вероломец, подкупленный Королем, чтобы обманом вырвать из наших рук казну Московскую! Возврати нам Дмитрия или умри, изменник!» Стреляли из пистолетов; хотели действительно убить Рожинского, выбрать иного начальника и немедленно идти к Самозванцу; но снова одумались, примирились с неустрашимым Гетманом и дали ему слово ждать ответа Королевского. «Ни за что не ручаюсь, — писал Рожинский к Сигизмунду, — если Ваше Величество не благоволите удовлетворить желаниям войска и Бояр Московских, с нами соединенных».

Сии желания или требования были объявлены Королю Послами Россиян и Ляхов Тушинских. В числе сорока двух первых находились Михайло Салтыков и сын его Иван, Князь Рубец-Мосальский и Юрий Хворостинин, Лев Плещеев, Молчанов (тот самый, который в Галиции выдавал себя за Дмитрия), Дьяки Грамотин, Андронов, Чичерин, Апраксин и многие Дворяне. Сигизмунд принял их (31 Генваря) с великою пышностию, сидя на престоле, в кругу Сенаторов и знатных Панов. Седовласый изменник Салтыков говорил длинную речь о бедствиях России, о доверенности ее к Королю, и замолчал от усталости. Сын его и Дьяк Грамотин продолжали: один исчислил всех наших Государей от Рюрика до Иоанна и Феодора; другой молил Сигизмунда быть заступником нашего православия и тем снискать милость Всевышнего. Наконец Боярин Салтыков предложил венец Мономахов не Сигизмунду, но юному Королевичу Владиславу; а Грамотин заключил изображением выгод, безопасности, благоденствия обеих держав, которые со временем будут единою под скиптром Владислава. Литовский Канцлер Лев Сапега отвечал, что Сигизмунд благодарит за оказываемую ему честь и доверенность, соглашается быть покровителем Российской Державы и Церкви и назначит Сенаторов для переговоров о деле столь важном.

Переговоры начались немедленно, и Послы изменников Тушинских сказали Сенаторам: «С того времени, как смертью Иоаннова наследника извелось державное племя Рюриково, мы всегда желали иметь одного Венценосца с вами: в чем может удостоверить вас сей Думный Боярин Михайло Глебович Салтыков, зная все тайны государственные. Препятствием были грозное властвование Борисово, успехи Лжедмитрия, незаконное воцарение Шуйского и явление второго Самозванца, к коему мы пристали, не веря ему, но от ненависти

к Василию, и только до времени. Обрадованные вступлением Короля в Россию, мы тайно снеслись с людьми знатнейшими в Москве, сведали их единомыслие с нами и давно прибегнули бы к Сигизмунду, если бы Ляхи Лжедимитриевы тому не противились. Ныне же, когда Вожди и войско готовы повиноваться законному Монарху, объявившему нам чистоту своих намерений, — ныне смело убеждаем его величество дать нам сына в Цари: ибо ему самому, Государю иной Великой Державы, нельзя оставить ее, ни управлять Московскою чрез наместника. Вся Россия встретит Царя вожделенного с радостью; города и крепости отворят врата; Патриарх и Духовенство благословят его усердно. Только да не медлит Сигизмунд; да идет прямо к Москве и подкрепит войско, угрожаемое превосходными силами Скопина и Шведов. Мы впереди: укажем ему путь и средства взять столицу; сами свергнем, истребим Шуйского, как жертву, уже давно обреченную на гибель. Тогда и Смоленск, осаждаемый с таким усилием тягостным, доселе бесполезным — тогда и все Государство последует нашему примеру». Но, боясь ли, как пишут, вверить судьбу шестнадцатилетнего Королевича народу, ославленному строптивостию и мятежами, или от личного властолюбия не расположенный уступить Московское Царство даже и сыну, Сигизмунд изъяснился двусмысленно. Сенаторы его ответствовали изменникам, что *если* Всевышний благословит доброе желание Россиян; *если* грозные тучи, висящие над их Державою, удалятся, и тихие дни в ней снова воссияют; *если* в мире и согласии, Духовенство, Вельможи, войско, граждане все единодушно захотят Владислава в Цари: то Сигизмунд конечно удовлетворит их общей воле — и готов идти к Москве, как скоро Тушинская рать к нему присоединится.

В дальнейших объяснениях Послы требовали, чтобы Владислав принял нашу Веру: им сказали, что Вера есть дело совести и не терпит насилия; что можно внушать и склонять, а не велеть. «Сии люди, — говорит Польский Историк, — мало заботились о правах и вольностях государственных: твердили единственно о Церкви, монастырях, обрядах; только ими дорожили, как главным, существенным предметом, необходимым для их мира душевного и счастья». Именем Королевским Сенаторы письменно утвердили неприкосновенность всех наших священных уставов и согласились, чтобы Королевич, *если* Бог даст ему Государство Московское, был венчан Патриархом; обязались также соблюсти целостность России, ее законы и достояние людей частных; а Послы клялись оставить Шуйского и Самозванца, верно служить Государю Владиславу, и доколе он еще не Царствует, служить отцу его.

В то же время Король писал к Сенату, что Москва в смятении, и Князь Михаил в раздоре с Василием; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владения Республики и завоевать часть России или всю Россию! Не могли Салтыков и клеветы его быть слепыми: они видели, что Король готовит Царство себе, а не Владиславу; знали, что и Владислав не мог ни в каком случае принять нашего Закона: но ужасаясь близкого торжества Василиева, как своей гибели, и давно погрязнув в злодействах, не усомнились предать отечество из рук низкого Самозванца в руки Венценосца иноверного; предлагали условия единственно для ослепления других Россиян, и лицемерно восхищаясь мнимою готовностью Сигизмунда исполнить все их желания, громогласно благодарили его и плакали от радости. Пировали, обедали у Короля, Гетмана Жолкевского и Льва Сапеги. Сидя на возвышенном месте, Король пил за здравие Послов: они пили за здравие Царя Владислава. Написали грамоты к Воеводам городов окрестных, славя великодушие Сигизмунда, убеждая их присягнуть Королевичу, соединиться с братьями Ляхами, и некоторых оболестили: Ржев и Зубцов поддались Царю новому, мнимому. Но знаменитый Шеин, уже пять месяцев осаждаемый в Смоленске, к его славе и бедствию Королевского войска, истребляемого трудами, битвами и морозами, не оболестился: вызванный из крепости изменниками для свидания, слушал их с презрением и возвратился верным, непоколебимым.

Довольный Тушинскими Россиянами, Сигизмунд тем менее был доволен Тушинскими Ляхами, коих Послы снова требовали миллионов, и хотели, чтобы он, взяв Московское Государство, дал Марине Новгород и Псков, а мужу ее Княжество особенное. Опасаясь раздражить людей буйных и лишиться их важного, необходимого содействия, Король обещал уступить им доходы земли Северной и Рязанской, милостиво наделить Марину и Лжедмитрия, если они смирятся, и немедленно прислать в Тушино Вельможу Потоцкого с деньгами и с войском, чтобы истребить или прогнать Князя Михаила, стеснить Москву и низвергнуть Шуйского. Но сей ответ не успокоил Конфедератов: не верили обещаниям; ждали денег — а Сигизмунд медлил и морил людей под стенами Смоленска; не присылал ни серебра, ни войска к мятежникам: ибо его любимец Потоцкий, к досаде Гетмана Жолкевского, распоряжая осадою, не хотел двинуться с места, чтобы отсутствием не утратить выгод временщика.

Вести калужские еще более взволновали Конфедератов: там Лжедмитрий снова усиливался и Царствовал; там явилась и жена его,

славимая как Героиня. Выехав из Тушина, она сбилась с дороги и попала в Дмитров, занятый войском Сапеги, который советовал ей удалиться к отцу. «Царица Московская, — сказала Марина, — не будет жалкою изгнанницею в доме родительском», — и взяв у Сапеги Немецкую дружину для безопасности, прискакала к мужу, который встретил ее торжественно вместе с народом, восхищенным ее красотой в убранстве юного витязя. Калуга веселилась и пировала; хвалилась призраком двора, многолюдством, изобилием, покоем, — а Тушинские Ляхи терпели голод и холод, сидели в своих укреплениях как в осаде или, толпами выезжая на грабеж, встречали пули и сабли Царских или Михайловых отрядов. Кричали, что вместе с Димитрием оставило их и счастье; что в Тушине бедность и смерть, в Калуге честь и богатство; не слушали новых Послов Королевских, прибывших к ним только с ласковыми словами; кляли измену своих предводителей и козни Сигизмундовы; хотели грабить стан и с сею добычею идти к Самозванцу. Но Гетман, в последний раз, обуздал буйность страхом.

Уже Князь Михаил действовал. Войско его умножилось, образовалось. Пришло еще 3000 Шведов из Выборга и Нарвы. Готовились идти прямо на Сапегу и Рожинского, но хотели озаботить их и с другой стороны: послали Воевод Хованского, Борятинского и Горна занять южную часть Тверской и северную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщению Конфедератов с Сигизмундом. Между тем чиновник Волуев с пятьюстами ратников должен был осмотреть вблизи укрепления Сапегины. Он сделал более: ночью (Генваря 4) вступил в Лавру, взял там дружину Жеребцова, утром напал на Ляхов и возвратился к Князю Михаилу с толпою пленников и с вестью о слабости неприятеля. Войско ревностно желало битвы, надеясь поразить Сапегу и Гетмана отдельно. Но дерзость первого уже исчезла: будучи в несогласии с Рожинским, оставив Лжедимитрия и еще не пристав к Королю, едва ли имея 6000 сподвижников, изнуренных болезнями и трудами, Сапега увидел поздно, что не время мыслить о завоевании монастыря, а время спасаться: снял осаду (12 Генваря) и бежал к Дмитрову. Иноки и воины Лавры не верили глазам своим, смотря на сие бегство врага, столь долго упорного! Оглядели безмолвный стан изменников и Ляхов; нашли там множество запасов и даже немало вещей драгоценных; думали, что Сапега возвратится — и чрез восемь дней послали наконец Инока Макария со Святою водою в Москву, объявить Царю, что Лавра спасена Богом и Князем Михаилом, быв 16 месяцев в тесном obleжании. Уже сия не только святостию, но и славою редкою — любовью к отечеству и Вере преодолев искусство

и число неприятеля, нужду и язву — обратив свои башни и стены, дебри и холмы в памятники доблести бессмертной — Лавра увенчала сей подвиг новым государственным благодеянием. Россияне требовали тогда единственно оружия и хлеба, чтобы сражаться; но союзники их, Шведы, требовали денег: Иноки Троицкие, встретив Князя Михаила и войско его с любовью, отдали ему все, что еще имели в житницах, а Шведам несколько тысяч рублей из казны монастырской. — Глубина снегов затрудняла воинские действия: Князь Иван Куракин с Россиянами и Шведами выступил на лыжах из Лавры к Дмитрову и под стенами его увидел Сапегу. Началось кровопролитное дело, в коем Россияне блестящим мужеством заслужили громкую хвалу Шведов, судей непристрастных; победили, взяли знамена, пушки, город Дмитров и гнали неприятеля легкими отрядами к Клину, нигде не находя ни жителей, ни хлеба в сих местах, опустошенных войною и разбоями. Предав Ляхов Тушинских судьбе их, Сапега шел день и ночь к Калужским и Смоленским границам, чтобы присоединиться к Королю или Лжедмитрию, смотря по обстоятельствам.

До сего времени Сапега был щитом для Тушина, стоя между им и Слободою Александровскою: сведав о бегстве его — сведав тогда же, что Воеводы, отряженные Князем Михаилом, заняли Старицу, Ржев и приступают к Белому — Конфедераты не хотели медлить ни часу в стане, угрожаемом вблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасом, изъявили покорность Гетману: он вывел их с распущенными знаменами, при звуке труб и под дымом пылающего, им зажженного стана, чтобы идти к Королю. Изменники, клеветы Салтыкова, соединились с Лягами; гнуснейшие из них ушли к Самозванцу; менее виновные в Москву и в другие города, надеясь на милосердие Василиево или свою неизвестность, — и чрез несколько часов остался только пепел в уединенном Тушине, которое 18 месяцев кипело шумным многолудством, величалось именем Царства и боролось с Москвою! Жарко преследуемый дружинами Князя Михаила, изгнанный из крепких стен Иосифовской Обители и разбитый в поле мужественным Волуевым (который в сем деле освободил знаменитого пленника Филарета), Рожинский, Князь племени Гедиминова, еще юный летами, от изнурения сил и горести кончил бурную жизнь в Волоколамске, жалуясь на измену счастья, безумие второго Лжедмитрия, крамольный дух сподвижников и медленность Сигизмундову: Полководец искусный, как уверяют его единоземцы, или только смелый наездник и грабитель, как свидетельствуют наши летописи. Смерть начальника рушила состав войска: оно рассеялось;

толпы бежали к Сигизмунду, толпы к Лжедимитрию и Сапеге, который стал на берегах Угры, в местах еще изобильных хлебом, и предлагал своему Государю условия для верной ему службы, сносясь и с Калугою. — Так исчезло главное, страшное ополчение удалцов и разбойников чужеземных, изменников и злодеев Российских, быв на шаг от своей цели, гибели нашего отечества, и вдруг остановлено великодушным усилием добрых Россиян, и вдруг уничтожено действиями грубой политики Сигизмундовой!.. Один Лисовский с изменником Атаманом Просовецким, с шайками Козаков и вольницы, держался еще несколько времени в Суздале, но весною ушел оттуда в мятежный Псков, разграбив на пути монастырь Колязинский, где честный Воевода Давид Жеребцов пал в битве. Наконец вся внутренность Государства успокоилась.

Так успел Герой-юноша в своем деле великом! За 5 месяцев пред тем оставив Царя почти без Царства, войско в оцепенении ужаса, среди врагов и предателей — найдя везде отчаяние или зложелательство, но умев тронуть, оживить сердца добродетельною ревностью, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, восстановить целостность России от Запада до Востока, рассеять сонмы неприятелей многочисленных и взять одною угрозою крепкие, годовые их станы — Князь Михаил двинулся из Лавры, им освобожденной, к столице, им же спасенной, чтобы вкусить сладость добродетели, увенчанной славою.

Россияне и Шведы, одни с веселием, другие с гордостью, шли как братья, Воеводы и воины, на торжество редкое в летописях мира. Царь велел знатным чиновникам встретить Князя Михаила: народ предупредил чиновников; стеснил дорогу Троицкую; поднес ему [2 Марта] хлеб и соль, *бил челом* за спасение Государства Московского, давал имя *отца отечества*, благодарил и сподвижника его, Делагарди. Василий также благодарил обоих, с слезами на глазах, с видом искреннего умиления. Казалось, что одно чувство всех одушевляло, от Царя до последнего гражданина. Москва, быв еще недавно столицей без Государства, окруженная неприятельскими владениями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодом, и ввечеру не зная, кого утреннее солнце осветит в ней на престоле, законного ли Венценосца Российского или бродягу, клевету разбойников иноземных — Москва снова возвышала главу над обширным Царством, простирая руку к Ильменю и к Енисею, к морю Белому и Каспийскому, — опираясь в стенах своих на легионы победоносные, и наслаждаясь спокойствием, славою, изобилием; видела в Князе Михаиле виновника сей

разительной перемены и не щадила ни его смирения, ни его безопасности: где он являлся, везде торжествовал и слышал клики живейшей к нему любви, естественной, справедливой, но опасной: ибо зависть, уже не окованная страхом, готовила жало на знаменитого подвижника России, и раздражаемая сим народным восторгом, тем более кипела ядом, в слепой злобе не предвидя, что будет сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось отечество — и Князь Михаил среди светлых пиров столицы не упоенный ни честью, ни славою, требовал указа Царского довершить великое дело: истребить Лжедмитрия в Калуге, изгнать Сигизмунда из России, очистить южные пределы ее, успокоить Государство навеки, имея все для успеха несомнительного: войско, доблесть, счастье или милость Небесную. Но судьба Шуйского противилась такому концу благословенному: не в его бедственное Царствование отечество наше должно было возродиться для величия!

Глава IV

Низвержение Василия и междоцарствие. 1610—1611 г.

Наушники. Кончина Скопина-Шуйского. Горесть народная. Князь Димитрий Шуйский Военачальник. Бунт Ляпунова. Битва под Клушиным. Делагарди отступает к Новугороду. Поляки занимают Царево-Займище. Отчаяние столицы. Новые успехи Самозванца. Твердость Пожарского. Ропот народный. Василий лишен престола. Тщетные увещания Патриарха. Пострижение Василия и супруги его. Совет Князя Мстиславского. Переговоры с Жолкевским. Условия. Присяга Владиславу. Намерение Сигизмунда. Бегство Самозванца в Калугу. Политика Жолкевского. Посольство к Королю. Вступление Поляков в Москву. Действия Послов Московских. Отъезд Жолкевского. Шуйский предан Полякам. Неудачные приступы к Смоленску. Самовластие Сигизмунда. Нетерпение народа. Неприятельские действия Делагарди. Злодейства Лисовского. Измена Казани. Смерть Самозванца. Новый обман. Начальники восстания народного. Грамоты Смоленян и Москвитян. Слабость Московской Думы. Ссоры с Поляками. Состав ополчения за Россию. Кровопролитие в столице. Пожар Москвы. Прибытие Струса. Подвиги Пожарского. Неистовства Поляков в Москве. Заключение Ермогена.

В то время, когда всякой час был дорог, чтобы совершенно избавить Россию от всех неприятелей, смятенных ужасом, ослабленных разделением — когда все друзья отечества изъявляли Князю Михаилу живейшую ревность, а Князь Михаил живейшее нетерпение Царю идти в поле — минуло около месяца в бездействии для отечества, но в деятельных происках злобы личной.

Робкие в бедствиях, надменные в успехах, низкие душою, трепетав за себя более нежели за отечество, и мысля, что все труднейшее уже сделано, — что остальное легко и не превышает силы их собственного ума или мужества, ближние царедворцы в тайных думах немедленно начали внушать Василию, сколь юный Князь Михаил для него опасен, любимый Россиею до чрезмерности, явно уважаемый более Царя и явно в Цари готовимый единомыслием народа и войска. Славя Героя, многие Дворяне и граждане действительно говорили нескромно, что спаситель России должен и властвовать над нею; многие нескромно уподобляли Василия Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердие к знаменитому юноше питалось и суеверием: какие-то гадатели предсказывали, что в России будет Венценосец, именем *Михаил*, назначенный Судьбою умирить Государство: «через два года благодатное воцарение Филаретова сына оправдало гадателей», — пишет историк чужеземный, но Россияне относили мнимое пророчество к Скопину и видели в нем если не совместника, то преемника дяди его, к особенной досаде любимого Василиева брата, Димитрия Шуйского, который мыслил, вероятно, правом наследия уловить державство: ибо шестидесятилетний Царь не имел детей, кроме новорожденной дочери, Анастасии. Князь Дмитрий, духом слабый, сердцем жестокий, был первым наушником и первым клеветником: не довольствуясь истиною, что народ желает Царства Михаилу, он сказал Василию, что Михаил в заговоре с народом, хочет похитить верховную власть и действует уже как Царь, отдав Шведам Кексгольм без указа Государева. Еще Василий ужасался или стыдился неблагодарности: велел умолкнуть брату, — даже выгнал его с гневом; ежедневно приветствовал, честил Героя — но медлил снова верить ему войско! Узнав о наветах, Князь Михаил спешил изъясниться с Царем; говорил спокойно о своей невинности, свидетельствуясь в том чистою совестью, службою верною, а всего более оком Всевышнего; говорил свободно и смело о безумии зависти преждевременной, когда еще всякая остановка в войне, всякое охлаждение, несогласие и внушение личных страстей могут быть гибельны для отечества. Василий слушал не без внутреннего смятения: ибо собственное сердце его уже волновалось завистию и

беспокойством: он не имел счастья верить добродетели! Но успокоил Михаила ласкою; велел ему и Думным Боярам условиться с Генералом Делагарди о будущих воинских действиях; утвердил договор Выборгский и Колязинский; обещал немедленно заплатить весь долг Шведам.

Между тем умный Делагарди в частых свиданиях с ближними Царедворцами заметил их худое расположение к Князю Михаилу и предостерегал его как друга: двор казался ему опаснее ратного поля для Героя. Оба нетерпеливо желали идти к Смоленску и неохотно участвовали в пирах Московских. 23 Апреля [1610 г.] Князь Димитрий Шуйский давал обед Скопину. Беседовали дружественно и весело. Жена Димитриева, Княгиня Екатерина — дочь того, кто жил смертоубийствами: Малюты Скуратова — явилась с ласкою и чашею пред гостем знаменитым: Михаил выпил чашу... и был принесен в дом, исходя кровию, беспрестанно лившеюся из носа; успел только исполнить долг Христианина и предал свою душу Богу, вместе с судьбою отечества!.. Москва в ужасе онемела.

Сию незапную смерть юноши, цветущего здравием, приписали яду, и народ, в первом движении, с воплем ярости устремился к дому Князя Дмитрия Шуйского: дружина Царская защитила и дом и хозяина. Уверяли народ в естественном конце сей жизни драгоценной, но не могли уверить. Видели или угадывали злорадство и винили оное в злодействе без доказательств: ибо одна скоропостижность, а не род Михайловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрение, бедственное для Василия и его ближних.

Не находя слов для изображения общей скорби, Летописцы говорят единственно, что Москва оплакивала Князя Михаила столь же неутешно, как Царя Феодора Иоанновича: любив Феодора за добродушие и теряя в нем последнего из наследственных Венценосцев Рюрикова племени, она страшилась неизвестности в будущем жребии Государства; а кончина Михайлова, столь неожиданная, казалась ей явным действием гнева Небесного: думали, что Бог осуждает Россию на верную гибель, среди преждевременного торжества вдруг лишив ее защитника, который *один* вселял надежду и бодрость в души, *один* мог спасти Государство, снова ввергаемое в пучину мятежей без кормчего! Россия имела Государя, но Россияне плакали как сироты без любви и доверенности к Василию, омраченному в их глазах и несчастным царствованием и мыслию, что Князь Михаил сделался жертвою его тайной вражды. Сам Василий лил горькие слезы о Герое: их считали притворством, и взоры подданных убежали Царя, в то время когда он,

знаменуя общественную и свою благодарность, оказывал необыкновенную честь усопшему: отпевали, хоронили его великолепно, как бы державного: дали ему могилу пышную, где лежат наши Венценосцы: в Архангельском соборе; там, в приделе Иоанна Крестителя, стоит уединенно гробница сего юноши, единственного добродетелию и любовью народною в век ужасный! От древних до новейших времен России никто из подданных не заслуживал ни такой любви в жизни, ни такой горести и чести в могиле!.. Именуя Михаила Ахиллом и Гектором Российским, Летописцы не менее славят в нем и *милость* беспримерную, *уветливость*, смирение Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нежного сердца. В двадцать три года жизни успев стяжать (доля редкая!) лучезарное бессмертие, он скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему венца, ибо желало быть счастливым!

Все переменилось — и завистники Скопина, думав, что Россия уже может без него обойтись, скоро увидели противное. Союз между Царем и Царством, восстановленный Михаилом, рушился, и злополучие Василиево, как бы одоленное на время Михаиловым счастьем, снова явилось во всем ужасе над Государством и Государем.

Надлежало избрать Военачальника: избрали того, кто уже давно был нелюбим, а в сие время ненавидим: Князя Дмитрия Шуйского. Россияне вышли в поле с унынием и без ревности: Шведы ждали обещанных денег. Не имея готового серебра, Василий требовал его от Иноков Лавры; но Иноки говорили, что они, дав Борису 15000, расстриге 30000, самому Василию 20000 рублей, остальною казною едва могут исправить стены и башни свои, поврежденные неприятельскою стрельбою. Царь силою взял у них и деньги и множество церковных сосудов, золотых и серебряных для сплавки. Иноки роптали: народ изъявлял негодование, уподобляя такое дело святотатству. Одни Шведы, изъявив участие в народной скорби о Михаиле, ими также любимом, казались утешенными и довольными. Получив жалованье — и Делагарди выступил вслед за Князем Дмитрием к Можайску, чтобы освободить Смоленск. Ждали еще новых союзников, не бывалых под хоругвями Христианскими: Крымских Царевичей с толпами разбойников, чтобы примкнуть к ним несколько дружин Московских и вести их к Калуге для истребления Самозванца. Не думали о стыде иметь нужду в таких сподвижниках! Довольно было сил: недоставало только человека, коего в бедствиях Государственных и миллионы людей не заменяют... Орошая слезами, искренними или

притворными, тело Михаила, Василий погребал с ним свое державство, и два раза спасенный от близкой гибели, уже не спасся в третий!

Первая страшная весть пришла в Москву из Рязани, где Ляпунов, явный злодей Царя, сильный духом более, нежели знатностию сана, не обольстив Михаила властолюбием незаконным и предвидя неминуемую для себя опалу в случае решительного торжества Василиева, именем Героя верности дерзнул на бунт и междоусобие. Что Москва подозревала, то Ляпунов объявил всенародно за истину несомнительную: Дмитрия Шуйского и самого Василия убийцами, отравителями Скопина, звал мстителей и нашел усердных: ибо горестная любовь к усопшему Михаилу представляла и бунт за него в виде подвига славного! Княжество Рязанское отложилось от Москвы и Василия, все, кроме Зарайска: там явился племянник Ляпунова с грамотою от дяди; но там Воеводствовал Князь Димитрий Михайлович Пожарский. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростию и добродетелию, Князь Димитрий выгнал гонца крамолы, прислал мятежную грамоту в Москву и требовал вспоможения: Царь отрядил к нему чиновника Глебова с дружиною, и Зарайск остался верным. Но в то же время стрельцы Московские, посланные к Шацку (где явился Воевода Лжедмитриев, Князь Черкасский, и разбил Царского Воеводу, Князя Литвинова) были остановлены на пути Ляпуновым и передались к нему добровольно. Чего хотел сей мятежник! Свергнуть Василия, избавить Россию от Лжедмитрия, от Ляхов, и быть Государем ее, как утверждает один Историк; другие пишут вероятнее, что Ляпунов желал единственно гибели Шуйских, имея тайные сношения с знатнейшим крамольником, Боярином Князем Василием Голицыным в Москве и даже с Самозванцем в Калуге, но недолго: он презрел бродягу, как орудие срамное, видя и без того легкое исполнение желаемого им и многими иными врагами Царя несчастного.

Бунт Ляпунова встревожил Москву: другие вести были еще ужаснее. Князь Димитрий Шуйский и Делагарди шли к Смоленску, а Ляхи к ним навстречу. Доселе опасливый, нерешительный, Сигизмунд вдруг оказал смелость, узнав, что Россия лишилась своего Героя, и веря нашим изменникам, Салтыкову с клеветами, что сия кончина есть падение Василия, ненавистного Москве и войску. Еще Сигизмунд не хотел оставить Смоленск; но дав Гетману Жолкевскому 2000 всадников и 1000 пехотных воинов, велел ему с сею горстию людей искать неприятеля и славы в поле. Гетман двинулся сперва к Белому, теснимому Хованским и Горном: имея 6500 Россиян и Шведов, они уклонились от битвы и спешили присоединиться к Димитрию

Шуйскому, который стоял в Можайске, отделив 6000 Детей Боярских с Князем Елецким и Волуевым в Царево-Займище, чтобы там укрепиться и служить щитом для главной рати. Будучи вдесятеро сильнее неприятеля, Шуйский хотел уподобиться Скопину осторожностью: медлил и тратил время. Тем быстрее действовал Гетман: соединился с остатками Тушинского войска, приведенного к нему Зборовским, и (13 июня) подступил к Займищу; имел там выгоду в битве с Россиянами, но не взял укрепленный — и сведал, что Шуйский и Делагарди идут от Можайска на помощь к Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гетмана смутились: он убеждал их в необходимости кончить войну одним смелым ударом; говорил о чести и доблести, а ждал успеха от измены: ибо клеветы Салтыкова окружали, вели его, — сносились с своими единомышленниками в Царском войске, знали общее уныние, негодование и ручались Жолкевскому за победу; ручались и беглецы Шведские, Немцы, Французы, Шотландцы, являясь к нему толпами и сказывая, что все их товарищи, недовольные Шуйским, готовы передаться к Ляхам. Шведы действительно, едва вышедши из Москвы, начали снова требовать жалованья и бунтовать: Князь Дмитрий дал им еще 10000 рублей, но не мог удовлетворить, ни сам Делагарди смирить сих мятежных корыстолюбцев: они шли нехотя и грозили, казалось, более союзникам, нежели врагам. Такие обстоятельства изъясняют для нас удивительное дело Жолкевского, еще более проницательного, нежели смелого.

Оставив малочисленную пехоту в обозе у Займища, Гетман ввечеру (23 Июня) с десятью тысячами всадников и с легкими пушками выступил навстречу к Шуйскому, столь тихо, что Елецкий и Волуев не заметили сего движения и сидели спокойно в укреплениях, воображая всю рать неприятельскую пред собою; а Гетман, принужденный идти верст двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на рассвете увидел, близ села Клушина, между полями и лесом, плетнями и двумя деревеньками, обширный стан тридцати тысяч Россиян и пяти тысяч Шведов, нимало не готовых к бою, беспечных, сонных. Он еще ждал усталых дружин и пушек; зажег плетник и треском огня, пламенем, дымом пробудил спящих. Изумленные незапным явлением Ляхов, Шуйский и Делагарди спешили устроить войско: конницу впереди, пехоту за нею, в кустарнике, — Россиян и Шведов особенно. Гетман с трубным звуком ударил вместе на тех и других: конница Московская дрогнула; но подкрепленная новым войском, стеснила неприятеля в своих густых толпах, так что Жолкевский, стоя на холме, едва мог видеть хоругвь Республики в облаках пыли и дыма. Шведы удержали

стремление Ляхов сильным залпом. Гетман пустил в дело запасные дружины; стрелял из всех пушек в Шведов; напал на Россиян сбоку — и победил. Конница наша, обратив тыл, смешала пехоту; Шведы отступили к лесу; Французы, Немцы, Англичане, Шотландцы передались к Ляхам. Сделалось неописанное смятение. Все бежало без памяти: сто гнало тысячу. Князя Шуйский, Андрей Голицын и Мезецкий засели было в стане с пехотою и пушками; но узнав вероломство союзников, также бежали в лес, усыпая дорогу разными вещами драгоценными, чтобы прелестию добычи оставновить неприятеля. Делагарди — в искренней горести, как пишут, — ни угрозами, ни молением не удержав своих от бесчестной измены, вступил в переговоры: дал слово Гетману не помогать Василию и, захватив казну Шуйского, 5450 рублей деньгами и мехов на 7000 рублей, с Генералом Горном и четырьмястами Шведов удалился к Новугороду, жалуясь на малодушие Россиян столько же, как и на мятежный дух Англичан и Французов, письменно обещая Царю новое вспоможение от Короля Шведского, а Королю легкое завоевание северозападной России для Швеции!

Но стыд союзников уменьшался стыдом Россиян, которые, в бедственном ослеплении, жертвовали нелюбви к Царю любовью к отечеству, не хотели мужествовать за мнимого убийцу Михайлова, думая, кажется, что победа Ляхов губит только несчастного Василия, и гнусным бегством от врага слабого предали ему Россию. Без сомнения оказав ум необыкновенный, Гетман хвалился числом своих и неприятелей, скромно уступал всю честь геройству сподвижников и всего искреннее славил ревность Тушинских изменников, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились в сей битве, действуя тайно, чрез лазутчиков, на Царское войско. Не многие легли в деле: один знатный Князь Яков Борятинский пал, сражаясь; Воевода Бутурлин отдался в плен. Гораздо более кололи, секли и топтали Россиян в погоне. 11 пушек, несколько знамен, бархатная хоругвь Князя Дмитрия Шуйского, его карета, шлем, меч и булава, также немало богатства, сукон, соболей, присланных Царем для Шведов, были трофеями и добычею Ляхов. Несчастный Князь Дмитрий скакал не оглядываясь, увязил коня в болоте, пеший достиг Можайска и, сказав гражданам, что все погибло, с сею вестью спешил к державному брату в столицу.

Деятельный Гетман в тот же день возвратился к Займищу, где Россияне, ночью, были пробуждены шумом и кликом: Ляхи громогласно извещали их о следствиях Клушинской битвы. Князь

Елецкий и Волуев не хотели верить: Гетман на рассвете показал им Царские знамена и пленников, требуя, чтобы они мирно сдались не Ляхам, а новому Царю своему, Владиславу, будто бы уже избранному знатною частию России. Елецкий и Волуев убеждали Гетмана идти к Москве и начать с нею переговоры: им ответствовали: «когда вы сдадитесь, то и Москва будет наша». Волуев, более Елецкого властвуя над умами сподвижников, решил их недоумение: присягнул Владиславу, на условиях, заключенных Михайлом Салтыковым и клеветами его с Сигизмундом; другие также присягнули и вместе с Ляхами, уже братьями, пошли к столице... Смелый в битвах, Жолкевский изъявил смелость и в важном деле Государственном: но без указа Королевского желал воцарить юного Владислава, по удостоверению изменников Тушинских и собственному, что нет иного, лучшего, надежнейшего способа кончить сию войну с истинною славою и выгодною для Республики! Гетман мирно занял Можайск и другие места окрестные именем Королевича, везде гоня пред собою рассеянные остатки полков Шуйского.

В одно время столица узнала о сем бедствии и читала воззвание Жолкевского к ее жителям, распространенное в ней деятельными единомышленниками Салтыкова. «Виною всех ваших зол, — писал Гетман, — есть Шуйский: от него Царство в крови и в пепле. Для одного ли человека гибнуть миллионам? Спасение пред вами: победоносное войско Королевское и новый Царь благодатный: да здравствует Владислав!» Еще Василий, не изменяясь духом, верный твердости в злосчастии, писал указы, чтобы из всех городов спешили к нему последние люди воинские, и в последний раз, для спасения Царства; ободрял Москвитян, давал деньги стрельцам; хотел писать к Гетману, назначил гонца, но отменил, чтобы не унизиться бесполезно в таких обстоятельствах, когда не переговорами, а битвами надлежало спастись. Города не выслали в Москву ни одного воина: Рязанский мятежник Ляпунов не велел им слушаться Царя, вместе с Князем Василием Голицыным крамольствуя и в столице, волнуемой отчаянием... Грозы внешние еще умножились: явился и Лжедмитрий в поле с бесстыдным Сапегою, который за несколько тысяч рублей, доставленных ему из Калуги, снова обязался служить злодею. Они надеялись предупредить Гетмана и взять Москву, думая, что она в смятении ужаса скорее сдастся дерзкому бродяге, нежели Ляхам. Сей подлый неприятель еще казался опаснейшим Царю: сведав, что союзники, вызванные им из гнезда разбоев, сыновья Хана, уже близ Серпухова, Василий отрядил туда знатных мужей: Князя Воротынского,

Лыкова и чиновника Измайлова с дружиною Детей Боярских и с пушками, чтобы вести их против Самозванца: но Крымцы, встретив его в Боровском уезде, после дела кровопролитного ушли назад в степи, а Воротынский и Лыков едва спаслись бегством в Москву. Все кончилось для Василия! Снова торжествовал Самозванец; снова обратились к нему изменники и счастье. Сапегины Ляхи осадили крепкий монастырь Пафнутиев, где начальствовали верный Князь Михайло Волконский и два предателя: первый сражался как Герой; но младшие чиновники Змеев и Челищев впустили неприятеля. Волконский пал в сече над гробом Св. Пафнутия (оставив для веков память своей доблести в гербе Боровска), а Ляхи наполнили ограду и церковь трупами Иноков, стрельцов и жителей монастырских. Коломна, дотоле непоколебимая в верности, вдруг изменила, возмущенная Сотником Бобыниным. Не слушая доброго Епископа Иосифа, народ кричал, что Василию уже не быть Царем, и что лучше служить Димитрию, нежели Сигизмунду. Воеводы Коломенские, Бояре Князь Туренин и Долгорукий, в ужасе сами присягнули обманщику: также и Воевода Коширский Князь Ромодановский вместе с гражданами. Едва уцелел и Зарайск, спасенный твердостью Князя Пожарского: видя бунт жителей и не страшась ни угроз, ни смерти, он с усердною дружиною выгнал их из крепости и восстановил тишину договором, заключенным с ними, остаться верными Василию, если Василий останется Царем, или служить Царю новому, кого изберет Россия. В сем случае ревностным сподвижником Князя Дмитрия был достойный Протоиерей Никольский. Но усмирение Зарайска не отвратило губельного мятежа в столице.

Лжедимитрий спешил к Москве и расположился станом в селе Коломенском, памятном первую славою юного Князя Михаила, коего уже не имело отечество для надежды! Что мог предпринять Царь злосчастный, побежденный Гетманом и Самозванцем, угрожаемый Ляпуновым и крамолою, малодушием и зломыслием, без войска и любви народной? Рожденный не в век Катонов и Брутов, он мог предаться только в волю Божию: так и сделал, спокойно ожидая своего жребия и еще держась рукою за кормило Государственное, хотя уже и бесполезное в час гибели; еще давал повеления, не внимаемые, не исполняемые, будучи уже более зрителем, нежели действователем с того времени, как узнали в Москве о бунте или неповиновении городов, видели под ее стенами знамена Лжедимитриевы и ежечасно ждали Сигизмундовых с Гетманом. Дворец опустел: улицы и площади кипели народом; все спрашивали друг у друга, что делается, и что делать?

Ненавистники Василиевы уже громогласно требовали его свержения; кричали: «Он сел на престол без ведома земли Русской: для того земля разделилась; для того льется кровь Христианская. Братья Василиевы ядом умертвили своего племянника, а нашего отца-защитника. Не хотим Царя Василия!» *Ни Самозванца, ни Ляхов!* прибавляли многие, благороднейшие духом, следуя внушению Ляпунова Рязанского, брата его Захарии и Князя Василия Голицына. Они превозмогли числом и знатностью единомышленников; гнушаясь Лжедмитрием, думали усовестить его клеветов, чтобы усилиться их союзом, и предложили им свидание. Еще люди чиновные окружали злодея Тушинского: Князя Сицкий и Засекин, Дворяне Нагой, Сунбулов, Плещеев, Дьяк Третьяков и другие. Съехались в поле, у Даниловского монастыря, как братья; мирно рассуждали о чрезвычайных обстоятельствах Государства и вернейших средствах спасения; наконец взаимно дали клятву, Москвитяне оставить Василия, изменники предать им Лжедмитрия, избрать вместе нового Царя и выгнать Ляхов. Сей договор объявили столице брат Ляпунова и Дворянин Хомутов, выехав с сонмом единомышленников на лобное место, где, кроме черни, находилось и множество людей сановных, лучших граждан, гостей и купцев: все громким кликом изъявили радость; все казались уверенными, что новый Царь необходим для России. Но тут не было ни знатного Духовенства, ни Синклита: пошли в Кремль, взяли Патриарха, Бояр; вывели их к Серпуховским воротам, за Москвою-рекою, и в виду неприятельского стана — указывая на разъезды Лжедмитриевой конницы и на Смоленскую дорогу, где всякое облако пыли грозило явлением Гетмана — предложили им избавить Россию от стыда и гибели, избавить Россию от Шуйского; соблюдали умеренность в речах: укоряли Василия только несчастием. Говорили, что «земля Северская и все бывшие слуги Лжедмитриевы немедленно возвратятся под сень отечества, как скоро не будет Шуйского, для них ненавистного и страшного; что Государство бессильно только от разделения сил: соединится, усмирится... и враги исчезнут!» Раздался один голос в пользу закона и Царя злосчастного: Ермогенов; с жаром и твердостью Патриарх изъяснял народу, что нет спасения, где нет благословения свыше; что измена Царю есть злодейство, всегда казнимое Богом, и не избавит, а еще глубже погрузит Россию в бездну ужасов. Весьма немногие Бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйского; самые его искренние и ближние уклонились, видя решительную общую волю; сам Патриарх с горестию удалился, чтобы не быть свидетелем дела мятежного, — и сия народная Дума единодушно, единогласно

приговорила: «1) бить челом Василию, да оставит Царство и да возьмет себе в удел Нижний-Новгород; 2) уже никогда не возвращать ему престола, но блюсти жизнь его, Царицы, братьев Василиевых; 3) целовать крест всем миром в неизменной верности к Церкви и Государству для истребления их злодеев, Ляхов и Лжедмитрия; 4) всею землею выбрать в Цари, кого Бог даст; а между тем управлять ею Боярам, Князю Мстиславскому с товарищами, коих власть и суд будут священны; 5) в сей Думе Верховной не сидеть Шуйским, ни Князю Дмитрию, ни Князю Ивану; 6) всем забыть вражду личную, месть и злобу; всем помнить только Бога и Россию». В действии незаконном еще блистал призрак великодушия: щадили Царя свергаемого и хотели умереть за отечество, за честь и независимость.

Послали к Василию, еще Венценосцу, знатного Боярина, его свояка, Князя Ивана Воротынского, с главными крамольниками, Захарию Ляпуновым и другими, объявить ему приговор Думы. Дотоле тихий Кремлевский дворец наполнился людьми и шумом: ибо вслед за Послами стремилось множество дерзких мятежников и любопытных. Василий ожидал их без трепета, вспоминая, может быть, невольно о таком же стремлении шумных сонмов под его собственным предводительством, к сему же дворцу, в день расстригиной гибели!.. Захария Ляпунов, увидев Царя, сказал: «Василий Иоаннович! ты не умел Царствовать: отдай же венец и скипетр». Шуйский отвечив: «как смеешь!»... и вынул нож из-за пояса. Наглый Ляпунов, великан ростом, силы необычайной, грозил ему своею тяжкою рукою... Другие хотели сладкоречием убедить Царя к повиновению воле Божией и народной. Василий отвергнул все предложения, готовый умереть, но Венценосцем, и волю мятежников, испровергающих закон, не признавая народною. Он уступил только насилию, и был, вместе с юною супругою [17 Июля], перевезен из палат Кремлевских в старый дом своей, где ждал участия Борисова семейства, зная, что шаг с престола есть шаг к могиле.

В столице господствовало смятение, и скоро еще умножилось, когда народ сведал, что Тушинские изменники обманули Московских. Ляпунов и клеветы его немедленно объявили первым, в новом свидании с ними у монастыря Даниловского, что Шуйский сведен с престола, и что Москва, вследствие договора, ждет от них связанного Лжедмитрия для казни. Тушинцы отвечивали: «Хвалим ваше дело. Вы свергнули Царя незаконного: служите же истинному: да здравствует сын Иоаннов! Если вы клятвопреступники, то мы верны в обетах. Умрем за Димитрия!» Достоинно осмеянные злодеями,

Москвитяне изумились. Сим часом думал еще воспользоваться Ермоген: вышел к народу, молил, заклинал снова возвести Василия на Царство; но убеждениям доброго Патриарха не внимали: страшились мести Василиевой и тем скорее хотели себя успокоить.

Всеми оставленный, многим ненавистный или противный, не многим жалкий, Царь сидел под стражею в своем Боярском доме, где за четыре года пред тем, в ночном совете знаменитейших Россиян, им собранных и движимых, решилась гибель Отрепьева. Там, в следующее утро, явились Захария Ляпунов, Князь Петр Засекин, несколько сановников с Чудовскими Иноками и Священниками, с толпою людей вооруженных, и велели Шуйскому готовиться к пострижению, еще гнушаясь новым Цареубийством и считая келию надежным преддверием гроба. «Нет! — сказал Василий с твердостью: — никогда не буду Монахом» — и на угрозы отвечивал видом презрения; но смотря на многих известных ему Москвитян, с умилением говорил им: «Вы некогда любили меня... и за что возненавидели? за казнь ли Отрепьева и клеветов его? Я хотел добра вам и России; наказывал единственно злодеев — и кого не миловал?» Вопль Ляпунова и других неистовых заглушил речь трогательную. Читали молитвы пострижения, совершали обряд священный и не слышали уже ни единого слова от Василия: он безмолвствовал, и вместо его произносил страшные обеты Монашества Князь Туренин. Постригли и несчастную Царицу, Марию, также безмолвную в обетах, но красноречивую в изъявлении любви к супругу: она рвалась к нему, стенала, называла его своим Государем *милым*, Царем великим народа недостойного, ее супругом законным и в рясе Инока. Их разлучили силою: отвели Василия в монастырь Чудовский, Марию в Ивановский; двух братьев Василиевых заключили в их дома. Никто не противился насилию безбожному, кроме Ермогена: он торжественно молился за Шуйского в храмах, как за помазанника Божия, Царя России, хотя и невольника; торжественно клял бунт и признавал Иноком не Василия, а Князя Туренина, который вместо его связал себя обетами Монашества. Уважение к сану и лицу Первосвятителя давало смелость Ермогену, но бесполезную.

Так Москва поступила с Венценосцем, который хотел снискать ее и России любовь подчинением своей воли закону, бережливостию Государственною, беспристрастием в наградах, умеренностию в наказаниях, терпимостию общественной свободы, ревностию к гражданскому образованию — который не изумлялся в самых чрезвычайных бедствиях, оказывал неустрашимость в бунтах, готовность умереть верным достоинству Монаршему, и не был никогда

столь знаменит, столь достоин престола, как свергаемый с онога изменою: влекомый в келию толпою злодеев, несчастный Шуйский являлся один истинно великодушным в мятежной столице... Но удивительная судьба его ни в унижении, ни в славе, еще не совершилась!

Доселе властвовала беспрекословно сторона Ляпуновых и Голицына, решительных противников и Шуйского, и Самозванца, и Ляхов: она хотела *своего* Царя — и в сем смысле Дума писала от имени Синклита, людей приказных и воинских, Стольников, Стряпчих, Дворян и Детей Боярских, гостей и купцев, ко всем областным Воеводам и жителям, что Шуйский, *вняв челобитью земли Русской, оставил Государство и мир*, для спасения отечества; что Москва целовала крест не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодею Тушинскому; что все Россияне должны восстать, устремиться к столице, сокрушить врагов и выбрать всею землею Самодержца вождя. В сем же смысле ответствовали Бояре и Гетману Жолкевскому, который, узнав в Можайске о Василиевом низвержении, объявил им грамотою, что идет защитить их в бедствиях. «Не требуем твоей защиты, — писали они: — не приближайся, или встретим тебя как неприятеля». Но Дума Боярская, присвоив себе верховную власть, не могла утвердить ее в слабых руках своих, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежный черни. Самозванец грозил Москве нападением, Гетман к ней приближался, народ вольничал, холопы не слушались господ и многие люди чиновные, страшась быть жертвою безначалия и бунта, уходили из столицы, даже в стан к Лжедмитрию, единственно для безопасности личной. В сих обстоятельствах ужасных сторону Ляпуновых и Голицына превозмогла другая, менее лукавая: ибо ее главою был Князь Федор Мстиславский, известный добродушием и верностию, чуждый властолюбия и козней.

В то время, когда Москва без Царя, без устройства, всего более опасалась злодея Тушинского и собственных злодеев, готовых душегубствовать и грабить в стенах ее, когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человека, столь знаменитого родом и делами, чтобы оно могло возложить на него венец единодушно, с любовию и надеждою — когда измены и предательства в глазах народа унизили самых первых Вельмож и два несчастные избрания доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать в России и бороться с завистью: тогда мысль искать Государя вне отечества, как древние Новгородцы искали Князей в земле Варяжской, могла естественно представиться уму и добрых граждан. Мстиславский,

одушевленный чистым усердием — вероятно, после тайных совещаний с людьми важнейшими — торжественно объявил Боярам, Духовенству, всем чинам и гражданам, что для спасения Царства должно вручить скипетр... Владиславу. Кто мог сам и не хотел быть Венценосцем, того мнение и голос имели силу; имели оную и домогательства единомышленников Салтыкова, особенно Волуева, и наконец явные выгоды сего избрания. Жолкевский, грозный победитель, делался нам усердным другом, чтобы избавить Москву от злодеев: он писал о том (31 Июля) к Думе Боярской, вместе с Иваном Салтыковым и Волуевым, которые сообщили ей договор Тушинских Послов с Сигизмундом и новейший, заключенный Гетманом в Цареве-Займище для целости Веры и Государства. Надеялись, что Король пленится честью видеть сына Монархом Великой Державы и дозволит ему переменить Закон, или Владислав юный, еще не твердый в догматах Латинства, легко склонится к нашим и вопреки отцу, когда сядет на престол Московский, увидит необходимость единоверия для крепкого союза между Царем и народом, возмужает в обычаях Православия и, будучи уважаем как Венценосец знаменитого державного племени, будет любим как истинный Россиянин духом. Еще благородная гордость страшилась унижения взять невольню властителя от Ляхов, молить их о спасении России и тем оказать ее постыдную слабость. Еще Духовенство страшилось за Веру, и Патриарх убеждал Бояр не жертвовать Церковию никаким выгодам Государственным: уже не имея средства возратить венец Шуйскому, он предлагал им в Цари или Князя Василия Голицына или юного Михаила, сына Филаретова, внука первой супруги Иоанновой. Духовенство благоприятствовало Голицыну, народ Михаилу, любезному для него памяти Анастасии, добродетелию отца и даже тезоименитством с усопшим Героем России... Так Ермоген бессмертный предвестил ей волю Небес! Но время еще не наступило — и Гетман уже стоял под Москвою, на Сетуни, против Коломенского и Лжедмитрия: ни Голицын, крамольник в Синклите и беглец на поле ратном, ни юноша, питомец келий, едва известный свету, не обещали спасения Москве, извне теснимой двумя неприятелями, внутри волнуемой мятежом; каждый час был дорог — и большинство голосов в Думе, на самом лобном месте, решило: «принять совет Мстиславского!»

Немедленно послали к Гетману спросить, друг ли он Москве или неприятель? «Желаю не крови вашей, а блага России, — отвечал Жолкевский: — предлагаю вам державство Владислава и гибель Самозванца». Дали взаимно аманатов: вступили в переговоры, на

Девичьем поле, в шатре, где Бояре, Князя Мстиславский, Василий Голицын и Шереметев, Окольный Князь Мезецкий и Дьяки Думные Телепнев и Луговской с честью встретили Гетмана, объявляя, что Россия готова признать Владислава Царем, но с условиями, необходимыми для ее достоинства и спокойствия. Дьяк Телепнев, развернув свиток, прочитал сии условия, столь важные, что Гетман ни в каком случае не мог бы принять их без решительного согласия Королевского: Король же не только медлил дать ему наказ, но и не отвечал ни слова на все его донесения после Клушинского дела, заботясь единственно о взятии Смоленска и с гордостью являя Гетмановы трофеи, знамена и пленников, Шеину непреклонному! Жолкевский, равно смелый и благоразумный, скрыв от Бояр свое затруднение, спокойно рассуждал с ними о каждой статье предлагаемого договора: отвергал и соглашался Королевским именем. Выслушав первое требование, чтобы *Владислав крестился в нашу Веру*, он дал им надежду, но устранил обязательство, говоря: «да будет Королевич Царем, и тогда, внимая гласу совести и пользы Государственной, может добровольно исполнить желание России». Устранил, *до особенного Сигизмундова разрешения*, и другие статьи: «1) Владиславу не сноситься с Папою о Законе; 2) утвердить в России смертную казнь для всякого, кто оставит Греческую Веру для Латинской; 3) не иметь при себе более пятисот Ляхов; 4) соблюсти все титулы Царские (следственно Государя Киевского и Ливонского) и жениться на Россиянке»; но все прочее, как согласное с договором Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкевским. хотя и не вдруг: ибо он с умыслом замедлял переговоры, тщетно ожидая вестей от Короля; наконец уже не мог медлить, опасаясь нетерпения Россиян и своих Ляхов, готовых к бунту за невыдачу им жалованья, — и 17 Августа подписал следующие достопамятные условия:

«1) Святейшему Патриарху, всему Духовенству и Синклиту, Дворянам и Дьякам Думным, Стольникам, Дворянам, Стряпчим, Жильцам и городским Дворянам, Головам Стрелецким, Приказным людям, Детям Боярским, гостям и купцам, стрельцам, Козакам, пушкарям и всех чинов Служивым и *Жилецким* людям Московского Государства бить челом Великому Государю Сигизмунду, да пожалует им сына своего, Владислава, в Цари, коего все Россияне единодушно желают, целуя святой крест с обетом служить верно ему и потомству его, как они служили прежним Великим Государям Московским.

2) Королевичу Владиславу венчаться Царским венцом и диадемою от Святейшего Патриарха и Духовенства Греческой церкви, как

издревле венчались Самодержцы Российские.

3) Владиславу-Царю блюсти и чтить святые храмы, иконы и мощи целебные, Патриарха и все Духовенство; не отнимать имения и доходов у церквей и монастырей; в духовные и святительские дела не вступаться.

4) Не быть в России ни Латинским ни других исповеданий костелам и молебным храмам; не склонять никого в Римскую, ни в другие веры, и Жидам не въезжать для торговли в Московское Государство.

5) Не переменять древних обычаев. Бояре и все чиновники, воинские и земские, будут, как и всегда, одни Россияне; а Польским и Литовским людям не иметь ни мест, ни чинов: которые же из них останутся при Государе, тем может он дать денежное жалованье или поместья, не стесняя чести Московских, Боярских и Княжеских родов честию новых выходцев иноземных.

6) Жалованье, поместья и вотчины Россиян неприкосновенны. Если же некоторые наделены сверх достоинства, а другие обижены, то советоваться Государю с Боярами и сделать, что уложат вместе.

7) Основанием *гражданского правосудия быть Судебнику, коего нужное исправление и дополнение зависит от Государя. Думы Боярской и земской.*

8) Уличенных Государственных и гражданских преступников казнить единственно по осуждению Царя с Боярами и людьми Думными; имение же казненных наследуют их невинные жены, дети и родственники. Без сего торжественного суда Боярского никто не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.

9) Кто умрет бездетен, того имение отдавать ближним его или кому он прикажет; а в случае недоумения решить такие дела Государю с Боярами.

10) Доходы Государственные остаются прежние; *а новых налогов не вводить Государю без согласия Бояр*, и с их же согласия дать льготу областям, поместьям и вотчинам разоренным в сии времена смутные.

11) Земледельцам не переходить ни в Литву, *ни в России от господина к господину*, и все крепостным людям быть навсегда такими.

12) Великому Государю Сигизмунду, Польше и Литве утвердить с Великим Государем Владиславом и с Россией мир и любовь навеки и стоять друг за друга против всех неприятелей.

13) Ни из России в Литву и Польшу, ни из Литвы и Польши в Россию не переводить жителей.

14) Торговле между обоими Государствами быть свободною.

15) Королю уже не приступать к Смоленску и немедленно вывести войско из всех городов Российских; а платеж из Московской казны за убытки и на жалование рати Литовской и Польской будет уставлен в договоре особенном.

16) Всех пленных освободить без выкупа, все обиды и насилия предать вечному забвению.

17) Гетману отвести Сапегу и других Ляхов от Лжедмитрия, вместе с Боярами взять меры для его истребления, идти к Можайску, как скоро уже не будет сего злодея, и там ждать указа Королевского.

18) Между тем стоять ему с войском у Девичьего монастыря и не пускать никого из своих людей в Москву, для нужных покупок, без дозволения Бояр и без письменного вида.

19) Дочери Воеводы Сендомирского, Марине, ехать в Польшу и не именоваться Государынею Московскою.

20) Отправиться Великим Послам Российским к Государю Сигизмунду и бить челом, да крестится Государь Владислав в Веру Греческую, и да будут приняты все иные условия, оставленные Гетманом на разрешение его Королевского Величества».

Итак Россияне, быв недовольны собственным желанием Царя Василия умерить Самодержавие, в четыре года переменили мысли и хотели еще более ограничить верховную власть, уделяя часть ее не только Боярам, в правосудии и в налогах, но и *Земской* Думе в гражданском законодательстве. Они боялись не Самодержавия вообще (как увидим в истории 1613 года), но Самодержавия в руках иноплеменного, еще иноверного Монарха, избираемого в крайности, невольно и без любви, — и для того предписали ему условия, согласные с выгодами Боярского властолюбия и с видами хитрого Жолкевского, который, любя вольность, не хотел приучить наследника Сигизмундова, будущего Монарха Польского, к беспредельной власти в России.

Утвердив договорную грамоту подписями и печатями — с одной стороны, Жолкевский и все его чиновники, а с другой, Бояре — звали народ к присяге. Среди Девичьего поля, в сени двух шатров великолепных, стояли два олтаря, богато украшенные; вокруг олтарей Духовенство, Патриарх, святители с иконами и крестами за Духовенством Бояре и сановники, в одеждах блестящих серебром и золотом; далее бесчисленное множество людей, ряды конницы и пехоты, с распущенными знаменами, Ляхи и Россияне. Все было тихо и чинно. Гетман с своими Воеводами вступил в шатер, приблизился к олтарю, положил на него руку и дал клятву в верном соблюдении

условий, за Короля и Королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и войско. Тут два Архиерея, обратясь к Боярам и чиновникам, сказали громогласно: «Волею Святейшего Патриарха, Ермогена, призываем вас к исполнению торжественного обряда: целуйте крест, вы, мужи Думные, все чины и народ, в верности к Царю и великому Князю Владиславу Сигизмундовичу, ныне благополучно избранному, да будет Россия, со всеми ее жителями и достоянием, его наследственной державою!» Раздался звук литавр и бубнов, гром пушечный и клик народный: «Многие лета Государю Владиславу! Да Царствует с победою, миром и счастьем!» Тогда началась присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числом не менее трехсот тысяч, как уверяют, целовали крест с видом усердия и благоговения. Тогда изменники прежние, Иван Салков, Волуев и клеветы их, ревностные участники и главные пособники договора, обнялись с Москвитянами, уже как с братьями в общей измене Василию и в общем подданстве Владиславу!.. Гонцы от Думы Боярской спешили во все города, объявить им нового Царя, конец смятениям и бедствиям; а Гетман великолепным пиром в стане угостил знатнейших Россиян и каждого из них одарил щедро, раздав им всю добычу Клушинской битвы, коней азиатских, богатые чаши, сабли, и не оставив ничего драгоценного ни у себя, ни у своих чиновников, в надежде на сокровища Московские. Первый Вельможа, Князь Мстиславский, отплатил ему таким же роскошным пиром и такими же дарами богатыми.

Одним словом, умный Гетман достиг цели — и Владислав, хотя только Москвою избранный, без ведома других городов, и следственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, как вероятно, Царем России и переменял бы ее судьбу ослаблением Самодержавия — переменял бы тем, может быть, и судьбу Европы на многие веки, если бы отец его имел ум Жолкевского!

Но еще крест и Евангелие лежали на олтарях Девичьего поля, когда вручили Гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Федором Андроновым, Печатником и Думным Дьяком, усердным слугою Ляхов, изменником Государства и Православия: Сигизмунд писал к Гетману, чтобы он занял Москву именем Королевским, а не Владиславовым; о том же писал к нему и с другим, знатнейшим Послом, Госевским. Гетман изумился. Торжественно заключить и бесстыдно нарушить условия; вместо юноши беспорочного и любезного представить России в Венценосцы старого, коварного врага ее, виновника или питателя наших мятежей, известного ревнителя Латинской Веры и братства

иезуитского; действовать одною силою с войском малочисленным против целого народа, ожесточенного бедствиями, озлобленного Ляхами, казалось Гетману более, нежели дерзостью — казалось безумием. Он решился исполнить договор, утаить волю Королевскую от Россиян и своих сподвижников, сделать требуемое честью и благом Республики, вопреки Сигизмунду и в надежде склонить его к лучшей Политике.

Согласно с договором, надлежало прежде всего отвлечь Ляхов от Самозванца. Сей злодей думал ослепить Жолкевского разными льстивыми уверениями: клялся Царским словом выдать Королю 300000 злотых и в течение десяти лет ежегодно платить Республике столько же, а Королевичу 100000 — завоевать Ливонию для Польши и Швецию для Сигизмунда — не стоять и за Северскую землю, когда будет Царем; но Жолкевский, известив Сапегу, что Россия есть уже Царство Владислава, убеждал его присоединиться к войску Республики, а бродягу упасть к ногам Королевским, обещая ему за такое смирение Гродно или Самбор в удел. Послы Гетмановы нашли Лжедмитрия в Обители Угрешской, где жила Марина: выслушав их предложение, он сказал: «хочу лучше жить в избе крестьянской, нежели милостию Сигизмундовою!» Тут Марина вбежала в горницу; пылая гневом, злословила, поносила Короля и с насмешкою примолвила: «Теперь слушайте *мое* предложение: пусть Сигизмунд уступит Царю Димитрию Краков и возьмет от него, в знак милости, Варшаву!» Ляхи также гордились и не слушали Гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вместе с Князем Мстиславским и пятнадцатью тысячами Москвитян, выступил против своих мятежных единоплеменников. Уже начиналось и кровопролитие; но малочисленное и худое войско Лжедмитриево не могло обещать себе победы: Сапега выехал из рядов, снял шапку пред Жолкевским, дал ему руку в знак братства — и чрез несколько часов все усмирилось. Ляхи и Россияне оставили Лжедмитрия: первые объявили себя до времени слугами Республики; последние целовали крест Владиславу, и между ими Бояре Князь Туренин и Долгорукий, Воеводы Коломенские; а Самозванец и Марина ночью (26 Августа) ускакали верхом в Калугу, с Атаманом Заруцким, с шайкою Козаков, Татар и Россиян немногих.

Гетман действовал усердно: Бояре усердно и прямодушно. Началось беспрекословно Царствование Владислава в Москве и в других городах: в Коломне, Туле, Рязани, Твери, Владимире, Ярославле и далее. Молились в храмах за Государя нового; все указы писались, все суды производились его именем; спешили изобразить оное на

медалях и монетах. Многие радовались искренно, алкая тишины после таких мятежей бурных. Многие — и в их числе Патриарх — скрывали горечь, не ожидая ничего доброго от Ляхов. Всего более торжествовали старые изменники Тушинские, первые имев мысль о Владиславе: Михайло Салтыков, Князь Рубец-Мосальский и Федор Мещерский, Дворяне Кологривов, Василий Юрьев, Молчанов, быв дотоле у Сигизмунда, явились в столице с видом лицемерного умиления, как бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь к отечеству, им возвращаемому милостию Божиею, их невинностию и добродетелию. Они целою толпою пришли в храм Успения и требовали благословения от Ермогена, который, велев удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародею, сказал другим: «Благословляю вас, если вы действительно хотите добра Государству; но еси вы Ляхи душою, лукавствуете и замышляете гибель Православия, то клянущ вас именем Церкви». Обливаясь слезами, Михайло Салтыков уверял, что Государство и Православие спасены навеки — уверял, может быть, непритворно, желая, чего желала столица вместе с знатною частию России: Владиславова Царствования на заключенных условиях. Сам Гетман не имел иной мысли, ежедневными письмами убеждая Сигизмунда не разрушать дела, счастливо совершенного добрым Гением Республики, а Бояр Московских пленя изображением златого века России под державою Венценосца юного, любезного, готового внимать их мудрым наставлениям и быть сильным единственно силою закона. Жолкевский не хотел явно властвовать над Думою, довольствуясь единственно внушениями и советами. Так он доказывал ей необходимость изгладить в сердцах память минувшего общим примирением, забыть вину клеветов Самозванца, оставить им чины и дать все выгоды Россиян беспорочных. Бояре не согласились, ответствуя: «возможно ли слугам обманщика равняться с нами?»... и *сделали неблагоразумно*, как мыслил Жолкевский: ибо многие из сих людей, оскорбленные презрением, снова ушли к Самозванцу в Калугу. Но Гетман умел выслать из Москвы двух человек, опасаясь их знаменитости и тайного неудовольствия: Князя Василия Голицына, одобренного Духовенством искателя Державы, и Филарета, коего сыну желали венца народ и лучшие граждане: оба, как устроил Гетман, должны были в качестве великих Послов ехать к Сигизмунду, чтобы вручить ему хартию Владиславова избрания, а Владиславу утварь Царскую, требовать их согласия на статьи договора, не решенные Гетманом, и между тем служить Королю аманатами; ответственность своею головою за верность

Россиян! Товарищами Филарета и Голицына были Окольничий Князь Мезецкий, Думный Дворянин Сукин, Дьяки Луговский и Сыдавный-Васильев, Архимандрит Новоспасский Евфимий, Келарь Лавры Авраамий, Угрешский Игумен Иона и Вознесенский Протоиерей Кирилл. Отпев молебен с коленопреклонением в соборе Успенском, дав Послам благословение на путь и грамоту к юному Владиславу о величии и Православии России, Ермоген заклинал их не изменять церкви, не пленяться *мирскою лестию* — и ревностный Филарет с жаром произнес обет умереть верным. Сие важное, великолепное Посольство, сопровождаемое множеством людей чиновных и пятьюстами воинских, выехало 11 Сентября из Москвы... а чрез десять дней Ляхи были уже в стенах Кремлевских!

Таким образом случилось первое нарушение договора, по коему надлежало Гетману отступить к Можайску. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россиян и желая скорее иметь все в руках своих, Гетман склонил не только Михаила Салтыкова с Тушинскими изменниками, но и Мстиславского, и других Бояр легкоумных, хотя и честных, требовать вступления Ляхов в Москву для усмирения мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедмитрия. Не слушали ни Патриарха, ни Вельмож благоразумнейших, еще ревностных к Государственной независимости. Впустили иноземцев ночью; велели им свернуть знамена, идти безмолвно в тишине пустых улиц, — и жители на рассвете увидели себя как бы пленниками между воинами Королевскими: изумились, негодовали, однако ж успокоились, веря торжественному объявлению Думы, что Ляхи будут у них не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояние Владиславовых подданных. Сии мнимые хранители заняли все укрепления, башни, ворота в Кремле, Китае и Белом городе; овладели пушками и снарядами, расположились в палатах Царских и в лучших домах целыми дружинами для безопасности. По крайней мере не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновников, для доставления запасов войску, и судей, для разбора всяких жалоб. Гетман властвовал, но только указами Думы; изъявлял снисходительность к народу, честил Бояр и Духовенство. Дворец Кремлевский, где пили и веселились сонмы иноплеменных ратников, уподоблялся шумной гостинице; Кремлевский дом Борисов, занятый Жолкевским, представлял благолепие истинного дворца, ежечасно наполняясь, как в Феодорово время, знатнейшими Россиянами, которые искали там совета в делах отечества и милостей личных: так Гетман именем Царя Владислава дал первому Боярину, Князю Мстиславскому,

не хотевшему быть Венценосцем, сан *Конюшего* и *Слуги*. Утратив честь, хвалились тишиною, даром умного Жолкевского! Довольные тем, что он не впустил Сапеги с шайками разбойников в столицу, выдав ему из Царской казны 10000 злотых и склонив его идти на зиму в Северскую землю, Россияне спокойно видели несчастного Василия в руках Ляхов: вопреки намерению Бояр удалить сего невольного Инока в Соловки, Гетман послал его с Литовскими Приставами в Иосифовскую обитель, чтобы иметь в нем залог на всякий случай. Россияне снесли также избрание Ляха Госевского в предводители осьмнадцати тысяч Московских стрельцов, которые со времен расстриги, едва не спасенного ими, уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменников: Госевский снискал их любовь ласкою, щедростию и пирами. «Упорствовал в зложелательстве к нам, — пишут Ляхи, — только осьмидесятилетний Патриарх, боясь Государя иноверного; но и его, уже хладное, загрубелое сердце смягчалось приветливостию и любезным обхождением Гетмана, в частых с ним беседах всегда хвалившего Греческую Веру, так что и Патриарх казался наконец искренним ему другом». Ермоген был другом единственно отечества, и в глубокой старости еще пылал духом, как увидим скоро! Утвердив спокойствие в Москве, и заняв отрядами все города Смоленской дороги для безопасного сношения с Королем, Гетман ждал нетерпеливо вестей из его стана; ждал согласия души слабой на дело смелое, великое — и решительно уверял Бояр в немедленном прибытии к ним Владислава... Но Судьба, благословенная для России, влекла ее к другому назначению, готовя ей новые искушения и новые имена для бессмертия!

Как несчастный Царь Василий с своими братьями завидовал Князю Михаилу Шуйскому, так Сигизмунд с своими Панами завидовал Гетману, хотя слава обоих великих мужей была славою их отечества и Государя: ослепление страстей, удивительное для разума, и тем не менее обыкновенное в действиях человеческих! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкие и друзья их, говорили Королю: «Не успехи случайные, но правила твердые, внушаемые зрелою мудростию, должны быть нам руководством в деле столь важном. Извлекая меч, ты, Государь, объявил, что думаешь единственно о благе Республики: теперь, имея случай распространить ее владения, можешь ли упустить его только для чести видеть сына на престоле Московском? Отдашь ли пятнадцатилетнего юношу, без советников и блюстителей, в руки людей упоенных духом мятежа и крамолы? Что отвечает за их верность и безопасность сего престола, облианного кровию? Не скажет

ли народ твой, ревнитель свободы, что ты пленяешься властью Самодержавною? Если же Царство Российское столь завидно, то, взяв Смоленск, иди в Москву, и собственною рукою, как победитель, возьми ее державу!» Хотя рассудительные Вельможи, Лев Сапега и другие, умоляли Короля немедленно принять договор Гетманов, немедленно отпустить Владислава в Москву, дать ему Жолкевского в наставники и легион Поляков в блюстители, обогатить казну Республики казною Царскою, удовлетворить ею всем требованиям войска, — наконец утвердить вечный союз Литвы с Россиею; но Король следовал мнению первых советников: хотел сам быть Царем или завоевателем России — и в сем расположении ждал Послов Московских, Филарета и Голицына, коих личное избрание — то есть, удаление — должно было содействовать видам хитрого Гетмана, но обратилось единственно во славу их великодушной твердости, без пользы для Литвы, без пользы и для России, кроме чести иметь таких мужей Государственных!

Менее других веря Гетману, или Сигизмунду, они еще с дороги известили Думу, что вопреки условиям Ляхи грабят в уездах Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмунд велит Дворянам Российским присягать ему и Владиславу вместе, обещая им за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидели Смоленск и стан Королевский, куда их не впустили: указали им место на пустом берегу Днепра, где они расположились в шатрах терпеть ненастье, холод и голод... Те, которые предлагали Царство Владиславу, требовали пищи от Сигизмунда, жалуясь на бедность, следствие долговременных опустошений и мятежей в России; а Вельможи Литовские отвечали: «Король здесь на войне, и сам терпит нужду!» Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицын, Мезецкий и Дьяки, — один за другим, как обыкновенно — торжественными речами изъяснили вину своего Посольства и, сказав, что Шуйский добровольно оставил Царство, именем России били челом о Владиславе. Вместо Короля гордо отвечивал Канцлер Сапега: «Все вечный *Бог богов* назначил степени для Монархов и подданных. Кто дерзает возноситься выше звания, того он казнит и низвергает: казнил Годунова и низвергнул Шуйского, Венценосцев, рожденных слугами!.. Вы узнаете волю Королевскую». И чрез несколько дней объявили им сию волю!

Как ни важны были статьи договора, устраненные Жолкевским; хотя Патриарх и Бояре в наказе, данном Послам, велели им неотступно «требовать и *молить слезно*, чтобы Королевич — находившийся тогда в Литве — принял Греческую Веру от Филарета и Смоленского Епископа, ехал в Москву уже Православный и тем отвратил соблазн,

нетерпимый и в Польше, где Государи должны быть всегда одной Веры с народом»: но Царствование Владислава зависело единственно от согласия Королевского на статьи, утвержденные Гетманом: ибо Россияне целовали крест первому без всякой оговорки, довольствуясь *надеждою* склонить его к своему Закону уже в Царском сане. Главным делом для Послов было возвратиться в Москву с Владиславом, *дать отца сиротам*, жизнь, душу составу Государственному, полумертвому без Государя... И что же? Вельможи Королевские объявили им в самом начале переговоров, что Владислав малолетний не может устроить Царства смятенного; что Сигизмунд должен прежде утишить оное и занять Смоленск, будто бы преклонный к Лжедимитрию. Послы отвечали: «Королевич молод, но Бог устроит Державу разумом его и счастием, нашим радением и вашими советами, Вельможи Думные. Смоленск не имеет нужды в воинах иноземных: оказав столько верности во времена самые бедственные, столько доблести в защите против вас, изменит ли чести ныне, чтобы служить бродяге? Ручаемся вам душами за Боярина Шеина и граждан: они искренне, вместе с Россиею, присягнут Владиславу». *Для чего же и не Сигизмунду?* возразили Паны: *Государи суть земные Боги, и воля их священна. Вы оскорбляете Короля своим недоверием) дерзая разделять отца с сыном: Смоленск должен присягнуть им обоим*. Филарет и Голицын изумились. «Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда, — сказали они, — и вы, избрав Шведского принца в Короли, не целовали креста родителю его, Иоанну». *Сравнение нелепое*, воскликнули Паны: *Иоанн не спасал нашей Республики, как Сигизмунд спасает Россию: ибо, взяв Смоленск, древнюю собственность Литвы, пойдет с войском к Калуге, чтобы истребить Лжедимитрия и тем успокоить Москву, где еще не все жители усердствуют Королевичу, — где много людей зломысленных и мятежных*. «Нет надобности Сигизмунду, — говорили Послы, — и для Великого Монарха унижительно идти самому против злодея Калужского: пусть велит только Жолкевскому соединиться с Россиянами, чтобы общими силами истребить его, как уставлено в договоре! Поход Королевский внутрь Государства разоренного еще умножил бы зло. Ты, Лев Сапега, бывал в России; знал ее богатство, многолюдство, цветущие города и селения: ныне осталась единственно тень их, пепелища, обгорелые стены; жители изгибли, отведены пленниками в Литву, разбежались в иные земли... А кто виною? ваши грабители еще более, нежели самозванцы: да удалятся же навеки, и Россия будет, что была, — по крайней мере в течение времени. Гнусный Лжедимитрий и без вашего содействия исчезнет.

Упорнейшие из клеветов Тушинских и целые города, обольщенные именем Димитрия, возвратились под сень отечества, как скоро услышали о новом Царе законном. Вы говорите о Московских мятежниках: их не знаем, видеv собственными глазами, что все, *от мала до велика*, и там и в других городах целовали крест Владиславу с живейшею радостью. Нет, Синклит и народ немедленно казнили бы первого, кто дерзнул бы изменить святому обету верности. Одним словом, исполните только договор, утвержденный клятвою Гетмана от имени Короля и Республики. Дело было кончено, к обоюдному удовольствию: не вымышляйте нового, *чтобы нашедши не потерять и не каяться*. В случае вероломства, какие откроются бедствия! Вы знаете, что Государство Московское обширно: еще не все разрушено, не все пало; есть Новгород Великий, многолюдная земля Поморская и Низовая; есть Царство Казанское, Астраханское и Сибирское! Не снесут обмана и восстанут... Господь да спасет и вас и нас от следствий ужасных!»

Послы велели Дьяку читать Гетмановы условия: Паны не хотели слушать; но вдруг как бы одумались и, ссылаясь на сей договор, требовали миллионов в уплату жалованья Королевскому и даже Сапегину войску. «За то ли, — спросил Голицын, — что Сапега, клевет низкого злодея, обнажил наши церкви, иконы, гробы Святых и пил кровь Христиан? Да и войско Королевское что сделало и делает в России? губит людей и достояние; какое право на мзду и благодарность? Но когда успокоится держава, тогда Царь Владислав, Патриарх, Бояре и чины Государственные условятся с Сигизмундом о вознаграждении ваших убытков. Договор помним; хотели напомнить его вам, и спрашиваем дает ли Король сына на престол Московский?»... *Жалуется*, сказали наконец Паны (Октября 23). Тут Филарет, Голицын, Мезецкий встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое Царствование Владислава; а Лев Сапега в ответ на статьи, не решенные Гетманом, объявил Королевским именем: 1) что в *крещении* и женитьбе Владислава *волен Бог и Владислав*, 2) что он не будет сноситься о Вере с папою; 3) что смертная казнь для отметников Греческого исповедания в России утверждается; 4) что о числе Ляхов, коим быть при особе Царя, Послы могут условиться с ним самим; 5) что все иные желания и требования Россиян предложатся Сейму в Варшаве, где, *с его согласия*, Король *даст* им сына в Цари, но *прежде заняв Смоленск, истребив Лжедимитрия и совершенно у мирив Россию* ... Тут исчезла радость Послов! Паны изъясняли им, что если бы Сигизмунд, не сделав ничего,

выступил из России, то вольные Ляхи и Козаки, числом не менее восьмидесяти тысяч в ее пределах, соединились бы с Лжедмитрием; что Король хочет Смоленска не для себя, а для Владислава: ибо оставит ему все в наследство, и Литву и Польшу; что Смоленские граждане должны присягнуть Королю единственно из чести! Но Филарет и Голицын, видя намерение Сигизмунда только манить Россию Владиславом и взять ее себе в добычу или раздробить, выразили негодование столь сильно, что гневные Паны уже не хотели говорить с ними, воскликнув: «Конец терпению и Смоленску! На вас будет его пепел и кровь жителей!»

О сем худом успехе Посольства сведения в Москве с равною горестию и Бояре благонамеренные и Гетман честолюбивый, который, все еще уверяя их в непременно исполнении своего договора, решился употребить крайнее средство: оставить Москву, только им утишаемую, и лично объясниться с Королем. Сами Россияне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностям безначалия и мятежей. Пожав руку у Князя Мстиславского, он сказал ему: «Еду довершить мое дело и спокойствие России»; а Ляхам: «Я дал слово Боярам, что вы будете вести себя примерно для вашей собственной безопасности; поручаю вам Царство Владислава, честь и славу Республики». Преемникам его, то есть истинным градоначальникам Москвы, надлежало быть Ляху Госевскому, с усердною помощью Михайла Салтыкова и Дьяка Федора Андропова, названного Государственным казначеем. Устроив все для хранения тишины, Жолкевский сел в колесницу и тихо ехал Москвою, провождаемый Синклитом и толпами жителей. Улицы и кровли домов были наполнены людьми. Везде раздавались громкие клики: желали ему счастливого пути и скорого возвращения! Сие торжество Гетманово ознаменовалось делом бесславнейшим для Боярской Думы: она выдала бывшего Царя своего иноплеменнику! Жолкевский взял с собою двух братьев Василиевых — и народ Московский любопытно смотрел, как их везли в особенных колесницах пред Гетманом! Жене Князя Дмитрия Шуйского дозволили ехать с мужем; а несчастную Царицу удалили в Суздальскую Девичью Обитель. Гетман заехал в Иосифов монастырь, взял там самого Василия и в мирской, Литовской одежде, как узника, повез к Сигизмунду! «О время стыда и бесчувствия! — восклицает современник: — Мы забыли Бога! Какой ответ дадим ему и людям? Что скажем чужим Государствам себе в оправдание, самовольно отдав Царство и Царя в плен иноверным? Не многие злодействовали; но мы видели и терпели, не имев великодушия

умереть за добродетель». Так лучшие Россияне скорбели внутренне, и в искреннем негодовании готовились, еще не зная и не думая, к восстанию отчаянному: час приближался!

Гетмана встретили пышно Воеводы Королевские и Сенаторы; говорили ему речи и славили его как Героя. Жолкевский, вместе с трофеями, представил Сигизмунду и своего державного пленника в богатой одежде. Все взоры устремились на Василия, безмолвного и неподвижного. Хотели, чтобы он поклонился Королю: Царь *Московский*, отвечив Василий, *не кланяется Королям. Судьбами Всевышняго я пленник, но взят не вашими руками: выдан вам моими подданными изменниками*. «Его твердость, величие, разум заслужили удивление Ляхов, — говорит Летописец: — и Василий, лишенный венца, сделался честью России». Он еще имел нужду в сей твердости, чтобы великодушно сносить неволю, и тем заплатить последний долг отечеству в удостоверение, что оно могло без стыда именовать его четыре года своим Венценосцем!.. Изъявив Гетману благодарность за мнимую славу иметь такого пленника и за мнимое взятие Москвы, Король не хотел однако ж утвердить его договора. Напрасно Жолкевский доказывал, грозил: доказывал, что воцарением Королевича Московская и Польская держава будут навеки единою к их обоюдному счастью и что никогда первая не признает Сигизмунда Царем; грозил новою, жестокою, необозримою в бедствиях войною. Считая Гетмана пристрастным к своему делу и жадным к личной славе, Сигизмунд не верил ему; твердил, что занятие Смоленска необходимо для блага Республики и для его Королевской чести; наконец велел самому Жолкевскому склонять Послов Московских к уступчивости миролюбивой.

С отчаянием в сердце Гетман должен был исполнить Королевскую волю; но, властвуя над собою, в переговорах с Филаретом и Голицыным казался убежденным в ее справедливости, и требовал от них Смоленска единственно в залог временный, для безопасного сообщения войска Сигизмундова с Литвою. «Вы боялись, — сказал он, — впустить нас и в Москву; а впустив, радовались! Не упорствуйте, или договор, заключенный мною с вами, столь благонамеренный, столь благословенный для обеих держав, уничтожится неминуемо. Король думает, что не взять Смоленска есть для него бесчестие; возьмет силою, и только из уважения к моему ходатайству медлит: секира лежит у корня!» Не хотели дать времени Послам списаться с Москвою, говоря: «не Москва указывает Королю, а Король Москве»; требовали неукоснительного решения. В сих обстоятельствах Филарет и Князь

Голицын советовались с чиновниками и Дворянами Посольскими; желали знать мнение и *Смоленских* Детей Боярских, которые приехали с ними, усердно служив Шуйскому до его низвержения. Все ответствовали: «Не вводить в Смоленск ни единого Ляха. Если Король дерзнет лить кровь, то она будет на нем, вероломном; им, не вами священный договор рушится». Дети Боярские примолвили: «Наши матери и жены в Смоленске: пусть там гибнут; но города верного не отдавайте Ляхам. И знайте, что вы не можете отдать его: защитники Смоленские не послушаются вас как изменников». С твердостью отказав Панам, Филарет и Голицын еще *слезно* заклинали их не испровергать дела Гетманова и быть навеки братьями Россиян; но тщетно! 24 Ноября Ляхи, новым подкопом взорвав Грановитую башню и часть городской стены, с Немцами и Козаками устремились к Смоленской крепости; приступали три раза и были славно отражены Шеиным, в глазах Сигизмунда, Гетмана и наших Послов!.. Еще переговоры длились, хотя и бесполезно. Послы Российские жили в тесном заключении: им не позволяли писать в Смоленск; мешали сношениям их с Москвою и с другими городами, так что они долгое время не имели никаких вестей, никаких предписаний от Думы Боярской, слыша единственно от Панов, что Шведы воюют Россию, и Самозванец усиливается в Калуге, ожидая к себе Крымцев и Турков в сподвижники; что Король Датский готовится взять Архангельск; что все восстают, все идут на Россию; что она гибнет и может быть спасена только великодушным Сигизмундом.

Россия действительно гибла и могла быть спасена только Богом и собственною добродетелию! Столица, без осады, без приступа взятая иноплемениками, *казалась* нечувствительною к своему уничтожению и стыду. Бояре сидели в Думе и писали указы, но слушаясь Госевского, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договор Гетманов и предвидя следствия, употреблял все нужные меры для своей безопасности: высылал стрельцов из Москвы, чтобы уменьшить в ней число людей ратных; велел истребить все рогатки на улицах; запретил жителям носить оружие, толпиться на площадях, выходить ночью из домов, и везде усилил стражу. Выгнали Дворян и богатейших купцов из Китая и Белого города за вал деревянного, чтобы в их домах поместить Немцев и Ляхов. Однако ж благоразумные предписания Гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали без милосердия. Один Лях выстрелил в икону Богородицы, другой обесчестил девицу: их судили, и первого сожгли, а второго высекли кнутом. Еще тишина

Царствовала, и Москвитяне пировали с Ляхами, скрывая взаимное опасение и неприязнь, называясь братьями *и нося камень за пазухою*, как говорит Историк-очевидец. Ляхи не верили терпению Россиян, а Россияне доброму намерению Ляхов, видя их незаконное господство в столице, угодное только немногим знатым крамольникам: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другим Тушинским злодеям, которые хотя и предлагали иноплеменнику условия благовидные для нашей свободы, но вместо Владислава готовы были отдать Россию и Сигизмунду без всяких условий, чтобы под его державою спастись от праведной казни. Сильные мечем Ляхов, они законодательствовали в робкой Думе, утверждая Князя Мстиславского и других Бояр слабых в надежде, что Сигизмунд даст им сына в Цари, невзирая на свою медленность и требования несправедливые. Прошло около двух месяцев. Дума знала, что наши Послы живут у Короля в неволе; знала о приступе Ляхов к Смоленску и все еще ждала Владислава! Долго молчал, Король написал к ней, что он не продаст России в жертву злодею Калужскому и гнусным его сообщникам: должен искоренить их, смирить мятежный Смоленск — и тогда возвратится в Литву, чтобы на Сейме, в присутствии наших Послов, утвердить договор Московский. Между тем Король *от собственного имени* давал указы Думе о вознаграждении Бояр и сановников, к нему усердных: Салтыковых, Мосальского, Хворостинина, Мещерского, Долгорукого, Молчанова, Печатника Грамотина и других, разоренных Шуйским: жаловал чины и места, земли и деньги; одним словом, уже действовал как Властелин России, не имея ни тени права, — и Дума уважала его волю, как будто бы нераздельную с волею Царя малолетнего! И люди знатные ездили из Москвы в стан Королевский, просить милостей, равно незаконных и срамных!.. Уже народ, менее Думы терпеливый, изъявлял досаду, не видя Владислава, и Бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпению без отлагательства и без Сейма: о Владиславе не было слуха, а Король заботился единственно о взятии Смоленска!

В таком положении могла ли столица с ее мнимым правительством быть главою и душою Государства? Все волновалось в неустройстве, без связи в частях целого, без единства в движениях. Областные жители, присягнув Королевичу, с неудовольствием слышали о господстве Ляхов в столице, с негодованием видели их чиновников, разосланных Гетманом и Госевским для собрания дани на жалованье Королевскому войску. Везде кричали: «Мы присягали Владиславу, а не Гетману и не Госевскому!» Жалобы еще удвоились от неистовства

Ляхов, которые вели себя благоразумно в одной Москве: презирая договор, они не только не выходили из наших городов, не только самовольствовали в них и грабили, но и жгли, мучили, убивали Россиян. Где нет защиты от правительства, там нет к нему и повиновения. Новгородцы затворили ворота и долго не хотели впустить Боярина Ивана Салтыкова, известного друга Гетманова, присланного к ним Думою с дружинами стрельцов, чтобы выгнать Шведов из северной России: ибо союзник Делагарди, после несчастной Клушинской битвы отступая к финляндским границам, уже действовал как неприятель; занял Ладогу, осадил Кексгольм и с горстиею воинов мыслил отнять Царство у Владислава, сам собою, без ведома Карлова, тожественно предлагая одного из Шведских Принцев нам в Государи. Дав клятву Новгородцам не вводить к ним ни одного Ляха, Салтыков убедил их, как подданных Владиславовых, содействовать ему в изгнании Шведов и в усмирении мятежников: вытеснил первых из Ладоги, но не мог выгнать из России, — ни смирить Пскова, где еще Царствовало имя Лжедмитрия, и где злодействовал Лисовский, торгуя добычею разбоев и святотатства, пируя с жителями как с братьями и грабя их как неприятель. Великие Луки, занятые его сподвижником, изменником Просовецким, Яма, Иваньгород, Копорье, Орешек также упорствовали в верности к Самозванцу, от ненависти к Ляхам. Сия ненависть произвела тогда еще новую, разительную измену. Знаменитая именем Царства, Казань, в счастливейшие дни Тушинского злодея быв верною Москве, вдруг пристала к нему, уже почти всеми отверженному и презренному! Ее чернь и граждане, сведав о вступлении Гетмана в столицу, возмутились; объявили, что лучше хотят служить Калужскому *Царику*, нежели зловерной Литве, и целовали крест Лжедмитрию, следуя внушению лазутчиков и слуг его, которые были им тогда посланы в Астрахань и находились в Казани. Воевода, славный любимец Иоаннов, Бельский, уговаривал народ не присягать ни Владиславу, ни Лжедмитрию, а *будущему* Венценосцу Московскому, без имени; стыдил, заклинал — и был жертвою яростной черни, подстрекаемой Дьяком Шульгиным: Бельского схватили, кинули с высокой башни и растерзали — того, кто служил шести Царям, не служа ни отечеству, ни добродетели; лукавствовал, изменял... и погиб в лучший час своей Государственной жизни как страдалец за достоинство народа Российского! Другой Воевода Казанский, Боярин Морозов, и люди чиновные не дерзнули противиться ослепленным гражданам и вместе с ними писали к жителям Северных областей, что Москва сделалась Литвою, а Калуга столицею отечества; что имя

Дмитрия должно соединить всех истинных Россиян для восстановления Государства и Церкви. Но Казанцы присягнули уже тени!

Никем не тревожимый в Калуге и до времени нужный Сигизмунду как пугалище для Москвы, Самозванец, имея тысяч пять Козаков, Татар и Россиян, еще грозил и Москве и Сигизмунду, мучил Ляхов, захватываемых его шайками в разъездах, и говорил: «Христиане мне изменили: итак, обращусь к Магометанам; с ними завоюю Россию, или не оставлю в ней камня на камне: доколе я жив, ей не знать покоя». Он думал, как пишут, удалиться в Астрахань, призвать к себе всех Донцов и Ногаев, основать там новую Державу и заключить братский союз с Турками! Между тем веселился, безумствовал и, хваляся дружбою Магометан, то ласкал, то казнил их, на свою гибель. Судьба его решилась незапно. Хан или Царь касимовский Ураз-Магмет во время Лжедмитриевого бегства из Тушина не пристал ни к Ляхам, ни к Россиянам, и с новым усердием явился к нему в Калуге: но сын Ханский донес, что отец его мыслит тайно уехать в Москву, — и Лжедмитрий, без всякого исследования, велел палачам своим Михайлу Бутурлину и Михневу умертвить несчастного Ураз-Магмета и кинуть в Оку; а Князя Ногайского Петра Араслана Урусова, хотевшего мстить сыну-клеветнику, посадил в темницу. Через несколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцем, Араслан уже пылал злобою непримиримую и, выехав с ним на охоту (Декабря 11), в месте уединенном прострелил его насквозь пулею, сказав: «я научу тебя топить Ханов и сажать Мурз в темницу», отсек ему голову и с Ногаями ушел в Тавриду, прославив себя злодейским истреблением злодея, который едва не овладел обширнейшим Царством в мире, к стыду России не имев ничего, кроме подлой души и безумной дерзости.

С вестью о сем убийстве прискакал в Калугу шут Лжедмитриев, Кошелев, быв свидетелем оногo. Сделалось страшное смятение. Ударили в набат. Марина отчаянная, полунагая, ночью с зажженным факелом бегала из улицы в улицу, требуя мести — и к утру не осталось ни единого Татарина живого в Калуге: их всех, хотя и невинных в Араслановом деле, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный труп Лжедмитриев с честью предали земле в Соборной церкви, и Марина, в отчаянии не теряя ни ума, ни властолюбия, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила... сына, торжественно крещенного и названного Царевичем Иоанном, к живейшему удовольствию народа. Готовился новый обман; но Россияне чиновные, которые еще находились между последними

клеветами Самозванца: Князь Дмитрий Трубецкой, Черкасский, Бутурлин, Микулин и другие, уже не хотели служить ни срамной вдове двух обманщиков, ни ее сыну, действительному или мнимому; целовали крест Государю законному, тому, кто волею Божию и всенародною утвердился на Московском престоле; дали знать о сем Думе Боярской; овладели Калугою и взяли Марину под стражу.

Россия, казалось, ждала только сего происшествия, чтобы единодушным движением явить себя еще не мертвою для чувств благородных: любви к отечеству и к независимости Государственной. Что может народ в крайности уничтожения без Вождей смелых и решительных? Два мужа, избранные Провидением начать великое дело... и быть жертвою оною, бодрствовали за Россию: один старец ветхий, но адамант Церкви и Государства — Патриарх Ермоген; другой, крепкий мышцею и духом, стремительный на пути закона и беззакония — Ляпунов Рязанский. Первому надлежало увенчать свою добродетель: второму примириться с добродетелию. Ляпунов враждовал, Ермоген усердствовал несчастному Шуйскому: новые бедствия отечества согласили их. Оба, уступив силе, признали Владислава, но с условием — и не безмолвствовали, когда, нарушая договор, Гетман овладел столицею. Сигизмунд давал указы от своего имени и громил Смоленск, а Ляхи злодействовали в мнимом Владиславовом Царстве. Ляпунов знал все, что делалось в Королевском стане, где находился его брат в числе Дворян с Филаретом и Голицыным. Сей человек дерзкий и лукавый — известный Захария, один из главных виновников Василиева низвержения, в личине изменника пировал с Вельможными Панами, грубо смеялся над Послами, винил их в упрямстве, но обманывал Ляхов: наблюдал, выведывал и тайно сносился с братом, как ревностный противник Владиславова Царствования. Так и некоторые из Послов, светские и духовные, лицемерно изъявляли доброжелательство к Сигизмунду и были милостиво уволены им в Москву, обещая содействовать в ней его видам: Думный Дворянин Сукин, Дьяк Васильев, Архимандрит Евфимий и Келарь Авраамий; но возвратились единственно для того, чтобы огласить в столице и в России вероломство Гетманово или Сигизмундово. Уже Ермоген в искренних беседах с людьми надежными, Ляпунов в переписке с Духовенством и чиновниками областей, убеждал их не терпеть насилия иноплеменников. Убеждения действовали, негодование возрастало — и как скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедмитрия, страшилища для их воображения, то, радуясь и славя Бога, вдруг заговорили смело о необходимости соединиться душами и головами для изгнания Ляхов.

Тщетно Сигизмунд — уже зная, вероятно, о гибели Самозванца и лишаась предлога оставаться в России, будто бы для его истребления — писал (от 13 Декабря) к Боярам, что «Владислав скоро будет в Москву, а войско Королевское идет против Калужского злодея»: Россия уже не хотела Владислава! Дума, в своем ответе, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однако ж скорости и прибавляя, что Россияне уже не могут терпеть сиротства, *будучи стадом без пастыря или великим зверем без главы*, но Патриарх, удостоверенный в единомыслии добрых граждан, объявил торжественно, что Владиславу не Царствовать, *если не крестится в нашу Веру* и не вышлет всех Ляхов из Державы Московской. Ермоген сказал: столица и Государство повторили. Уже не довольствовались ропотом. Москва, под саблю Ляхов, еще не двигалась, ожидая часа; но в пределах соседственных блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Город сносился с городом; писали и наказывали друг к другу словесно, что пришло время стать за Веру и Государство. Особенное действие имели две грамоты, всюду разосланные из Москвы: одна к ее жителям от *уездных* Смолен, другая от Москвитян ко всем Россиянам. Смоленяне писали: «Обольщенные Королем, мы ему не противились. Что же видим? гибель душевную и телесную. Святыя церкви разорены; ближние наши в могиле или в узах. Хотите ли такой же доли? Вы ждете Владислава и служите Ляхам, угождая извергам, Салтыкову и Андронову; но Польша и Литва не уступят своего будущего Венценосца вам, ославленным изменами. Нет, Король и Сейм, долго думав, решились взять Россию без условий, вывести ее лучших граждан и господствовать в ней над развалинами. Восстаньте, доколе вы еще вместе и не в узах; поднимите и другие области, да спасутся души и Царство! Знаете, что делается в Смоленске: там горсть верных стоит неуклонно под щитом Богоматери и разит сонмы иноплеменников!» Москвитяне писали к братьям во все города: «Не слухом слышим, а глазами видим бедствие неизглаголанное. Заклинаем вас именем Судии живых и мертвых: восстаньте и к нам спешите! Здесь корень Царства, здесь знамя отечества, здесь Богоматерь, изображенная евангелистом Лукою; здесь светильники и хранители Церкви, Митрополиты Петр, Алексей, Иона! Известны виновники ужаса, предатели студныя: к счастью, их мало; не многие идут во след Салтыкову и Андронову — а за нас Бог, и все добрые с нами, хотя и не явно до времени: Святейший Патриарх Ермоген, прямой учитель, прямой наставник, и все Христиане истинные! Дадите ли нас в плен и в Латинство?» — Кроме Рязани, Владимир, Суздаль, Нижний, Романов, Ярославль, Кострома, Вологда

ополчились усердно, для избавления Москвы от Ляхов, по мысли Ляпунова и благословению Ермогена.

[1611 г.] Что же сделало так называемое Правительство, Боярская Дума, сведав о сем движении, признаке души и жизни в Государстве истерзанном?.. Донесло Сигизмунду на Ляпунова, как на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захарии; велело Послам, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ехать в Литву к Владиславу, если так будет угодно Королю; велело Шеину впустить Ляхов в Смоленск; выслало даже войско с Князем Иваном Куракиным для усмирения мнимого бунта в Владимире. Но Филарет и Голицын уже все знали и благоприятствовали великому начинанию Ляпунова; заметили, что грамота Боярская не скреплена Патриархом, и не хотели повиноваться; дали тайно знать и Смоленскому Воеводе, чтобы он не исполнял указа Думы, — и доблий Шеин отвечал Королевским Панам: «исполните прежде договор Гетманов»; длил время в сношениях с ними и ждал избавления, готовый и на славную гибель. С другой стороны войско союзных городов близ Владимира встретило и разбило Куракина. Сим междуособным кровопролитием рушилась Государственная власть Думы, оттоле признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпунов, остановив все доходы казенные и не велел пускать хлеба в столицу, всенародно объявил Вельмож Синклита богоотступниками, *преданными славе мира и враждебному Западу, не Пастырями, а губителями Христианского стада*. Таковы действительно были Салтыков и клеветы его; не таковы Мстиславский и другие, единственно запутанные в их сетях, единственно слабодушные, и с любовью к отечеству без умения избрать для него лучшее в обстоятельствах чрезвычайных: страшась народных мятежей более, нежели Государственного уничтожения, они думали спасти Россию Владиславом, верили Гетману, верили Сигизмунду — не верили только добродетели своего народа и заслужили его презрение, уступив добрую славу трем из мужей Думных, Князьям Андрею Голицыну, Воротынскому и Засекину, которые не таили своего единомыслия с Ермогеном, обличали предательство или заблуждение других Бояр и были отданы под стражу в виде крамольников.

Уже Москвитяне, слыша о ревностном восстании городов, переменились в обхождении с Ляхами: быв долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, дух враждебный и сварливый, как было пред гибелью расстриги. Кричали на улицах: «Мы по глупости выбрали Ляха в Цари, однако ж не с тем, чтобы идти в неволю к Ляхам; время разделаться с ними!» В грубых насмешках давали им

прозвание *хохлов*, а купцы за все требовали с них вдвое. Уже начинались ссоры и драки. Госевский требовал от своих благоразумия, терпения и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая с себя доспехов, ни седел с коней; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имели везде лазутчиков; осматривали на заставах возы с дровами, сеном, хлебом и находили в них иногда скрытое оружие. Высылали конные дружины на дороги, перехватили тайное письмо из Москвы к областным жителям и сведали, что они в заговоре с ними и что Патриарх есть глава его; что Москвитяне надеются не оставить ни одного Ляха живого, как скоро увидят войско избавителей под своими стенами. Не взирая на то, Госевский еще не смел употребить средств жестоких, ни обезоружить стрельцов и граждан, ни свергнуть Патриарха; довольствовался угрозами, сказав Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителем. Более наглости оказали злодеи Российские. Михайло Салтыков требовал, чтобы Ермоген не велел ополчаться Ляпунову. «Не велю, — отвечивал Патриарх, — если увижу крещенного Владислава в Москве и Ляхов, выходящих из России; велю, если не будет того, и разрешаю всех от данной Королевичу присяги». Салтыков в бешенстве выхватил нож: Ермоген осенил его крестным знаменем и сказал громогласно: «Сие знамение против ножа твоего, да взыдет вечная клятва на главу изменника!» И взглянув на печального Мстиславского, примолвил тихо: «твое начало: ты должен первый умереть за Веру и Государство; а если пленишься кознями сатанинскими, то Бог истребит корень твой на земле живых — и сам умрешь какою смертию?» Предсказание исполнилось, говорит Летописец: ибо Мстиславский никак не хотел одобрить народного восстания и писал от имени Синклита грамоту за грамотою к Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не изменяет Владиславу, а Держава в безначалии готова разделиться; что Ивановгород и Псков, обольщенные генералом Делагарди, желают иметь Царем Шведского Принца; что Астрахань и Казань, где господствует злочастие Магометово, умышляют предаться Шаху Аббасу; что области Низовье, Степные, Восточные и Северные до пустынь Сибирских возмущены Ляпуновым; но что немедленное прибытие Королевича еще может все исправить, спасти Россию и честь Королевскую. Изменники же, Салтыков и Андронов, звали в Москву не Владислава, а самого Короля с войском, ответствуя ему за успех, то есть за порабощение России обманом и насилием.

Но Сигизмунд, вопреки настоянию Бояр и даже многих Польских Сенаторов, вопреки собственному обету, не думал отправить сына в

Москву; не думал и сам идти к ней с войском, как предлагали ему наши изменники; сильно, упорно хотел одного: взять Смоленск — и ничего не делал; писал только указы Синклиту уже вместе, от себя и Владислава, именуя его однако ж не Царем, а просто Королевичем; уверял Бояр и всю Россию, что желает ее мира и счастья, умиленный нашими бедствиями, и будучи ревностным заступником Греческого Православия; желает соединить ее с Республикою узами любви и блага общего, под нераздельным державством своего рода; что виною всего зла есть упрямство Шеина и Князя Василия Голицына, не хотящих ни Владислава, ни тишины; что до усмирения Смоленска нельзя предпринять ничего решительного для успокоения Государства. Между тем, как бы уже спокойно властвуя над Россиею, Сигизмунд непрестанно извещал Думу о своих милостях: производил Дворян в Стольники и Бояре, раздавал имения, вершил дела старые, предписывал казне платить долги купцам иноземным еще за Иоанна, в то время когда указы ее были уже ничтожны для России; когда города один за другим восставали на Ляхов; когда и жители Смоленской области стерегли, истребляли их в разъездах, тревожа нападениями и в стане, откуда многие Россияне, дотоле служив Королю, уходили служить отечеству: так Иван Никитич Салтыков, пожалованный в Бояре Сигизмундом, мнимый доброхот его, мнимый противник Ермогена, Филарета и Голицына, с целою дружиною ушел к Ляпунову. Напрасно Госевский ждал вспоможения от Короля: видя необходимость действовать только собственными силами, он выслал шайки Днепровских Козаков и Московского изменника Исаея Сунбулова воевать места Рязанские. Ляпунов, имея еще мало рати, выгнал толпы неприятельские из Пронска, но чрез несколько дней был осажден ими в сем городе и спасен Князем Дмитрием Пожарским, уже ревностным его сподвижником: обратив их в бегство, и скоро разбив наголову у Зарайска, добрый Князь Дмитрий избавил вместе и Ляпунова от плена и землю Рязанскую от грабежа; блеснул новым лучом славы и, с чистою душою пристав к великому делу, дал ему новую силу... Козаки бежали в Украину, предвидя несгodu злодейства, а Сунбулов в Москву с худою вестью для изменников и Ляхов, устрашаемых и восстанием областей и ножами Москвитян. Но Госевский хвалился презрением к Россиянам: надеялся управиться с боязливою Москвою, вопреки неблагоприятности Короля соблюсти ее как важное завоевание для Республики и с малым числом удалых воинов победить многолюдную сволочь.

Рать Ляпунова и других областных начальников была

действительно странною смесью людей воинских и мирных граждан с бродягами и хищниками, коими в сии бедственные времена кипела Россия, и которые искали единственно добычи под знаменами силы, законной или незаконной: грабив прежде с Ляхами, они шли тогда на Ляхов, чтобы также грабить, и более мешать, нежели способствовать добру. Так Атаман Просовецкий, быв клеветом и став неприятелем Лисовского, имел даже близ Пскова кровопролитную с ним битву как разбойник с разбойником, вдруг явился в Суздаль как честный слуга России, привел к Ляпунову тысяч шесть Козаков и сделался одним из главных Воевод народного ополчения! Всех звали в союз, чтобы только умножить число людей. Приняли Князя Дмитрия Трубецкого, Атамана Заруцкого и всю остальную дружину Тушинскую; ибо сии долго упорные мятежники вдруг воспламенились усердием к Государственной чести, отвергнули указ Московских Бояр, не дав клятвы в верности к Владиславу, и выгнали из Калуги Посла их Князя Никиту Трубецкого. Звали и бесстыдного Сапегу, который, не хотел удалиться в Северскую землю, писал из Перемышля к Калужанам, что он служит не Королю, не Королевичу, а вольности, — не слушает Бояр, убеждающих его идти на Ляпунова, и готов стоять за независимость России. Чего надлежало ждать и в святом предприятии от такого несчастного состава? не единства, а раздора и беспорядка. Но кто верил таинственной силе добра, мог чаять успеха благословенного, видя, сколь многие, и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое, кинув дома и семейства. Раздор и беспорядок должныствовали уступить великодушию!

Около трех месяцев готовились — и наконец (в Марте) выступили к Москве: Ляпунов из Рязани, Князь Дмитрий Трубецкой из Калуги, Заруцкий из Тулы, Князь Литвинов-Мосальский и Артемий Измайлов из Владимира, Просовецкий из Суздаля, Князь Федор Волконский из Костромы, Иван Волынский из Ярославля, Князь Козловский из Романова, с Дворянами, Детьми Боярскими, стрельцами, гражданами, земледельцами, Татарами и Козаками; были на пути встречаемы жителями с хлебом и солью, иконами и крестами, с усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо — и сия, вероятно невольная, неминуемая по обстоятельствам медленность имела для Москвы ужасное следствие.

В то время, когда ее граждане с нетерпением ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Гусевского, в последний раз заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россию от междоусобия и Москву от крайнего бедствия: писать к Ляпунову и сподвижникам его, чтобы они шли назад

и распустили войско. *Ты дал им оружие в руки*, говорил Салтыков: *ты можешь и смирить их*. «Все смирится, — отвечивал Патриарх, — когда ты, изменник, с своею Литвою исчезнешь; но в Царственном граде видя ваше злое господство, в святых храмах Кремлевских оглашаясь Латинским пением (ибо Ляхи в доме Годунова устроили себе божницу), благословляю достойных Вождей Христианских утолить печаль отечества и Церкви». Дерзнули наконец приставить воинскую стражу к непреклонному иерарху; не пускали к нему ни мирян, ни Духовенства; обходились с ним то жестоко и бесчинно, то с уважением, опасаясь народа. В неделю Ваий велели или дозволили Ермогену священнодействовать и взяли меры для обуздания жителей, которые в сей день обыкновенно стекались из всех частей города и ближних селений в Китай и Кремль, быть зрителями великолепного обряда церковного. Ляхи и Немцы, пехота и всадники, заняли Красную площадь с обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патриарх ехал между уединенными рядами иноверных воинов; узду его осляти держал, вместо Царя, Князь Гундууров, за коим шло несколько Бояр и сановников, унылых, мрачных видом. Граждане не выходили из домов, воображая, что Ляхи умышляют незапное кровопролитие и будут стрелять в толпы народа безоружного. День прошел мирно; также и следующий. Госевский, имея только 7000 воинов против двух или трех сот тысяч жителей, не хотел кровопролития: ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпунов и Заруцкий уже недалеко, мыслил идти к ним навстречу и разбить их отдельно; а Москвитяне, готовые к восстанию, откладывали его до появления избавителей. Но взаимная злоба вспыхнула, не дав ни Госевскому выступить из Москвы, ни Воеводам Российским спасти ее. Кто начал? Неизвестно; но вероятнее, Ляхи, с досадою терпев насмешки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться с ними заблаговременно, нежели поставить себя между их тайно острымыя ножами и войском городов союзных, — наконец удовлетворяя своему алчному корыстолюбию разграблением богатой столицы. Так началось и свершилось ее бедствие ужасное:

19 Марта, во Вторник Страстной Недели, в час Обедни, слышали в Китае-городе тревогу, вопль и стук оружия. Госевский прискакал из Кремля: увидел кровопролитие между Ляхами и Россиянами, хотел остановить, не мог, и дал волю первым, которые действовали наступательно, резали купцев и грабили лавки; вломились в дом к Боярину верному, Князю Андрею Голицыну, и бесчеловечно умертвили его. Жители Китая искали спасения в Белом городе и за

Москвою-рекою: конные Ляхи гнали, топтали, рубили их; но в Тверских воротах были удержаны стрельцами. Еще сильнейшая битва закипела на Сретенке: там явился витязь знаменитый, отряженный ли вперед Ляпуновым или собственною ревностью приведенный одушевить Москву: Князь Дмитрий Пожарский. Он кликнул доблех, устроил дружины, снял пушки с башен и встретил Ляхов ядрами и пулями, отбил и втоптал в Китай. Иван Бутурлин в Яузских воротах и Колтовский за Москвою-рекою также стали против них с воинами и народом. Бились еще в улицах Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбате и Знаменке. Госевский подкреплял своих; но число Россиян несравненно более умножалось: при звуке набата старые и малые, вооруженные дрекольем и топорами, бежали в пыл сечи; из окон и с кровель разили неприятеля камнями и чурками, дровами: стреляли из-за них и двигали сие укрепление вперед, где Ляхи отступали. Уже Москвитяне везде имели верх, когда приспел из Кремля с Немцами Капитан Маржерет, верный слуга Годунова и расстриги, изгнанный Шуйским и принятый Гетманом в Королевскую службу: торгуя верностию и жизнью, сей честный наемник ободрил Ляхов неустрашимостию и, некогда лив кровь свою за Россиян, жадно облился их кровию. Битва снова сделалась упорною; многолюдство однако ж преодолевало, и Москвитяне теснили неприятеля к Кремлю, его последней ограде и надежде. Тут, в час решительный, услышали голос: «огня! огня!» и первый вспыхнул в Белом городе дом Михайла Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина: гнусный изменник уже не мог иметь жилища в столице отечества, им преданного иноплеменнику! Зажгли и в других местах: сильный ветер раздувал пламя в лицо Москвитянам, с густым дымом, несносным жаром, в улицах тесных. Многие кинулись тушить, спасать дома; битва ослабела, и ночь прекратила ее, к счастью изнуренного неприятеля, который удержался в Китае-городе, опираясь на Кремль. Там все затихло; но другие части Москвы представляли шумное смятение. Белый город пылал; набат гремел без умолку; жители с воплем гасили огонь, или бегали, искали, кликали жен и детей, забытых в часы жаркого боя. После такого дня, и предвидя такой же, никто не думал успокоиться.

Ляхи в пустых домах Китая-города, среди трупов, отдыхали; а в Кремле, при свете зарева, бодрствовали и рассуждали вожди их, что делать? Там еще находилось мнимое правительство Российское с знатнейшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать победы иноплеменникам, дымящимся кровию

Москвитян, но малодушно боясь и мести своего народа, или не веря успеху восстания, Мстиславский и другие легкоумные Вельможи, упорные в верности к Владиславу, были в изумлении и бездействии; тем ревностнее действовали изменники ожесточенные: прервав навеки связь с отечеством, заслужив его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидели в сей ночной Думе Ляхов и советовали им разрушить Москву для их спасения. Госевский принял совет — и в следующее утро 2000 Немцев с отрядом конным вышли из Кремля и Китая в Белый город и к Москве-реке, зажгли в разных местах дома, церкви, монастыри и гнали народ из улицы в улицу не столько оружием, сколько пламенем. В сей самый час прискакали к стенам уже пылающего деревянного города от Ляпунова Воевода Иван Плещеев, из Можайска Королевский Полковник Струс, каждый для вспоможения своим, оба с легкими дружинами, равными в силах, не в мужестве. Ляхи напали: Россияне обратили тыл — и вождь первых, кликнув: «за мною, храбрые!» сквозь пыл и треск деревянных падающих стен вринулся в город, где жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь от жара и дыма, уже не хотели сражаться за пепелище: бежали во все стороны, на конях и пешие, не с богатством, а только с семействами. Несколько сот тысяч людей вдруг рассыпалось по дорогам к Лавре, Владимиру, Коломне, Туле; шли и без дорог, вязли в снегу, еще глубоко; цепенели от сильного, холодного ветра; смотрели на горящую Москву и вопили, думая, что с нею исчезает и Россия! Некоторые засели в крепкой Симоновской обители ждать избавителей. Но оставленная народом и войском в жертву огню и Ляхам, Москва еще имела ратоборца: Князь Дмитрий Пожарский еще стоял твердо в облаках дыма, между Сретенкою и Мясницкою, в укреплении, им сделанном: бился с Ляхами и долго не давал им жечь за каменную городскую стеною; не берег себя от пуль и мечей, изнемог от ран и пал на землю. Верные ему до конца немногие сподвижники взяли и спасли будущего спасителя России: отвезли в Лавру... До самой ночи уже беспрепятственно губив огнем столицу, Ляхи с гордостью победителей возвратились в Китай и Кремль, любоваться зрелищем, ими произведенным; бурным пламенным морем, которое, разливаясь вокруг их, *обещало* им *безопасность*, как они думали, не заботясь о дальнейших, вековых следствиях такого дела и презирая мечь Россиян!

Москва пустая горела двое суток. Где угасал огонь, там Ляхи, выезжая из Китая, снова зажигали, в Белом городе, в Деревянном и в предместьях. Наконец везде утухло пламя, ибо все сделалось пеплом,

среди коего возвышались только черные стены, церкви и погреба каменные. Сия громада золы, в окружности на двадцать верст или более, курилась еще несколько дней, так что Ляхи в Китае и Кремле, дыша смрадом, жили как в тумане — но ликовали; грабили казну Царскую: взяли всю утварь наших древних Венценосцев, их короны, жезлы, сосуды, одежды богатые, чтобы послать к Сигизмунду или употребить вместо денег на жалованье войску; сносили добычу, найденную в гостином дворе, в жилищах купцев и людей знатных; сдирали с икон оклады; делили на равные части золото, серебро, жемчуг, камни и ткани драгоценные, с презрением кидая медь, олово, холсты, сукна; рядились в бархаты и штофы; пили из бочек венгерское и мальвазию. Изобиловали всем роскошным, не имея только нужного: хлеба! Бражничали, играли в зернь и в карты, распутствовали и пьяные резали друг друга!.. А Россияне, их клеветы гнусные или невольники малодушные, праздновали в Кремле Светлое Воскресение и молились за Царя Владислава, с иерархом достойным такой паствы: Игнатием, угодником расстригиным, коего вывели из Чудовской обители, где он пять лет жил опальным Иноком, и снова назвали Патриархом, свергнув и заключив Ермогена на Кирилловском подворье. Сей муж бессмертный, один среди врагов неистовых и Россиян презрительных — между памятниками нашей славы, в ограде, священной для веков могилами Дмитрия Донского, Иоанна III, Михаила Шуйского — в темной келии сиял добродетелию как лучезарное светило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенив в нем жизнь и ревность к великому делу!

Глава V **Междоцарствие. 1611—1612 г.**

Следствия сожжения Москвы. Поляки осажжены. Твердость Ермогена. Избрание главных Военачальников. Действия Сапеги. Приступ к Китаю-городу. Послы Московские отправлены в Литву. Взятие Смоленска. Шуйские в Варшаве. Умысел Заруцкого и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дела с Шведами. Новгород взят Генералом Делагарди. Договор Шведов с Новымгородом. Мятеж в войске Генерала Делагарди. Убиение Ляпунова. Последствия. Состояние России.

Весть о бедствии Москвы, распространив ужас, дала новую силу

народному движению. Ревностные Иноки Лавры, едва услышав, что делается в столице, послали к ней всех ратных людей монастырских, написали умильные грамоты к областным Воеводам и заклинали их угасить ее дымящийся пепел кровию изменников и Ляхов. Воеводы уже не медлили и шли вперед, на каждом шагу встречая толпы бегущих Москвитян, которые, с воплем о мести, примыкали к войску, поручая жен и детей своих великодушию народа. 25 Марта Ляхи увидели на Владимирской дороге легкий отряд Россиян, Козаков Атамана Просовецкого; напали — и возвратились, хвалясь победою. В следующий день пришел Ляпунов от Коломны, Заруцкий от Тулы; соединились с другими Воеводами близ обители Угрешской и 28 Марта двинулись к пепелищу Московскому. Неприятель, встретив их за Яузскими воротами, скоро отступил к Китаю и Кремлю, где Россияне, числом не менее ста тысяч, но без устройства и взаимной доверенности, осадили шесть или семь тысяч храбрецов иноземных, исполненных к ним презрения. Ляпунов стал на берегах Яузы, Князь Дмитрий Трубецкий с Атаманом Заруцким против Воронцовского поля, Ярославское и Костромское ополчение у ворот Покровских, Измайлов у Сретенских, Князь Литвинов-Мосальский у Тверских, внутри обожженных стен Белого города. Тут прибыл к войску Келарь Авраамий с Святою водою от Лавры, оживить сердца ревностию, укрепить мужеством. Тут, на завоеванных кучах пепла водрузив знамена, воины и Воеводы с торжественными обрядами дали клятву не чтить ни Владислава Царем, ни Бояр Московских Правителями, служить Церкви и Государству до избрания Государя нового, не крамольствовать ни делом, ни словом, — блюсти закон, тишину и братство, ненавидеть единственно врагов отечества, злодеев, изменников, и сражаться с ними усердно.

Битвы начались. Делая вылазки, осажденные дивились несметности Россиян и еще более умным распоряжениям их Вождей — то есть Ляпунова, который в битве 6 Апреля стяжал имя *львообразного Стратига*: его звучным голосом и примером одушевляемые Россияне кидались пешие на всадников, резались человек с человеком, и втеснив неприятеля в крепость, ночью заняли берег Москвы-реки и Неглинной. Ляхи тщетно хотели выгнать их оттуда; нападали конные и пешие, имели выгоды и невыгоды в ежедневных схватках, но видели уменьшение только своих: во многолюдстве осаждающих урон был незаметен. Россияне надеялись на время: Ляхи страшались времени скудными людьми и хлебом. Госевский желал прекратить бесполезные вылазки, но сражался иногда невольно, для спасения кормовщиков

высылаемых им тайно, ночью, в окрестные деревни; сражался и для того, чтобы иметь пленников для размена. Известив Короля о сожжении Москвы и приступе Россиян к ее пепелищу, он требовал скорого вспоможения, ободрял товарищей, советовался с гнусным Салтыковым — и еще испытал силу души Ермогеновой. К старцу ветхому, изнуренному добровольным постом и тесным заключением, приходили наши изменники и сам Госевский с увещаниями и с угрозами: хотели, чтобы он велел Ляпунову и сподвижникам его удалиться. Ответ Ермогенов был тот же: «Пусть удалятся Ляхи!» Грозил ему злою смертью: старец указывал им на небо, говоря: «боюсь Единого, там живущего!» Невидимый для добрых Россиян, великий иерарх сообщался с ними молитвою; слышал звук битв за свободу отечества, и тайно, из глубины сердца, пылающего неугасимым огнем добродетели, слал благословение верным подвижникам!

К несчастью, между семи подвижниками господствовало несогласие: Воеводы не слушались друг друга, и ратные действия без общей цели, единства и связи, не могли иметь и важного успеха. Решились торжественно избрать начальника; но, вместо одного, выбрали трех: верные Ляпунова, чиновные мятежники Тушинские Князя Дмитрия Трубецкого, грабители-козаки Атамана Заруцкого, чтобы таким зловещим выбором утвердить мнимый союз Россиян добрых с изменниками и разбойниками, коих находилось множество в войске. Трубецкий, сверх знатности, имел по крайней мере ум стратега и некоторые еще благородные свойства, усердствуя оказать себя достойным высокого сана: Заруцкий же, вместе с ним выслужив Боярство в Тушине, имел одну смелую предприимчивость для удовлетворения своим гнусным страстям, не зная ничего святого, ни Бога, ни отечества. Сии ратные Триумвиры сделались и государственными: ибо войско представляло Россию. Они писали указы в города, требуя запасов и денег еще более, нежели людей: города повиновались, *многолетствовали в церквах благоверным Князьям и Боярам*) а в своих донесениях *били челом Синклиту Великого Российского Государства* и давали, что могли. Казань, стыдясь своего заблуждения, снова присоединилась к отечеству, целовала крест *быть в любви, в единомыслии со всею землею* и выслала дружины к Москве: области Низовые и Поморские также. Пришли и Смоленские уездные Дворяне и Дети Боярские, бежав от Сигизмунда. Ляхи гнались за ними и многих из них умертвили, как изменников: остальные тем ревностней желали участвовать в народном подвиге Россиян. Пришел и Сапега с своими шайками и занял Поклонную гору,

объявляя себя другом России. Ему не верили; предложения его выслушали, но отвергнули. Атаман разбойников, осыпанный пеплом наших городов, утучненный нашею кровию, хотел, как пишут, венца Мономахова: вероятнее, что он хотел миллионов, предлагая свои услуги. Не обольстив Россиян, Сапега ударил на часть их стана против Лужников; отбитый, напал с другой стороны, близ Тверских ворот: не мог одолеть многолюдства, и, по совету Госевского, взяв от него 1500 Ляхов в сподвижники и Князя Григория Ромодановского в путеводители, удалился к Переславлю, чтобы грабить внутри России и тревожить осаждающих. Вслед за ним Ляпунов отрядил несколько легких дружин: Сапега разбил их в Александровской Слободе, осадил Переславль, жег, злодействовал, где хотел — и Россияне Московского стана, видя за собою дым пылающих селений, вдруг услышали, в Китае и Кремле, необыкновенный шум, громкие восклицания, звон колоколов, стрельбу из пушек и ружей: ждали вылазки, но узнали, что Ляхи только веселились и праздновали счастливую весть о скором прибытии к ним Гетмана с сильным войском — весть еще несправедливую, которая однако ж решила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились в тишине, и за час до рассвета (22 Мая) приступив к Китаю-городу, взяли одну башню, где находилось 400 Ляхов. Место было важно: Россияне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госевский избрал смелых и велел им, чего бы то ни стоило, вырвать сию башню из рук неприятеля: с обнаженными саблями, под картечью, Ляхи шли к ней узкою стеною, человек за человеком; кинулись на пушки, рубили, выгнали Россиян и мужественно отбили все их новые приступы. В других местах Ляпунов, везде первый, и Трубецкий имели более успеха: очистили весь Белый город, взяли укрепления на Козьем болоте, башни Никитскую, Алексеевскую, ворота Тресвятские, Чертольские, Арбатские, везде после жаркого кровопролития. Через пять дней сдался им и Девиный монастырь с двумя ротами Ляхов и пятьюстами Немцев. В то же время Россияне сделали укрепления за Москвою-рекою, стреляли из них в Кремль и препятствовали сношению осажденных с Сигизмундом, от коего Госевский, стесненный, изнуряемый, с малым числом людей и без хлеба, ждал избавления.

Но Король все еще думал только о Смоленске. Донесение Госевского о сожжении Москвы и наступательном действии многочисленного Российского войска, полученное Сигизмундом вместе с трофеями (или с частию разграбленной Ляхами утвари и казны Царской), не переменяло его мыслей. Паны в новой беседе с

Филаретом и Голицыным (8 Апреля), жалея о несчастьи столицы, следствии *ее мятежного духа* , спрашивали их мнения о лучшем способе *изгладить зло* . С слезами ответственвал Митрополит: «Уже не знаем! Вы легко могли предупредить сие зло; исправить едва ли можете». Послы соглашались однако ж писать к Ермогену, Боярам и войску об унятии кровопролития, *если* Сигизмунд обяжется немедленно выступить из России: чего он никак не хотел, упорно требуя Смоленска, и в гневе велел им наконец готовиться к ссылке в Литву. «Ни ссылки, ни Литвы не боимся, — сказал умный Дьяк Луговской: — но делами насилия достигнете ли желаемого?» Угроза совершилась: вопреки всему священному для Государей и народов, взяли Послов... еще мало: ограбили их как в темном лесу или в вертепе разбойников; отдали воинам, повезли в ладиях к Киеву; бесчестили, срамили мужей, винимых только в добродетели, в ревности ко благу отечества и к исполнению государственных условий!.. Один из Ляхов еще стыдился за Короля, Республику и самого себя: Жолкевский. Сигизмунд предлагал ему главное начальство в Москве и в России. «Поздно!» — ответственвал Гетман и с негодованием удалился в свои маестности, мимо коих везли Филарета и Голицына: он прислал к ним, в знак уважения и ласки, спросить о здоровье. Знаменитые страдальцы написали к Жолкевскому: «Вспомни крестное целование: вспомни душу! В чем клялся ты Московскому Государству? и что делается? Есть Бог и вечное правосудие!»

Не страшась сего правосудия, Король в письмах к Боярам Московским хвалился своею милостию к России, благодарил за их верность и непричастие к бунту Ермогена и Ляпунова, обещал скорое усмирение всех мятежей, а Госевскому скорое избавление, позволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища Царские, но и все имение богатых Москвитян — и возобновил приступы к Смоленску, снова неудачные. Шеин, воины его и граждане оказывали более, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизменную, хладнокровную, нечувствительность к ужасу и страданию, решительность терпеть до конца, умереть, а не сдаться. Уже двадцать месяцев продолжалась осада: запасы, силы, все истощилось, кроме великодушия; все сносили, безмолвно, не жалуясь, в тишине и повиновении, львы для врагов, агнцы для начальников. Осталась едва пятая доля защитников, не столько от ядер, пуль и сабель неприятельских, сколько от трудов и болезней; смертоносная цинга, произведенная недостатком в соли и в уксусе, довершила бедствие — но еще сражались! Еще Ляхи имели нужду в злодейской измене, чтобы

овладеть городом: беглец Смоленский Андрей Дедишин указал им слабое место крепости: новую стену, деланную в осень наскоро и непрочно. Сию стену беспрестанною пальбою обрушили — и в полночь (3 Июня) Ляхи вломились в крепость, тут и в других местах, оставленных малочисленными Россиянами для защиты пролома. Бились долго в развалинах, на стенах, в улицах, при звуке всех колоколов и святом пении в церквах, где жены и старцы молились. Ляхи, везде одолевая, стремились к главному храму Богоматери, где заперлися многие из граждан и купцов с их семействами, богатством и пороховою казною. Уже не было спасения: Россияне зажгли порох и взлетели на воздух с детьми, имением — и славою! От страшного взрыва, грома и треска неприятель оцепенел, забыв на время свою победу и с равным ужасом видя весь город в огне, в который жители бросали все, что имели драгоценного, и сами с женами бросались, чтобы оставить неприятелю только пепел, а любезному отечеству пример добродетели. На улицах и площадях лежали груды тел сожженных. Смоленск явился новым Сагунтом, и не Польша, но Россия могла торжествовать сей день, великий в ее летописях.

Еще один воин стоял на высокой башне с мечем окровавленным и противился Ляхам: доблий Шеин. Он хотел смерти; но пред ним плакали жена, юная дочь, сын малолетний: тронутый их слезами, Шеин объявил, что сдастся Вождю Ляхов — и сдался Потоцкому. Верить ли Летописцу, что сего Героя оковали цепями в стане Королевском и пытали, доведываясь о казне Смоленской, будто бы им сокрытой? Король взял к себе его сына; жену и дочь отдал Льву Сапеге; самого Шеина послал в Литву узником. — Пленниками были еще Архиепископ Сергей, Воевода Князь Горчаков и 300 или 400 детей Боярских. Во время осады изгибло в городе, как уверяют, не менее семидесяти тысяч людей; она дорого стоила и Ляхам: едва третья доля Королевской рати осталась в живых, огнем лишенная добычи, а с нею и ревности к дальнейшим подвигам, так что слушая торжественное благодарение Сигизмундово, за ее великое дело, и новые щедрые обеты его, воины смеялись, столько раз мнимые наградами и столько раз обманутые. Но Сигизмунд восхищался своим блестящим успехом; дал Потоцкому грамоту на староство Каменецкое, три дни угощал сподвижников, велел изобразить на медалях завоевание Смоленска и с гордостью известил о том Бояр Московских, которые ответствовали, что сетуя о гибели единокровных братьев, радуются его победе над непослушными и славят Бога!.. Торжество еще разительнейшее ожидало Сигизмунда, но уже не в России.

Историки Польские, строго осуждая его неблагоприятное в сем случае, пишут, что если бы он, взяв Смоленск, немедленно устремился к Москве, то войско осаждающих, видя с одной стороны наступление Короля, с другой смелого витязя Сапегу, а пред собою неодолимого Госевского, рассеялось бы в ужасе как стадо овец; что Король вошел бы победителем в Москву, с Думою Боярскою умирил бы Государство, или дав ему Владислава, или присоединив оное к Республике, и возвратился бы в Варшаву завоевателем не одного Смоленска, но целой державы Российской. Заключение едва ли справедливое: ибо тысяч пять усталых воинов, с Королем мало уважаемым Ляхами и ненавидимым Россиянами, не сделали бы, вероятно, более того, что сделал после новый его Военачальник, как увидим: не пременило бы судьбы, назначенной Провидением для России!

Сей Военачальник, Гетман Литовский, Ходкевич, знаменитый опытностию и мужеством, дотоле действовав с успехом против Шведов, был вызван из Ливонии, чтобы идти с войском к Москве, вместо Сигизмунда, который нетерпеливо желал успокоиться на Лаврах и немедленно уехал в Варшаву, где сенат и народ с веселием приветствовали в нем Героя. Но блестящее торжество для него и Республики совершилось в день достопамятный, когда Жолкевский явился в столице с своим державным пленником, несчастным Шуйским. Сие зрелище, данное тщеславию, надмевало Ляхов от Монарха до последнего Шляхтича и было, как они думали, несомнительным знаком их уже решенного первенства над нами, концом долговременного борения между двумя великими народами Славянскими. Утром (19 Октября), при несметном стечении любопытных, Гетман ехал Краковским предместьем ко дворцу с дружиною благородных всадников, с Вельможами Коронными и Литовскими, в шестидесяти каретах; за ними, в открытой богатой колеснице, на шести белых аргамаках, Василий, в парчовой одежде и в черной лисьей шапке, с двумя братьями, Князьями Шуйскими, и с капитаном гвардии; далее Шеин, Архиепископ Сергей и другие Смоленские пленники в особенных каретах. Король ждал их во дворце, сидя на троне, окруженный сенаторами и чиновниками, в глубокой тишине. Гетман ввел Царя-невольника и представил Сигизмунду. Лицо Василия изображало печаль, без стыда и робости: он держал шапку в руке и легким наклоном головы приветствовал Сигизмунда. Все взоры были устремлены на сверженного Монарха с живейшим любопытством и наслаждением: мысль о превратностях Рока и жалость к злосчастию не мешала восторгу Ляхов. Продолжалось молчание:

Василий также внимательно смотрел на лица Вельмож Польских, как бы искал знакомых между ими, и нашел: отца Маринина, им спасенного от ужасной смерти, и в сию минуту счастливого его бедствием!.. Наконец Гетман прервал безмолвие высокопарною речью, не весьма искреннею и скромною: «дивился в ней разительным переменам в судьбе государств и счастью Сигизмунда; хвалил его мужество и твердость в обстоятельствах трудных; славил завоевание Смоленска и Москвы; указывал на Царя, преемника великих Самодержцев, еще недавно ужасных для Республики и всех Государей соседственных, *даже* Султана и *почти* целого мира; указывал и на Дмитрия Шуйского, предводителя *ста осмидесяти тысяч* воинов *храбрых*, исчислял *Царства*, Княжения, области, народы и богатство, коими владели сии пленники, всего лишенные умом Сигизмундовым, взятые, повергаемые к ногам Королевским... Тут (*пишут Ляхи*) Василий, кланяясь Сигизмунду, опустил правую руку до земли и приложил себе к устам: Дмитрий Шуйский ударил челом в землю, а Князь Иван три раза, и заливаясь слезами. Гетман поручал их Сигизмундову великодушию; доказывал Историю, что и самые знаменитейшие Венценосцы не могут назваться счастливыми до конца своей жизни, и ходатайствовал за несчастных».

Великодушие Сигизмунда состояло в обуздании мстительных друзей Воеводы Сендомирского, которые пылали нетерпением сказать торжественно Василию, что «он не Царь, а злодей и недостоин милосердия, изменив Димитрию, упоив стогны Московские кровию благородных Ляхов, обесчестив Послов Королевских, венчанную Марину, ее Вельможного отца, и в бедствии, в неволе дерзая быть *гордым, упрямым*, как бы в посмеяние над судьбою»: упрек достохвальный для Царя злополучного и несогласный с известием о мнимом уничтожении его пред Королем! — Насытив глаза и сердце зрелищем лестным для народного самолюбия, послали Василия в Гостинский замок, близ Варшавы, где он чрез несколько месяцев (12 Сентября 1612) кончил жизнь бедственную, но не бесславную; где умерли и его братья, менее твердые в уничтожении и в неволе. Чтобы увековечить свое торжество, Сигизмунд воздвигнул мраморный памятник над могилою Василия и Князя Дмитрия в Варшаве, в предместьи Краковском, в новой часовне у церкви Креста Господня, с следующею надписью: «Во славу Царя Царей, одержав победу в Клушине, заняв Москву, возвратив Смоленск Республике, пленив Великого Князя Московского, Василия, с братом его, Князем Дмитрием, главным Воеводою Российским, Король Сигизмунд, по их смерти,

велел здесь честно схоронить тела их, не забывая общей судьбы человеческой, и в доказательство, что во дни его Царствования не лишались погребения и враги, Венценосцы незаконные!» — Во времена лучшие для России, в государственное Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйских; во времена еще славнейшие, в государственное Петра Великого, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятник нашей незгоды: картину взятия Смоленска и Василиева позора в неволе, писанную искусным художником Долабеллюю. Рукою могущества стерты знамена слабости!

Еще имея некоторый стыд, Король не явил Филарета, Голицына и Мезецкого в виде пленников в Варшаве: их, вместе с Шеиным, томили в неволе девять лет, славных особенно для Филаретовой добродетели: ибо не только Литовские единоверцы наши, но и Вельможи Польские, дивясь его твердости, разуму, великодушию, оказывали искреннее к нему уважение. Он дожил, к счастью, до свободы; дожил и знаменитый Шеин, к несчастью своему и к горести России!..

Между тем, невзирая на падение Смоленска, на торжество Сигизмундово и важные приготовления Гетмана Ходкевича, Воеводы Московского стана имели бы время и способ одолеть упорную защиту Госевского, если бы они действовали с единодушною ревностию; но с Ляпуновым и Трубецким сидел в совете, начальствовал в битвах, делил власть государственную и воинскую... злодей, коего умысел гнусный уже не был тайною. Атаман Заруцкий, сильный числом и дерзостию своих Козаков-разбойников, алчный, ненасытный в любостыжании, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хватал все, что мог, целые города и волости себе в добычу — не только давал Козакам опустошать селения, жить грабежом, как бы в земле неприятельской, и плавал с ними в изобилии, когда другие воины едва не умирали с голоду в стане: но мыслил схватить и Царство! Марина была в руках его: тщетно писав из Калуги жалобные грамоты к Сапеге, чтобы он спас ее честь и жизнь от свирепых Россиян, сия бесстыдная кинулась в объятия Козака, с условием, чтобы Заруцкий возвел на престол Лжедмитриева сына-младенца и, в качестве правителя, властвовал *с нею!* Что нелепое и безумное могло казаться тогда несбыточным в России? Лицемерно пристав к Трубецкому и Ляпунову — взяв под надзор Марину, переведенную в Коломну — имея дружелюбные сношения и с Госевским, обманывая Россиян и Ляхов, Заруцкий умножал свои шайки прелестию добычи, искал единомышленников, в пользу лжецаревича Иоанна, между людьми чиновными, и находил, но

еще не довольно для успеха вероятного. Ков огласился — и Ляпунов предпринял, один, без слабого Трубецкого, если не вдруг обличить злодея в Атамане многолюдных шаек, то обуздать его беззакония, которые давали ему силу.

Ляпунов сделал, что все Дворяне, дети Боярские, люди служивые написали челобитную к Триумвирам о собрании Думы земской, требуя уставов для благоустройства и казни для преступников. К досаде Заруцкого и даже Трубецкого, сия Дума составила из выборных войска, чтобы действовать именем отечества и чинов государственных, хотя и без знатного Духовенства, без мужей синклита. Она утвердила власть Триумвиров, но предписала им правила; устала: «1) Взять поместья у людей сильных, которые завладели ими в мятежные времена без земского приговора, раздать скудным детям Боярским или употребить доходы оных на содержание войска; взять также все данное именем Владислава или Сигизмунда, *сверх старых окладов*, Боярам и Дворянам, оставшимся в Москве с Литвою; взять поместья у всех худых Россиян, не желающих в годину чрезвычайных опасностей ехать на службу отечества или самовольно уезжающих из Московского стана; взять в казну все доходы питейные и таможенные, незаконно присвоенные себе некоторыми *Воеводами* (вероятно Заруцким). 2) Снова учредить ведомство поместное, казенное и дворцовое для сборов хлебных и денежных. 3) Уравнять, землями и жалованьем, всех сановников *без разбора, где кто служил*, в Москве ли, в *Тушине* или в *Калуге*, смотря по их достоинству и чину. 4) Не касаться имущества добрых Россиян, убитых или плененных Литвою, но отдать его их семействам или соблюсти до возвращения пленников; не касаться также имущества церквей, монастырей и Патриаршего; не касаться ничего, данного Царем Василием в награду *сподвижникам Князя Михаила Скопина-Шуйского* и другим воинам за верную службу. 5) Назначить жалованье и доходы сановникам и Детям Боярским, коих поместья заняты или опустошены Литвою, и которые стоят ныне *со всею землею* против изменников и врагов. 6) Для посылок в города употреблять единственно Дворян раненых и неспособных к бою, а всем здоровым возвратиться к знаменам. 7) Кто ныне умрет за отечество или будет изувечен в битвах, тех имена да внесутся в Разрядные книги, вместе с неложным описанием всех дел знаменитых, на память векам. 8) Атаманам и Козакам строго запретить всякие разъезды и насилия; а *для кормов* посылать только Дворян *добрых* с детьми Боярскими. Кто же из людей воинских дерзнет грабить в селениях и на дорогах, тех казнить без милосердия: для чего восстановится старый Московский

приказ, разбойный или земский. 9) Управлять войском и землею трем избранным Властителем, но *не казнить никого смертию и не ссылатъ без торжественного земского приговора*, без суда и вины законной; кто же убьет человека самовольно, того лишить жизни, как злодея. 10) А если избранные Властители не будут радеть вседушно о благе земли и следовать уставленным здесь правилам или Воеводы не будут слушаться их беспрекословно: то мы вольны *всею землею* переменить Властителей и Воевод, и выбрать иных, способных к бою и делу земскому».

Сию важную, уставную грамоту, ознаменованную духом умеренности, любви к общему государственному благу и снисхождения к несчастным обстоятельствам времени, подписали Триумвиры (Ляпунов вместо Заруцкого, вероятно безграмотного), три Дьяка, Окольничий Артемий Измайлов, Князь Иван Голицын, Вельяминов, Иван Шереметев и множество людей бесчиновных от имени *двадцати пяти* городов и войска. Дали и старались исполнить закон; восстановили хотя тень Правительства, бездушного в Самодержавии без Самодержца. Но Ляпунов уже занимался и главным делом: вопросом, где искать *лучшего* Царя для одушевления России? Уже переменяя мысли, он думал, подобно Мстиславскому и другим, что сей *лучший* Царь должен быть иноземец державного племени, без связей наследственных и личных, родственников и клеветов, врагов и завистников между подданными. Недоставало времени обзреть все Державы Христианские, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднейшим, обещая нам, вместо вражды, мир и союз. Ляхи нас обманули: мы еще могли испытать Шведов, менее противных Российскому народу. Ненависть к Ляхам кипела во всех сердцах: ненависть к Шведам была только историческим воспоминанием Новгородским — и даже Новгород, как уверяют, мыслил в случае крайности поддаться скорее Шведам, нежели Сигизмунду. Что предлагал Делагарди сам собою, того уже ревностно хотел Карл IX: дать нам сына в Цари; уполномочил Вождя своего для всех важных договоров с Россиею и писал к ее чинам государственным, что Сигизмунд, будучи орудием Иезуитов или Папы, желает властвовать над нею единственно для искоренения Греческой Веры; что Король Испанский в заговоре с ними и намерен занять Архангельск или гавань Св. Николая; но что Россия в тесном союзе с Швециею может презирать и Ляхов и Папу и Короля Испанского. Россия видела Шведов в Клушине! Могла однако ж извинять их неверность неверностию своих, и помнила, что они с незабвенным Князем Михаилом

освободили Москву. Ляпунов решился вступить в переговоры с Генералом Делагарди.

Желая утвердить вечную дружбу с нами, Шведы в сие время продолжали бессовестную войну свою в древних областях Новгородских и, тщетно хотев взять Орешек, взяли наконец Кексгольм, где из трех тысяч Россиян, истребленных битвами и цингою, оставалось только сто человек, вышедших свободно, с именем и знаменами: ибо неприятель еще страшился их отчаяния, сведав, что они готовы взорвать крепость и взлететь с нею на воздух! Дикие скалы Корельские прославились великодушием защитников, достойных сравнения с Героями Лавры и Смоленска! К сожалению, Новгородцы не имели такого духа и, хваляся ненавистию к одному врагу, к Ляхам, как бы беспечно видели завоевания другого: уже Делагарди стоял на берегах Волхова! Боярин Иван Салтыков, начальствуя в Новгороде, внутренно благоприятствовал, может быть, Сигизмунду: по крайней мере действовал усердно против Шведов; но его уже не было. Сведав, что он намерен идти с войском к Москве, Новгородцы встревожились; не верили сыну злодея и ревнителю Владиславова царствования, опасаясь в нем готового сподвижника Ляхов; призвали Салтыкова из Ладожского стана, удостоверили крестным обетом в личной безопасности — и посадили на кол, возбужденные к делу столь гнусному злым Дьяком Самсоновым! Издыхая в муках, злосчастный клялся в своей невинности; говорил: «не знаю отца, знаю только отечество, и буду везде резаться с Лягами»... Жертва беззакония человеческого и правосудия Небесного: ибо сей юный, умный Боярин в день Клушинской битвы усерднее других изменников способствовал торжеству Ляхов и сраму Россиян!.. На место Салтыкова Ляпунов прислал Воеводу Бутурлина, а вслед за ним и Князя Троекурова, Думного Дворянина Собакина, Дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всем с Генералом Делагарди, который с пятью тысячами воинов находился уже близ Хутынской обители. Переговоры начались в его стане. «Судьба России, — сказал ему Бутурлин, — не терпит Венценосца отечественного: два бедственные избрания доказали, что подданному нельзя быть у нас Царем благословенным». Ляпунов хотел мира, союза с Шведами и принца их, юного Филиппа, в Государи; а Делагарди прежде всего хотел денег и крепостей в залог нашей искренности: требовал Орешка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иванягорода, Гдова. «Лучше умереть на своей земле, нежели искать спасения такими уступками», — ответствовали Российские сановники и заключили только перемирие, чтобы списаться с

Ляпуновым. Наученный обманом Сигизмунда, сей Властитель не думал делиться Россиею с Шведами; соглашался однако ж впустить их в Невскую крепость и выдать им несколько тысяч рублей из казны Новгородской, если они поспешат к Москве, чтобы вместе с верными Россиянами очистить ее престол от тени Владиславовой — для Филиппа. Все зависело от Делагарди, как прежде от Сигизмунда, — и Делагарди сделал то же, что Сигизмунд: предпочел город Державе!.. Если бы он неукоснительно присоединился к нашему войску под столицей, чтобы усилить Ляпунова, разделить с ним славу успеха, истребить Госевского и Сапегу, отразить Ходкевича, восстановить Россию: то венец Мономахов, исторгнутый из рук Литовских, возвратился бы, вероятно, потомству Варяжскому, и брат Густава Адольфа или сам Адольф, в освобожденной Москве законно избранный, законно утвержденный на престоле Великою Думою земскою, включил бы Россию в систему Держав, которые, чрез несколько лет, Вестфальским миром основали равновесие Европы до времен новейших!

Но Делагарди, снискав личную приязнь Бутурлина, бывшего Гетманова пленника и ревностного ненавистника Ляхов, вздумал, по тайному совету сего легкомысленного Воеводы, как пишут — захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее Московскому Царю-Шведу или удержать как важное приобретение для Швеции. Срок перемирия минул, и Делагарди, жалуясь, что Новгородцы не дают ему денег, изъявляют расположение неприятельское, укрепляются, жгут деревянные здания близ вала, ставят пушки на стенах и башнях, приблизился к Колмову монастырю, устроил войско для нападения, тайно высматривал места и дружелюбно угощал Послов Ляпунова. Бутурлин с ним не разлучался, празднуя в его стане. Другие Воеводы также беспечно пили в Новгороде; не берегли ни стен, ни башен; жители ссорились с людьми ратными; купцы возили товары к Шведам. Ночью с 15 на 16 Июля Делагарди, объявив своим чиновникам, что *враждебный* Новгород, *великий* именем, славный богатством, не страшный силами, должен быть их легкою добычею и важным залогом, с помощью одного слуги изменника, Ивана Швала, незапно вломился в западную часть города, в Чудинцовские ворота. Все спали: обыватели и стража. Шведы резали безоружных. Скоро раздался вопль из конца в конец, но не для битвы: кидались от ужаса в реку, спасались в крепость, бежали в поле и в леса; а Бутурлин Московскою дорогою с Детми Боярскими и стрельцами, имев однако ж время выграбить лавки и дома знатнейших купцов. Сражалась только горсть

людей под начальством Головы Стрелецкого, Василия Гаютина, Атамана Шарова, Дьяков Голенишева и Орлова; не хотела сдаться и легла на месте. Еще один дом на Торговой стороне казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Там мужествовал Протоиерей Софийского храма, Аммос, с своими друзьями, в глазах Митрополита Исидора, который на стенах крепости пел молебны и, видя такую доблесть, издали давал ему благословение крестом и рукою, сняв с него какую-то эпитимию церковную. Шведы сожгли наконец и дом и хозяина, последнего славного Новгородца в истории! Уже не находя сопротивления, они искали добычи; но пламя объяло вдруг несколько улиц, и Воевода Боярин Князь Никита Одоевский, будучи в крепости с Митрополитом, немногими Детями Боярскими и народом малодушным, предложил Генералу Делагарди мирные условия. Заключили, 17 Июля, следующий договор, от имени Карла IX и Новгорода, *с ведома Бояр и народа Московского*, утверждая всякую статью крестным целованием за себя и *потомство* :

1) Быть вечному миру между обеими Державами, на основании *Теузинского* договора. Мы, Новгородцы, отвергнув Короля Сигизмунда и наследников его, Литву и Ляхов вероломных, признаем своим защитником и покровителем Короля Шведского с тем, чтобы России и Швеции вместе противиться сему врагу общему и не мириться одной без другой.

2) Да будет Царем и великим Князем Владимирским и Московским сын Короля Шведского, Густав Адольф или Филипп. Новгород целует ему крест в верности, и до его прибытия обязывается слушать Военачальника Иакова Делагарди во всем, что касается до чести упомянутого сына Королевского и до государственного, общего блага; вместе с ним, Иаковом, утвердить в верности к Королевичу все города своего Княжества, оборонять их и не жалеть для того самой жизни. Мы, Исидор Митрополит, Воевода Князь Одоевский и все иные сановники, клянемся ему, Иакову, быть искренними в совете и ревностными на деле; немедленно сообщать все, что узнаем из Москвы и других мест России; без его ведома не замышлять ничего важного, особенно вредного для Шведов, но предостерегать и хранить их во всех случаях; также объявить добросовестно все приходы казенные, наличные деньги и запасы, чтобы удовлетворить войско, снабдить крепости всем нужным для их безопасности и тем успешнее смирить непослушных Королевичу и Великому Новгороду.

3) Взаимно и мы, Иаков Делагарди и все Шведские сановники, клянемся, что если Княжество Новгородское и Государство

Московское признают Короля Шведского и наследников его своими покровителями, заключив союз, против Ляхов, на вышеозначенных условиях: то Король даст им сына своего, Густава или Филиппа, в Цари, как скоро они единодушно, торжественным Посольством, изъявят его величеству свое желание; а я, Делагарди, именем моего Государя обещаю Новугороду и России, что их древняя Греческая Вера и богослужение останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри целы, Духовенство в чести и в уважении, имение святительское и церковное неприкосновенно.

4) Области Новгородского Княжества и другие, которые захотят также иметь Государя моего покровителем, а сына его Царем, не будут присоединены к Швеции, но останутся Российскими, исключая Кексгольм с уездом; а что Россия должна за наем Шведского войска, о том Король, дав ей сына в Цари и смилив все мятежи ее, с Боярами и народом сделает расчет и постановление особенное.

5) Без ведома и согласия Российского Правительства не вывозить в Швецию ни денег, ни воинских снарядов и не сманивать Россиян в Шведскую землю, но жить им спокойно на своих древних правах, как было от времени Рюрика до Феодора Иоанновича.

6) В судах, вместе с Российскими сановниками должно заседать такое же число и Шведских для наблюдений общей справедливости. Преступников, Шведов и Россиян, наказывать строго; не укрывать ни тех, ни других, и в силу Теузинского договора, выдавать обидчиков истцам.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и люди воинские сохраняют отчины, жалованье, поместья и права свои; могут заслужить и новые, усердием и верностию.

8) Будут награждаемы и достойные Шведы, за их службу в России, имением, жалованьем, землями, но единственно с согласия Вельмож Российских, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обеими Державами.

10) Козакам Дерптским, Ямским и другим из Шведских владений открыть путь в Россию и назад, как было уставлено до Борисова Царствования.

11) Крепостные люди, или холопы, как издревле ведется, принадлежат господам, и не могут искать вольности.

12) Пленники, Российские и Шведские, освобождаются.

13) Сии условия тверды и ненарушимы как для Новагорода, так и для всей Московской Державы, если она признает Государя Шведского

покровителем, а Королевича Густава или Филиппа Царем. О всем дальнейшем, что будет нужно, Король условится с Россией по воцарении его сына.

14) Между тем, ожидая новых повелений от Государя моего, я, Делагарди, введу в Новгород столько воинов, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю или для смирения непослушных, или для защиты верных областных жителей; а Княжеством Новгородским, с помощью Божиею, Митрополита Исидора, Воеводы Князя Одоевского и товарищей его, буду править радетельно и добросовестно, охраняя граждан и строгостию удерживая воинов от всякого насилия.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тем ревностнее содействовало общему благу.

16) Боярам и ратным людям не дозволяется, без моего ведома, ни выезжать, ни вывозить своего имущества из города.

17) Сии взаимные условия ненарушимы для Новгорода, и в таком случае, если бы, сверх чаяния, Государство Московское не приняло оных: в удостоверение чего мы, Воевода Иаков Делагарди, Полковники и Сотники Шведской рати, даем клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладством.

18) И мы, Исидор Митрополит с Духовенством, Бояре, чиновники, купцы и всякого звания люди Новгородские, также клянемся в верном исполнении договора нашему покровителю, Его Величеству Карлу IX и сыну его, будущему Государю нашему, хотя бы, сверх чаяния, Московское Царство и не приняло сего договора.

О Вере избираемого не сказано ни слова: Делагарди без сомнения успокоил Новгородцев, как Жолкевский Москвитян, единственно надеждою, что Королевич исполнит их желание и будет сыном нашей Церкви. В крайности обстоятельств молчала и ревность к Православию! Думали только спастись от государственной гибели, хотя и с соблазном, хотя и с опасностью для Веры.

Шведы, вступив в крепость, нашли в ней множество пушек, но мало воинских и съестных припасов и только 500 рублей в казне, так что Делагарди, мыслив обогатиться несметными богатствами Новгородскими, должен был требовать денег от Короля: ибо войско его нетерпеливо хотело жалованья, волновалось, бунтовало, и целые дружины с распущенными знаменами бежали в Финляндию.

К счастью Шведов, Новгородцы оставались зрителями их мятежа, и дали Генералу Делагарди время усмирить его, верно исполняя договор, утвержденный и присягою всех Дворян, всех людей

ратных, которые ушли с Бутурлиным, но возвратились из Бронниц. Сам же Бутурлин, если не изменник, то безумец, жив несколько дней в Бронницах, чтобы дожидаться там своих пожитков из Новгорода, им злодейски ограбленного, спешил в стан Московский, вместе с Делагардиевым чиновником, Георгом Бромме, известить наших Воевод, что Шведы, взяв Новгород как неприятели, готовы как друзья стоять за Россию против Ляхов.

Но стан Московский представлялся уже не Россиєю вооруженною, а мятежным скопищем людей буйных, между коими честь и добродетель в слезах и в отчаянии укрывались! — Один Россиянин был душою всего и пал, казалось, на гроб отечества. Врагам иноплеменным ненавистный, еще ненавистнейший изменникам и злодеям Российским, тот, на кого Атаман разбойников, в личине Государственного Властителя, изверг Заруцкий, скрежетал зубами — Ляпунов действовал под ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, он не имел, по крайней мере, смирения Михаилова; знал цену себе и другим; снисходил редко, презирал явно; жил в избе, как во дворце недоступном, и самые знатные чиновники, самые раболепные уставали в ожидании его выхода, как бы царского. Хищники, им унимаемые, пылали злобою и замышляли убийство в надежде угодить многим личным неприятелям сего величавого мужа. Первое покушение обратилось ему в славу; 20 Козаков, кинутых Воеводою Плещеевым в реку за разбой близ Угрешской Обители, были спасены их товарищами и приведены в стан Московский. Сделался мятеж: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервенение злых и холодность добрых, он в порыве негодования сел на коня и выехал на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться от недостойных сподвижников. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротив того убеждали остаться с ними. Он ночевал в Никитском укреплении, где в следующий день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именем России, чтобы ее главный поборник не жертвовал ею своему гневу. Ляпунов смягчился, или одумался: занял прежнее место в стане и в совете, одолев врагов, или только углубив ненависть к себе в их сердце. Мятеж утих; возник гнусный ков, с участием и внешнего неприятеля. Имея тайную связь с Атаманом-Триумвиром, Госевский из Кремля подал ему руку на гибель человека, для обоих страшного: вместе умыслили и написали именем Ляпунова указ к городским Воеводам о немедленном истреблении всех Козаков в один день и час. Сию подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представил товарищам Атаман Завазин: рука и печать казались

несомнительными. Звали Ляпунова на сход: он медлил; наконец уверенный в безопасности двумя чиновниками, Толстым и Потемкиным, явился среди шумного сборища Козаков; выслушал обвинения; увидел грамоту и печать; сказал: «писано не мною, а врагами России»; свидетельствовался Богом; говорил с твердостью; смыкал уста и буйных; не усовестил единственно злодеев: его убили, и только один Россиянин, личный неприятель Ляпунова, Иван Ржевский, стал между им и ножами: ибо любил отечество; не хотел пережить такого убийства и великодушно принял смерть от извергов: жертва единственная, но драгоценная, в честь Герою своего времени, главе восстания, животворцу государственному, коего великая тень, уже примиренная с законом, является лучезарно в преданиях истории, а тело, искаженное злодеями, осталось, может быть, без Христианского погребения и служило пищею врагам, в упрек современникам неблагодарным, или малодушным, и к жалости потомства!

Следствия были ужасны. Не умев защитить мужа силы, достойного Стратига и Властителя, войско пришло в неописанное смятение; надежда, доверенность, мужество, устройство исчезли. Злодейство и Заруцкий торжествовали; грабительства и смертоубийства возобновились, не только в селах, но и в стане, где неистовые Козаки, расхитив имение Ляпунова и других, умертвили многих Дворян и Детей Боярских. Многие воины бежали из полков, думая о жизни более, нежели о чести, и везде распространили отчаяние; лучшие, благороднейшие искали смерти в битвах с Ляхами... В сие время явился Сапега от Переславля, а Госевский сделал вылазку: напали дружно, и снова взяли все от Алексеевской башни до Тверских ворот, весь Белый город и все укрепления за Москвою-рекою. Россияне везде противились слабо, уступив малочисленному неприятелю и монастырь Девичий. Сапега вошел в Кремль с победою и запасами. Хотя Россия еще видела знамена свои на пепле столицы, но чего могла ждать от войска, коего срамными главами оставались Тушинский Лжебоярин и злодей, сообщник Марины, вместе с изменниками, Атаманом Просовецким и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

И что была тогда Россия? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайских и Крымских: пепелищем кровавым, пустынею; вся юго-западная, от Десны до Оки, в руках Ляхов, которые, по убиении Лжедмитрия в Калуге, взяли, разорили верные ему города: Орел, Болхов, Белев, Карачев, Алексин и другие; Астрахань, гнездо мелких самозванцев, как бы отделилась от России и думала существовать в виде особенного Царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воевод

Московского стана; Шведы, схватив Новгород, убеждениями и силою присвоивали себе наши северо-западные владения, где господствовало безначалие, — где явился еще новый, третий или четвертый Лжедмитрий, достойный предшественников, чтобы прибавить новый стыд к стыду Россиян современных и новыми гнусностями обременить историю, — и где еще держался Лисовский с своими злодейскими шайками. Высланный наконец жителями из Пскова и не впущенный в крепкий Иваньгород, он взял Вороночь, Красный, Заволочье; нападал на малочисленные отряды Шведов; грабил, где и кого мог. Тихвин, Ладога сдались Генералу Делагарди на условиях Новгородских; Орешек не сдавался...
